

06
С-

2/IV

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1976

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. И. Соколов.</i> Проблемы углубления социалистической экономической интеграции	3
<i>Т. В. Игнатьева.</i> Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление социально-экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти	16
<i>Анджей Скушпек</i> (ПНР). Польско-советские переговоры 1934 г. по вопросу о балтийской декларации	32
<i>Стефан Великов</i> (Болгария). О деятельности болгарской школы в Царьграде	38
<i>Г. Э. Санчук.</i> Германо-чешские отношения первой половины X века	44
<i>В. Е. Гусев.</i> Рукописный сборник из библиотеки Вука Караджича — памятник дубровницкой культуры конца XVII — начала XVIII века	55
<i>С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова.</i> Процессы языковой интерференции на Карпатах и «Общекарпатский диалектологический атлас»	63
<i>С. А. Аверина.</i> К характеристике лексического варьирования в древнейших славянских переводах	70

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Л. С. Кишкин.</i> Знакомство и переписка Франтишека Палацкого с В. А. Жуковским	83

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Л. Н. Клепацкий.</i> Научная серия «Экономика и политика зарубежных стран социализма»	87
<i>П. Н. Ольшанский.</i> Euzebiusz Basinski, Tadeusz Walichnowski. Stosunki polsko-radzieckie. 1944—1974	92

<i>Е. Л. Немировский.</i> Новый труд о начале книгопечатания на Украине . . .	94
<i>О. Семенова.</i> История архитектурного ансамбля Королевского Замка в Варшаве	96
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Второй Кирилло-Мефодиевский сборник	97
<i>Н. И. Толстой.</i> Большой синонимический словарь сербскохорватского языка	98
<i>Ю. В. Откупщиков.</i> «Балто-славянские исследования»	101

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1975 г. (продолжение).	105
Содержание иностранных журналов	114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. А. Калужская.</i> III симпозиум по балканскому языкознанию «Античная балканистика 2»	117
<i>В. Злыднев, А. Rogov.</i> Комплексная конференция в Варне по проблемам славянских культур	119
<i>К. Гогина.</i> Конференция чехословацких и советских историков	122
<i>Н. Пономарева.</i> Международный симпозиум «Проблемы связей русской и советской литературы с другими национальными литературами мира» . .	123
<i>Н. Прокофьева.</i> Международный научный симпозиум по истории славистики.	124
<i>И. Костюшко.</i> <u>Иван Александрович Хренов</u>	127

06
С-

БИБЛИОТЕКА
И-ТА РУССКО О ЯЗЫКА
И-ТА ЯЗЫКОВ СЛАВЯН АН СССР

н. 11256

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИЦ, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

© Издательство «Наука»,
«Советское славяноведение», 1976 г.

А. И. СОКОЛОВ

ПРОБЛЕМЫ УГЛУБЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Переход к социалистической интеграции явился закономерным итогом постоянной заботы КПСС и других братских партий об укреплении экономических и политических основ социалистического содружества. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, принципом социалистического интернационализма, они проделали огромную работу по установлению и развитию политических и экономических отношений нового типа между странами социалистического содружества. Совместно с другими братскими партиями КПСС внесла большой вклад в теоретическую разработку проблем социалистической интеграции, выдвинув, в частности, ряд принципиальных положений по совершенствованию форм и методов совместной плановой деятельности, экономического механизма сотрудничества, его организационных и правовых основ¹.

XXIV съезд КПСС, съезды и пленумы ЦК коммунистических и рабочих партий других стран СЭВ определили переход к интеграции не только как долговременный стратегический курс, но и как конкретную директиву для всех государственных и хозяйственных органов, участвующих в развитии взаимных хозяйственных связей². Комплексной программой социалистической экономической интеграции, принятой XXV сессией СЭВ в июне 1971 г., определяется в настоящее время развитие взаимного сотрудничества стран СЭВ как на ближайшие годы, так и в более отдаленной перспективе. Интеграция означает на практике растущее взаимодействие народнохозяйственных комплексов братских стран, в результате которого все более широкий круг проблем дальнейшего развития решается на основе коллективных усилий, на основе подхода к ним как к проблемам по сути своей интернациональным.

Главным итогом реализации Комплексной программы за истекшие годы явилось углубление сотрудничества стран — членов СЭВ в основных отраслях материального производства, в области науки и техники. Осуществление в 1971—1975 гг. большинства намеченных в Программе мероприятий заложило основы более эффективных и взаимовыгодных хозяйственных связей между странами — членами СЭВ. Это нашло отражение в ускорении темпов роста взаимной торговли, в наметившейся ориентации сотрудничества на решение крупномасштабных народнохозяйственных задач. Опыт осуществления ряда крупных совместных проектов

¹ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 302.

² См. «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1971, стр. 28—37; т. II. М., 1971, стр. 60—64.

и соглашений привел к активизации многостороннего сотрудничества, подготовил условия для разработки многостороннего плана интеграционных мероприятий на 1976—1980 гг. Качественные сдвиги произошли и в сотрудничестве на двусторонней основе. Заключены новые соглашения по специализации и кооперации в производстве и научно-технических исследованиях. Ряд стран разработали долгосрочные перспективные программы двустороннего сотрудничества.

Суммарный национальный доход стран — членов СЭВ с 1950 по 1974 г. повысился в 6,2 раза, в то время как в странах Европейского экономического сообщества — в 2,9 раза, а в целом по экономически развитым капиталистическим странам — лишь в 2,8 раза. Объем промышленного производства стран — членов СЭВ за тот же период расширился в 9,2 раза, а в экономически развитых капиталистических странах — в 3,4 раза³.

В 1974 г. в странах СЭВ было произведено 1301 млрд *квтч* электроэнергии, а в странах ЕЭС — 1041 млрд *квтч*; угля соответственно — около 800 и 255 млн *т*, нефти — 458 и 10 млн *т*, газа — 251 и 152 млрд *куб. м*, стали — 185 и 156 млн *т*. За период 1960—1973 гг. объем сельскохозяйственного производства на душу населения в странах — членах СЭВ возрос на $\frac{1}{3}$, а в странах ЕЭС — на $\frac{1}{5}$. На страны СЭВ приходится сегодня $\frac{1}{3}$ мирового производства пшеницы, 46% сахарной свеклы и 60% картофеля. Доля промышленности и строительства в производственном национальном доходе возросла за 1950—1973 гг. в Болгарии с 43,4 до примерно 60%, в Венгрии — с 35,1 до 54,7, в Монголии — с 11,1 до 36,7, в Польше — с 40,9 до 62,3%⁴. В настоящее время все европейские страны СЭВ выпускают электронно-вычислительную технику, располагают развитыми отраслями химии и нефтехимии, реализуют крупные программы создания или развития атомной энергетики.

Эти итоги свидетельствуют о динамичном развитии всех сторон экономической жизни в странах СЭВ, включая их участие в мировой торговле. Благодаря формированию в этих странах современных, базирующихся на крупной машинной индустрии народнохозяйственных комплексов возросли не только количественные, но и качественные показатели производства.

Общий рост экономики стран СЭВ сопровождался решением задач углубления технического прогресса. В результате увеличился вклад каждой из стран СЭВ в общий научно-технический потенциал социалистического содружества. Достаточно отметить, что в настоящее время потенциал зарубежных стран СЭВ в своей сумме приближается к трети внешнего советского, или равен тому научно-техническому потенциалу, который имел СССР в первой половине 60-х годов, когда советская наука и техника добилась по целому ряду направлений самых передовых в мире достижений⁵.

На основе всех этих процессов неуклонно возрастают экономический потенциал и роль европейских стран — членов СЭВ в мировой экономике. (По достаточно осторожной оценке, их промышленный потенциал составляет не менее 50% от потенциала западноевропейской девятки — стран ЕЭС, имеющих вдвое большую численность населения.)

О росте экономического и научно-технического потенциала свидетельствует, прежде всего, отчетливо выраженная индустриальная структура экспорта в большинстве стран СЭВ.

³ «Коммунист», 1975, № 16, стр. 87.

⁴ Расчеты сделаны по кн. «Статистический справочник. Страны — члены СЭВ». М., 1975.

⁵ «Политическое самообразование», 1974, № 1, стр. 70.

В последние годы на страны СЭВ приходится примерно 10% мирового товарного экспорта, они выступают в качестве крупных экспортеров многих видов продукции, включая продукцию машиностроения. На их долю приходится, по приблизительной оценке, от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ экспорта оборудования для химической промышленности и сельскохозяйственных машин, почти половина экспорта железнодорожного подвижного состава ⁶.

Страны СЭВ располагают крупными специализированными экспортными мощностями во многих отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, причем не только Советский Союз, Чехословакия и ГДР, имевшие и в прошлом развитую производственную базу. В крупных экспортеров продукции современных отраслей промышленности превратились Болгария, Венгрия, Польша, Румыния. Например, мощности Венгрии по производству автобусов примерно в 10 раз превышают потребности ее внутреннего рынка (83% выпускаемых в стране автобусов экспортировано в 1974 г. в другие страны СЭВ). Доля экспорта в реализованной промышленной продукции Польши достигла в 1974 г. 15%. По некоторым отраслям она еще выше: электромашиностроение — 28%, химическая промышленность — 18% ⁷.

Опыт первых лет реализации Комплексной программы показывает, что основным внешнеэкономическим фактором повышения экономического уровня менее развитых в прошлом стран социализма является их широкое участие в планомерном социалистическом разделении труда, в формировании и развитии ведущих отраслей их народного хозяйства с учетом рациональной международной специализации и кооперирования производства. Это избавляет их от тех крупных издержек, которые связаны с приспособлением отраслевых и ассортиментных структур к изменяющейся конъюнктуре мирового капиталистического рынка. Существенный прогресс достигнут и в сближении уровней научно-технического развития.

В перспективе сближение и выравнивание уровней явятся результатом дальнейшего роста масштабов производства, его концентрации и специализации, сближения технологических характеристик важнейших отраслей народного хозяйства, интенсивного вовлечения в международный оборот естественных материальных и финансовых ресурсов социалистических государств на основе совместного использования преимуществ рационального взаимоприспособления отраслевых и ассортиментных структур производства, согласования основных направлений текущей и долгосрочной экономической политики, совместной разработки и реализации крупных отраслевых целевых программ. Выравнивание уровней развития народного хозяйства служит также постоянно действующим экономическим стимулом для все более тесного сближения государственно организованных народнохозяйственных комплексов и их постепенного интегрирования в единый международный комплекс.

Взаимоприспособление народнохозяйственных структур интегрированного сообщества позволит решить противоречие между постоянно углубляющейся специализацией на рынках СЭВ и определенной диверсификацией выступлений социалистических государств на рынках третьих стран.

Оценивая успехи в развитии разделения труда и укреплении позиций стран СЭВ в общемировой экономике, нельзя не видеть, что далеко не все потенциальные возможности в данных областях были в прошедшие годы использованы в надлежащей мере. Это относится к масштабам участия в мировом экономическом обороте и к проблемам, связанным со структурой и эффективностью внешнеэкономических связей. Комплексная про-

⁶ «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 1, стр. 16.

⁷ Там же.

грамма как раз и предусматривает преодоление несоответствия между размерами экономического потенциала стран СЭВ и степенью, а главное — эффективностью их участия в международном разделении труда.

Одним из важных результатов сотрудничества стран СЭВ в предшествующий период явилась подготовка материальных и организационных предпосылок для перехода к социалистической экономической интеграции. Хотя ее элементы складывались в течение относительно длительного периода, однако организованный и сознательно управляемый процесс социалистической экономической интеграции начался лишь недавно — с разработкой и принятием Комплексной программы.

Необходимость коллективного планирования становится все более настоятельной по мере интенсификации международных хозяйственных связей, повышения их роли в развитии экономики каждой социалистической страны.

Экономическая интеграция стран СЭВ предполагает неуклонное повышение степени планового взаимодействия народнохозяйственных комплексов на базе углубляющейся кооперации, планомерной интернационализации все более широкого круга народнохозяйственных пропорций, согласованного развития во всех странах-участницах отраслей производств и сфер международной специализации.

В ходе планомерного кооперирования национальных социалистических экономик постепенно формируется новая экономическая общность — многонациональный (межгосударственный) комплекс, представляющий собой экономическую основу интегрированного сообщества социалистических государств. Интернациональное обобществление труда на базе углубления кооперации народнохозяйственных комплексов способствует формированию и закреплению все более широкой совокупности общих экономических интересов интегрированного социалистического сообщества.

Содержание последующего этапа — этапа взаимоприспособления самостоятельных народнохозяйственных структур («структурная интеграция») — будет определяться, видимо, формированием единой, отраслевой и территориальной, структуры интегрированного сообщества и, следовательно, реальной интернационализацией в его масштабах основных пропорций расширенного воспроизводства⁸.

Интегрированное сообщество стран СЭВ, таким образом, формируется не как некий эквивалент «Общего рынка», а как общая международная структура, складывающаяся на базе планомерной интернационализации все более широкого круга народнохозяйственных пропорций. Это обеспечивает гармоничный характер процесса развития международного социалистического разделения труда, оптимальные способы разрешения противоречий, связанных с включением в него отдельных национальных хозяйств.

Одно из этих противоречий заключается в том, что в результате международного разделения труда возникают специфические структуры (общемирового хозяйства, его социально-экономических секторов, отдельных регионов). Эти «мегаструктуры» активно воздействуют на национальные структуры производства и потребления.

В истории мирового капиталистического хозяйства можно найти немало примеров свертывания отдельных производств, продукция которых объективно не могла рассматриваться как излишняя (например, сокращение добычи каменного угля в Западной Европе, не выдержавшей конку-

⁸ Подробнее см. Ю. С. Ш и р я е в. О некоторых теоретических проблемах международного социалистического разделения труда. «Известия АН СССР. Серия экономическая», 1975, № 1.

ренции дешевой ближневосточной нефти), прекращения собственных научно-технических исследований, которые потенциально дали бы большой эффект по сравнению с заимствованной технологией, и т. д.

Отсюда ключевой проблемой эффективного включения народнохозяйственных комплексов в международное разделение труда является преодоление ими структурного барьера при минимальной ломке сложившихся (закрепленных в структуре основных фондов) внутрихозяйственных пропорций.

При капитализме преодоление структурного барьера происходит в условиях острейшей конкурентной борьбы, которая только лишь отчасти смягчается с помощью тех или иных «международных бюрократических наростов» над внешнеэкономической деятельностью корпораций.

Социалистическая система международного разделения труда открывает в этой области принципиально новые возможности. Согласование долгосрочной экономической политики, планомерное взаимоприспособление национальных структур исключает противопоставление коллективно формируемой «мегаструктуры» социалистического содружества отдельным народнохозяйственным комплексам⁹.

Исключительно важное значение поэтому имеют осуществляемые в настоящее время мероприятия по совершенствованию интеграционного планирования: предусмотрение в народнохозяйственных планах материального и финансового обеспечения интеграционных мероприятий, определение совокупности общих целевых установок в ключевых областях совместной плановой деятельности на многосторонней основе, координация народнохозяйственных планов с учетом долгосрочной перспективы.

В условиях капитализма результаты международного разделения труда присваиваются государственно-монополистическим капиталом наиболее развитых стран, что порождает острейшие социально-экономические и межгосударственные конфликты.

Социалистическая интеграция⁹ создает условия для планомерного и взаимовыгодного кооперирования национальных экономик как на народнохозяйственном уровне, так и на уровне отдельных отраслей, производств и сфер хозяйственной деятельности.

Анализ практики сотрудничества стран СЭВ за последние годы показывает, что в ходе реализации мероприятий Комплексной программы постепенно отлаживается экономический механизм формирования и развития крупномасштабных научно-производственных комплексов, способных обеспечить всем странам-участницам использование растущих выгод международного кооперирования.

Планомерность и стабильность разделения труда между странами СЭВ гарантируется системой межгосударственных соглашений. Важнейшими из них являются долгосрочные соглашения по экономическому сотрудничеству, заключаемые на 5 лет по итогам координации национальных планов. В них фиксируются взаимные обязательства сторон по поставкам важнейших товаров и услуг, развитию специализации и кооперации производства и научно-технических исследований, валютно-финансовым и другим вопросам. Пятилетние соглашения дополняются договорами по конкретным объектам и направлениям сотрудничества, многие из ко-

⁹ При этом нельзя, конечно, абстрагироваться от реальных ограничений, осложняющих процесс срастания национальных структур в «мегаструктуру»: наличие ресурсов, необходимые для экономического маневра, способность правильной оценки перспективных тенденций развития технологии и производства, неизбежность принятия в некоторых случаях компромиссных, «квазиоптимальных» решений, а также воздействие внешних по отношению к социалистическому содружеству факторов, вытекающих из разделения труда с третьими странами.

торых заключаются на срок 10—15 лет и более (например, о совместном производстве определенных видов оборудования — станков с программным управлением, ЭВМ).

В документах XXIII и последующих сессий СЭВ, в Комплексной программе социалистической экономической интеграции отмечается, что основным средством развертывания интеграционных процессов в экономике, совместного решения общих задач братских стран является сотрудничество в области плановой деятельности.

Социалистический интеграционный процесс не имеет ничего общего со стихийным развитием международных экономических отношений, присущим капитализму. Социализму принципиально чужда стихийная игра рыночных цен. Совершенствование совместной плановой деятельности во всех ее конкретных формах является поэтому основным методом углубления всестороннего хозяйственного сотрудничества социалистических государств. Плановый характер взаимных связей обеспечивает в конечном счете каждой братской стране столь крупные преимущества, которые не могут быть получены за счет внешнеэкономических связей с капиталистическими государствами¹⁰.

Особо важная роль в согласовании направлений хозяйственного развития братских стран принадлежит взаимным консультациям по основным вопросам экономической политики. Без них немислимы глубокий анализ и обобщение накопленного опыта, обоснованная разработка стратегических целей и задач национального экономического развития, сближение позиций стран и выработка ими общей программы действий, научно обоснованное социально-экономическое прогнозирование и планирование¹¹.

В современной обстановке, когда масштабы производства материальных ценностей достигли огромных размеров, а научно-техническая революция обуславливает непрерывное расширение ассортимента выпускаемых изделий, изменение технологии и организации производства, повышение качества продукции, возникла настоятельная необходимость в разработке научных прогнозов в важнейших областях экономики, науки и техники. В социалистическом хозяйстве научное прогнозирование — это первоначальный этап общего процесса социалистического планирования.

Другое новое направление совместной плановой деятельности стран СЭВ — это координация хозяйственных планов на длительную перспективу по важнейшим отраслям народного хозяйства и видам производства. Еще в первые годы становления социалистического планового хозяйства В. И. Ленин писал, что «нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех»¹².

В настоящее время страны социалистического содружества заложили основы целостного планового механизма социалистической интеграции. Координация долгосрочных планов на данном этапе не охватывает всех показателей народнохозяйственных планов, а касается лишь отдельных важных проблем, в решении которых заинтересованы все или несколько стран социалистического содружества. Эти проблемы выявляются в ходе

¹⁰ В девятой пятилетке на СССР приходилось, например, 36% общего товарооборота между всеми странами СЭВ. Советский Союз занимает первое место во внешне-торговом обороте каждой из этих стран, являясь наиболее крупным поставщиком и покупателем самых разнообразных товаров (см. «Вопросы экономики», 1974, № 5, стр. 85—87; «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 11, стр. 26—35).

¹¹ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 187—188; т. 4, 1974, стр. 275.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 153—154.

взаимных консультаций по основным вопросам экономической и научно-технической политики, а также на основе совместного прогнозирования.

Для коммунистических партий и правительств стран социалистического содружества характерно внимательное и бережное отношение к коллективному опыту. «Для нас, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — стало потребностью учиться на опыте друг друга...»¹³. Мировой социализм вбирает в себя все богатство и многообразие революционных традиций и опыта, порождаемого творчеством трудящихся разных стран. Использование коллективного опыта, причем на строго добровольной основе, приносит громадную пользу каждой из братских стран, избавляя подчас от излишних поисков уже найденных другими решений.

Одним из перспективных методов разработки и реализации международных программ взаимного сотрудничества становится совместное планирование заинтересованными странами отдельных отраслей и видов производства. Не ограничивая самостоятельной внутренней плановой деятельности, оно позволяет в то же время объединить усилия ряда стран в быстрейшем достижении высоких научно-технических результатов, повышении производительности труда, обеспечении высокой конкурентоспособности изделий.

Важнейшим компонентом усовершенствованного планового механизма социалистической интеграции продолжает оставаться координация пятилетних народнохозяйственных планов, которая и впредь будет играть роль не только наиболее регулярной, но и наиболее комплексной формы совместной плановой деятельности. Если другие ее формы рассчитаны на различные периоды времени (в зависимости от конкретных целей и решаемых на их базе проблем), то только координация пятилетних планов создает условия для увязки этих проблем с общими задачами национальных народнохозяйственных планов в целом.

Что касается нашей страны, то апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул в качестве одной из главных задач ускорение темпов развития социалистической интеграции, подчеркнув необходимость коренного изменения в подходе к планированию внешних экономических связей¹⁴.

В июне 1973 г. на состоявшейся в Праге XXVII сессии СЭВ Советский Союз внес предложение, чтобы мероприятия по социалистической экономической интеграции входили в государственные планы каждой страны и чтобы на их основе можно было разработать многосторонний пятилетний план развития интеграции стран СЭВ. Это предложение было принято участниками сессии¹⁵. Важность и необходимость последовательной работы в этом направлении была подчеркнута в решениях Крымской встречи (июль 1973 г.) руководителей братских партий социалистических стран¹⁶.

Координация народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ на период 1976—1980 гг. имеет ряд специфических черт и во многих отношениях отличается от координации планов на предшествовавшие пятилетия, в том числе и на 1971—1975 гг. Страны СЭВ располагают ныне более мощным экономическим и научным потенциалом, более разносторонним опытом, чем ранее, и это позволяет им совместно решать возросшие по своим масштабам производственно-технические и социальные задачи.

Как известно, разработка проекта Комплексной программы социалистической экономической интеграции совпала с проведением работ по координации народнохозяйственных планов стран СЭВ на 1971—

¹³ Л. И. Брежнев. Ленинском курсом. Речи и статьи, т. I. М., 1970, стр. 491.

¹⁴ См. «Правда», 1973, 28 апреля.

¹⁵ См. «Правда», 1973, 8 июня; «Экономическая газета», 1973, № 46.

¹⁶ См. «Правда», 1973, 1 августа.

1975 гг. Это, естественно, в какой-то мере ограничило возможности решения крупномасштабных проблем производства, науки и техники, включенных в проект Комплексной программы. Теперь положение изменилось. Впервые координация народнохозяйственных планов на очередной пятилетний период (1976—1980 гг.) проводится после утверждения Комплексной программы, представляющей собой, по существу, генеральный план совместной экономической деятельности братских стран на несколько пятилетий вперед¹⁷.

Характерной чертой координации этих планов является органическая увязка с основными направлениями экономического развития братских стран на длительную перспективу до 1990 г. Кроме того, координация планов на текущее пятилетие опирается на тот крупный задел в реализации мероприятий Комплексной программы, который был создан за последние годы. Все это вносит новые элементы в координацию пятилетних планов, ставит ее на прочную базу долгосрочных соглашений в сфере производства, науки и техники, совместно осуществляемых проектов капитального строительства, повышает уровень комплексного охвата коллективно решаемых проблем.

Для комплексного подхода к координации народнохозяйственных планов в настоящее время имеются и более благоприятные, чем в прошлом, организационные предпосылки: в рамках СЭВ функционируют теперь авторитетные плановые органы — Комитет по сотрудничеству в области плановой деятельности, Комитет по сотрудничеству в области материально-технического снабжения¹⁸.

Координация планов на 1976—1980 гг., несомненно, станет новой ступенью в овладении братскими странами механизмом действия присущего социализму закона планомерного развития народного хозяйства на международной арене¹⁹.

В результате общий объем товарооборота между СССР и другими странами СЭВ увеличится в текущее пятилетие по сравнению с 1971—1975 гг. более чем на 50%. Наиболее высокими темпами будет расти торговля машинами и оборудованием. Так, если общий объем товарооборота между СССР и Чехословакией увеличится в 1976—1980 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием на 40%, то торговля машинами и оборудованием — на 67%. В советско-польской торговле этот прирост составит соответственно 50 и 100%²⁰.

Возрастание намечаемых взаимных поставок товаров связано с реализацией различных форм сотрудничества в сфере материального производства, в том числе с созданием новых производственных мощностей совместными усилиями заинтересованных стран, координацией капитальных вложений при строительстве отдельных объектов и реконструкцией действующих мощностей, представляющих взаимный интерес.

Важнейшим направлением сотрудничества является специализация и кооперирование производства в основных отраслях народного хозяйства, и прежде всего в машиностроении. По предварительным подсчетам, общий объем взаимных поставок машиностроительной продукции между СССР и другими странами СЭВ и СФРЮ в 1976—1980 гг. увеличится почти на $\frac{3}{4}$ по сравнению с прошедшим пятилетием²¹.

¹⁷ См. А. Н. К о с ы г и н. Избранные речи и статьи, М., 1975, стр. 626.

¹⁸ См. «Правда», 1974, 20 июня.

¹⁹ См. О. Р ы б а к о в. Социалистическая экономическая интеграция — важная сфера народнохозяйственного планирования. «Плановое хозяйство», 1974, № 4, стр. 9—18.

²⁰ «Новое время», 1975, № 38, стр. 21.

²¹ «Коммунист», 1975, № 16, стр. 82.

Если 15—20 лет назад страны — члены СЭВ за счет собственного производства и взаимных поставок удовлетворяли лишь 25% потребностей пищевой промышленности в современных машинах и автоматических линиях, то сейчас они удовлетворяют их в объеме 60—70%²². В период 1976—1980 гг. практически полностью будет обновлено оборудование на предприятиях пищевой промышленности. В связи с этим все более возрастает значение многостороннего сотрудничества между странами СЭВ для решения совместными усилиями проблем более полного удовлетворения потребностей пищевой промышленности в современном оборудовании, комплектных и технологических линиях и средствах автоматизации.

Основное внимание при осуществлении совместного проектирования обращается на разработку проектов, обеспечивающих самый высокий уровень техники и технологии, а также самую эффективную организацию производства. Наряду с развивающимся и крепнущим многосторонним сотрудничеством между странами СЭВ продолжает возрастать и углубляться и двустороннее сотрудничество. С помощью СССР спроектированы и построены современные рыбоперерабатывающие базы в Болгарии, ГДР и Польше, расширяется рыболовный флот этих стран. В Болгарии также с помощью СССР построены два завода шампанских вин, цех по производству лимонной кислоты и т. д. С помощью ГДР, Болгарии и Венгрии в Монголии построены 3 крупных мясокомбината. В СССР при техническом содействии Болгарии построен завод по производству искусственной оболочки для колбасного производства. На основе анализа основных тенденций совершенствования технологических процессов в сахарной, масло-жировой, мясной, молочной и других отраслях пищевой промышленности определены главные направления в создании оборудования для этих отраслей и потребности в этом оборудовании стран СЭВ на период до 1985 г.

Страны — члены СЭВ объединяют усилия в обеспечении сельского хозяйства современной техникой. Разработана концепция развития технического прогресса в области механизации и электрификации сельского хозяйства стран социалистического содружества на период до 1980 г. Прогнозы развития материально-технической базы сельского хозяйства охватывают оптимальные потребности в тракторах, сельскохозяйственных, мелиоративных и лесных машинах, а также в комплексном оборудовании для животноводческих и других объектов с промышленными методами производства; потребности животноводства в химических продуктах, развития биологической науки стран — членов СЭВ до 1985 г.

Создана новая усовершенствованная международная система машин для комплексной механизации сельского и лесного хозяйства (МСМ), которая содержит более 700 типов и 1750 типоразмеров сельскохозяйственных и лесных машин, в производстве и реализации которых заинтересован ряд стран — членов СЭВ²³. В этой системе коллективно обобщен накопленный опыт и новейшие достижения в области сельскохозяйственной и лесной техники, что позволяет использовать ее для специализации и кооперирования производства тракторов и сельскохозяйственных машин. В странах — членах СЭВ международная система машин используется для усовершенствования национальных систем, а также при конструировании новых и модернизации имеющихся сельскохозяйственных машин. Заключенное на основе этой системы соглашение о международной многосторонней специализации и кооперировании сельскохозяйственного машиностроения охватывает 9 типов тракторов, 61 тип других сельскохо-

²² «Международная жизнь», 1975, № 12, стр. 17.

²³ «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1975, № 1, стр. 79.

зайственных машин и одну комплектную технологическую линию. Сегодня Болгария специализируется на производстве 11 машин, Венгрия — 14, Советский Союз — 27²⁴. Большое внимание уделяется также работам по типизации и стандартизации оборудования, а также созданию единых международных систем машин для отдельных отраслей второго подразделения общественного производства. Намечено, что общий объем взаимных поставок сельскохозяйственных машин между сотрудничающими странами в текущей пятилетке возрастет приблизительно в три раза.

Развивающаяся быстрыми темпами химическая промышленность в странах СЭВ во все большей степени начинает служить важным источником сырья и материалов для их легкой промышленности. Наряду с расширением производства изделий легкой промышленности в странах СЭВ предусматривается широкое применение химических и особенно синтетических волокон, искусственных кож и других синтетических материалов.

Сотрудничество стран СЭВ все шире охватывает область строительства, включая специализацию и кооперирование в производстве машин и оборудования для сельскохозяйственного и жилищного строительства. В целях дальнейшей интенсификации производства продукции животноводства и перевода его на промышленную основу в рамках СЭВ разработаны предложения по проектированию и строительству объектов для промышленного производства молока, говядины, свинины, бройлеров и яиц. В странах СЭВ разработаны прогнозы мелиорации земель на период до 1985 г. Предусматривается увеличить к 1985 г. площадь орошаемых земель по сравнению с 1970 г. в 2,2 раза, площадь осушаемых земель в 2,3 раза. Примером сотрудничества в области жилищного строительства может служить советско-болгарское соглашение об участии СССР в сооружении на территории Болгарии 10 домостроительных комбинатов мощностью 1,4 млн кв. м полезной площади (20 тыс. квартир) в год²⁵.

Проблема перевооружения ряда отраслей народного хозяйства на базе новейших достижений научно-технического прогресса является важной и сложной. Вполне понятно, ее также нельзя решить в рамках одной пятилетки. Страны СЭВ, как известно, уже располагают крупнейшим в мире потенциалом машиностроения. Однако его возможности используются далеко не полностью. В известной степени это было вызвано отставанием международной специализации и кооперирования производства, относительно медленным освоением новейших технологий, а также конструкций машин и оборудования. XXIX сессия СЭВ приняла решение разработать долгосрочную комплексную программу развития машиностроения на основе глубокой специализации и кооперирования производства. Такая программа позволит странам СЭВ более успешно координировать усилия в решении задач удовлетворения своих потребностей в современном оборудовании и осуществлении технического перевооружения ведущих отраслей народного хозяйства. Национальным плановым органам в рамках Комитета СЭВ по сотрудничеству плановой деятельности предстоит определить содержание целевых долгосрочных комплексных программ и порядок их разработки, проекты их рассмотрит очередная сессия. Речь, таким образом, идет о подготовке материалов, определяющих совместные действия братских стран в решении жизненно важных долгосрочных проблем, предусмотренных Комплексной программой²⁶.

Как для СССР, так и для других стран СЭВ, существует возможность полного и стабильного удовлетворения своих потребностей в основных сельскохозяйственных продуктах за счет собственного производства.

²⁴ «Известия», 1975, 28 апреля.

²⁵ «Отечествен фронт», 12 II 1975.

²⁶ «Коммунист», 1975, № 16, стр. 84—85.

Это особенно важно, если учесть вероятность предстоящего обострения продовольственной проблемы в несоциалистических странах. Предполагаются не только количественный рост, но и коренная перестройка всего сельскохозяйственного производства на индустриальной основе, соответствующее изменение культурно-бытовых условий жизни сельского населения. Намечаемые сдвиги в сельском хозяйстве имеют не только экономическое, но и глубокое социальное значение, они обеспечат условия для дальнейшего преодоления существенных различий между городом и деревней, промышленным и сельскохозяйственным трудом, рабочим классом и крестьянством. Перед странами социалистического содружества встает задача обеспечения научно обоснованных норм потребления одежды, обуви, основных видов бытовой техники и бытовых услуг. Особое значение будет иметь коренное улучшение качества и расширение ассортимента товаров, практически полное устранение дефицита отдельных товаров на потребительском рынке.

Увеличение масштабов производства предметов народного потребления и непрерывное расширение и обновление их ассортимента представляет собой, естественно, нелегкую задачу. Ее решение предполагает максимальное использование всех резервов развития отраслей второго подразделения общественного производства, и прежде всего резервов совершенствования производства на основе использования важнейших достижений научно-технического прогресса.

Коллективные решения социалистических стран по вопросам дальнейшего развития их сотрудничества неизменно проникнуты глубокой заботой об общих интересах всего содружества. Процветание и укрепление содружества — это одновременно процветание и укрепление каждой входящей в него страны.

Этому полностью отвечает и согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий по совместному строительству промышленных объектов и развитию многосторонней специализации и кооперирования производства, принятый на XXIX сессии СЭВ. Составление такого плана — начало большой и исключительно важной работы по объединению усилий и ресурсов для решения таких базовых проблем, как развитие энергетики, черной и цветной металлургии, машиностроения, обеспечение всех стран содружества продовольствием и другой сельскохозяйственной продукцией.

Этот план включает намеченные странами для выполнения в предстоящий период наиболее крупные многосторонние интеграционные мероприятия по строительству объектов и созданию дополнительных мощностей совместными усилиями заинтересованных стран общей сметной стоимостью примерно 9 млрд переводных рублей. Ввод их в эксплуатацию позволит получить существенный прирост продукции, которая будет направлена на удовлетворение потребностей заинтересованных стран СЭВ, участвующих в сооружении объектов.

Многосторонние планы ни в каком отношении не вступают в противоречие с планами развития народного хозяйства каждого отдельного государства — члена СЭВ. Наоборот, осуществление многосторонних планов интеграционных мероприятий будет придавать еще большую устойчивость развитию экономики отдельной страны. Каждая страна участвует в тех мероприятиях, в которых она заинтересована. Реальность реализации такого плана гарантируется тем, что страны берут на себя соответствующие обязательства, закрепленные в договорной форме, по осуществлению мероприятий, в которых они участвуют. Этот план также тесно связан с ресурсами и потребностями национальных народнохозяйственных планов. В то же время сосредоточение усилий братских стран на генераль-

ных направлениях позволяет сообща решать такие сложные и трудные проблемы, которые оказываются не под силу капиталистическим государствам.

В условиях высоких темпов роста потребления энергоресурсов топливно-энергетическая проблема стала крупнейшей экономической проблемой, и ее решение возможно только совместными усилиями братских стран. Ведущая роль в решении проблемы самообеспеченности региона СЭВ в топливно-энергетических товарах принадлежит СССР. В 1975 г. страны СЭВ получили из Советского Союза около 130 млн т условного топлива. В предстоящем пятилетии намечено значительное увеличение таких поставок — свыше 800 млн т условного топлива, или на 43% больше, чем в 1971—1975 гг. Примерно половину этого объема составят поставки нефти и нефтепродуктов²⁷. Большое значение имеет разрабатываемая концепция о создании Единой электроэнергетической системы заинтересованных стран СЭВ. Это дает возможность определить уровни потребления и производства энергоресурсов в регионе СЭВ до 1990 г., выявить основные проблемы, возникающие в данной области материального производства, а также наметить пути их решения²⁸.

В дальнейшем получают конкретизацию и уточнение такие вопросы, как возможность увеличения добычи и использования всех видов местных энергоресурсов, расширение объемов геологоразведочных работ (нефть, газ), концентрация некоторых энергоемких производств вблизи сырьевых и энергетических баз, повышение эффективности использования топлива и энергии. Будут совершенствоваться взаимовыгодные формы сотрудничества. Предусматривается, в частности, разработать мероприятия по более равномерному распределению среди заинтересованных стран капиталовложений на освоение природных ресурсов.

Одним из важных совместных мероприятий в текущем пятилетии явится сооружение Усть-Илимского целлюлозного комбината с производительностью 500 тыс. т беленой сульфатной целлюлозы в год. Большую часть капиталовложений в этот объект обеспечивает Советский Союз. Другие страны СЭВ вкладывают в общей сложности 327,9 млн переводных рублей. Расходы начнут окупаться сразу же после завершения строительства и пуска комбината. В течение 12 лет страны СЭВ будут ежегодно получать из Усть-Илимска 205 тыс. т целлюлозы. Доля каждой страны пропорциональна ее вкладу в строительство предприятия. Страны СЭВ, кроме оборудования и материалов, посылают в Усть-Илимск по 300 специалистов²⁹. На аналогичных началах начато строительство газопровода Оренбург—Западная граница СССР, протяженностью 2750 км. По генеральному соглашению Польша, ЧССР, Венгрия, ГДР и Болгария взяли на себя обязательство обеспечить строительство разбитого на 5 участков газопровода и других необходимых сооружений на нем. Румыния поставит оборудование для подготовки и очистки газа. После осуществления этого проекта братские страны будут получать 15,5 млрд куб. м природного газа в год³⁰. В целом поставки товаров, связанные с реализацией совместных интеграционных проектов, составляют в настоящее время в общем товарообороте СССР со странами СЭВ 10—15%³¹.

Обогащается и расширяется сотрудничество социалистических стран в области прикладных исследований. В 1971—1975 гг. в рамках многостороннего научно-технического сотрудничества в соответствии с Комп-

²⁷ «Коммунист», 1975, № 16, стр. 83.

²⁸ «Экономическое содружество стран — членов СЭВ», 1975, № 3, стр. 3.

²⁹ «Новое время», 1975, № 38, стр. 21.

³⁰ «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1975, № 3, стр. 84.

³¹ «Новое время», 1975, № 38, стр. 21.

лексной программой социалистической экономической интеграции разрабатывалось 270 проблем, охватывавших по существу все основные направления развития науки и техники. На период 1976—1980 гг. намечено более 250 проблем, включающих около 900 тем. В рамках двустороннего сотрудничества в минувшем пятилетии по совместным рабочим планам разрабатывалось около 2500 проблем и тем, в которых участвовало около 870 советских научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций и более 1300 соответствующих организаций социалистических стран. В ходе консультаций по координации планов развития науки и техники на 1976—1980 гг. согласовано более 1600 проблем и тем, из которых около 90 являются многоотраслевыми или важнейшими отраслевыми³². Эти проблемы в большинстве своем носят комплексный характер и охватывают весь цикл работ — от проведения научных исследований до внедрения результатов в производство, развития широкой специализации и кооперации.

Углубление экономического и научно-технического сотрудничества вызывает необходимость дальнейшего совершенствования деятельности органов СЭВ, повышения эффективности сотрудничества, совместного выбора заинтересованными странами наиболее рациональных решений. Преданность общим идеалам и целям — построению коммунистического общества, бескорыстная взаимная поддержка, отвечающая принципу пролетарского интернационализма, товарищеский обмен богатейшим опытом явились источниками преимущества социалистического сотрудничества в соревновании со странами капиталистической системы. Благодаря правильной политике правящих братских партий, которые во всей своей деятельности последовательно руководствуются принципами марксизма-ленинизма, в социалистическом содружестве нет «кризисов» доверия, столкновений противоположных интересов или конкурентной борьбы. В социалистическом содружестве обеспечено гармоничное сочетание национальных и интернациональных интересов, которое зиждется «на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии», — как это завещал В. И. Ленин³³.

В Проекте ЦК КПСС к XXV съезду об «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.», намечено всемерно расширять и углублять экономическое и научно-техническое сотрудничество с социалистическими странами на основе взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи, обеспечить выполнение мероприятий, предусмотренных Комплексной программой социалистической экономической интеграции и согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий стран — членов СЭВ на 1976—1980 гг.

³² См. «Внешняя торговля», 1975, № 7, стр. 3, 5, 6; 1975, № 10, стр. 7.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

Т. В. ИГНАТЬЕВА

БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ ПРОТИВ ОППОЗИЦИОННОЙ ГРУППИРОВКИ Н. ПЕТКОВА В БЗНС ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В БОЛГАРИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Буржуазная Болгария являлась одной из наиболее отсталых стран Европы. Около 80% самодеятельного населения страны было занято в сельском хозяйстве. Соотношение между сельскохозяйственной и промышленной продукцией составляло 66,2 : 33,8¹. Испытывая систематический натиск со стороны соперничавших империалистических держав, Болгария постепенно превратилась в их аграрно-сырьевой придаток. Иностранный капитал по разным каналам все глубже проникал в экономику страны, парализуя развитие «ненужных» отраслей и придавая ей тем самым односторонний характер. Накануне второй мировой войны иностранный капитал сосредоточил в своих руках основные экспортные фирмы, контролировал 99% импорта нефтепродуктов, 80% экспорта табака, почти всю торговлю сельскохозяйственными машинами, химикатами и пр.² Вытесняемая из сферы промышленности более сильными иностранными конкурентами, национальная болгарская буржуазия в большинстве своем предпочитала производству торговлю и спекулятивные махинации, дававшие более легким путем большие барыши, или занималась скупкой и переработкой сельскохозяйственной продукции, выступая посредником между иностранным капиталом и деревней. Типичным для Болгарии был собственник предприятия пищевой, питейной или табачной промышленности — такие предприятия составляли 50% и производили более половины промышленной продукции в стоимостном выражении³.

Слабое развитие промышленности в условиях значительного аграрного перенаселения, узость внутреннего рынка, отсутствие экономических стимулов для приложения капиталов в земледелии тормозили развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны. Однако в социальном отношении болгарская деревня была в достаточной степени дифференцирована. Наиболее детальный и убедительный по своим результатам анализ социальной структуры болгарской деревни после второй

¹ L. A s l a n o v. La politique agraire du parti ouvrier bulgare (kommuniste) et la réforme de 1946 en Bulgarie. «Études historiques», t. 3. Sofia, 1966, p. 423.

² Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964, стр. 42.

³ Н. Г о р н е н с к и. Класите в България и борбите им. 1934—1944. София, 1967, стр. 14.

мировой войны принадлежит, на наш взгляд, болгарскому исследователю М. Исусову⁴, определившему и охарактеризовавшему ряд ее классовых групп по таким признакам, как обеспеченность крестьянских хозяйств землей, основным сельскохозяйственным инвентарем, рабочим скотом, использование наемной рабочей силы, арендные отношения и пр. При этом М. Исусов исходит из ленинской концепции о наличии буржуазии, середняков, бедняков, сельских полупролетариев и сельскохозяйственных рабочих в границах такой социологической структуры, как деревня.

В конце 1946 г. в Болгарии насчитывалось более 992 тыс. единоличных хозяйств. Основную часть деревенского населения составляли бедняцко-середняцкие массы. М. Исусов упоминает, в частности, о примерно 592 тыс. бедняцких, 189 тыс. середняцких и 16 тыс. кулацких хозяйств⁵. Средний надел земель в этих хозяйствах равнялся соответственно 3,4; 9; 28 га. При этом кулацкие хозяйства были лучше обеспечены сельскохозяйственной техникой, рабочим скотом. Они имели товарный характер, и их доходы соответствовали в среднем доходам владельцев крупных (в масштабах Болгарии) промышленных предприятий города. Характерно, что на доходность хозяйств влияла дополнительная деятельность их владельцев в сфере перерабатывающей промышленности, торговли, кредита, страхования и пр. При этом социальная природа хозяйств нередко менялась. Так, например, капиталистическими были середняцкие по количеству обрабатываемой земли (от 7 до 20 га) хозяйства, владельцы которых вкладывали средства в перерабатывающую промышленность или занимались торговлей, кредитными операциями, страхованием (их было примерно 900 человек)⁶. В районах интенсивного земледелия капиталистическими были специализированные овощные хозяйства на площади в 2 га или виноградники, занимающие 3 га⁷. Для Болгарии было типичным отсутствие фермерских капиталистических хозяйств. Сельская буржуазия занималась ростовщичеством и спекулятивной торговлей, сдавала в наем сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот, держала мельницы и корчмы, иными словами, предпочитала находить сферу приложения своим капиталам вне капиталистического производства в земледелии.

Трудящиеся массы деревни подвергались эксплуатации со стороны сельской буржуазии и монополистического капитала, а также защищавшего интересы последних буржуазного государства. Широкие антикапиталистические настроения болгарской деревни объективно вели к сотрудничеству коммунистов с крестьянской партией ВЗНС⁸. Коммунистическая партия, исходя из марксистско-ленинского положения о союзе рабочего класса и крестьянства, поддерживала справедливые общекрестьянские требования борьбы против ростовщичества, непосильных налогов, спекуляции сельскохозяйственными продуктами, за стимулирование государством развития земледелия, автономии общин и пр. В межвоенный период требования крестьянства коммунисты включали в свои программные документы⁹.

⁴ М. Исусов. О социальной структуре болгарской деревни после второй мировой войны. «Etudes historiques», t. 5. Sofia, 1970, p. 589—615.

⁵ Там же, стр. 603.

⁶ Там же.

⁷ Н. Горненски. Там же, стр. 19.

⁸ Болгарский экономист Л. Беров считает, что 90,8% активного населения, занятого в сельском хозяйстве Болгарии, накануне войны были заинтересованы в уничтожении капиталистического строя. Л. Беров. Доходы на различные категории земледельских стопанства в България при капитализма. Трудове на ВИИ «Карл Маркс», кн. 2, 1963, стр. 448.

⁹ Д. Тишев. Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София, 1967, стр. 141.

После победы народного вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. Болгарии предстояло принять участие в разгроме международного и внутреннего фашизма, максимально сплотив все демократические силы страны. В этих условиях БРП(к), стремясь закрепить и расширить свое влияние в массах, расширяет и углубляет платформу общедемократического характера¹⁰.

Экономическая часть программы первого правительства Отечественного фронта (ОФ), оглашенная 17 сентября 1944 г., была направлена не против класса буржуазии в целом, а против тех ее кругов, которые являлись основными эксплуататорами деревни. Таков смысл пунктов о ликвидации частных монополий и их привилегий, о введении государственных монополий на экспортируемые табак, зерно и другие продукты сельского хозяйства, о конфискации имущества, нажитого в годы войны путем спекуляции и другими незаконными способами, о ликвидации «экономической и социально вредного посредничества», «паразитической промышленности». Они восходили к программным установкам левицы БЗНС межвоенного периода и, в частности, были зафиксированы в программе блока трудовой демократии 1924 г.¹¹ Экономическая политика БРП(к) заключалась в том, чтобы, действуя в рамках ОФ, не допустить превращения потенциальных сторонников революционных преобразований в их противников¹². Этому должны были способствовать намеченные программой мероприятия по оздоровлению финансово-экономического состояния страны, ликвидации тяжелого наследия старого режима в экономике, по улучшению положения трудящихся. Интересам трудового крестьянства отвечали пункты, касающиеся земледельческой и кооперативной политики, передачи земли в руки тех, кто ее непосредственно обрабатывает, установления максимума земельной собственности и др. Ликвидацию спекулятивно-паразитического капитала, представителей которого В. Коларов охарактеризовал как «наиболее отвратительный тип эксплуататоров народа»¹³, коммунисты справедливо связывали с уничтожением экономической базы фашизма в стране¹⁴.

Но оставалась и другая часть буржуазии, с которой народная власть шла на политическое и экономическое сотрудничество и интересы которой также нашли свое отражение в правительственной программе. Не случайно представители буржуазных и мелкобуржуазных партий ОФ любили подчеркивать, что пункты этой программы заимствованы из платформ «их» партий¹⁵. Такой подход коммунистов, наиболее влиятельной партии в стране, к программному документу ОФ был полностью оправдан: на данном этапе революции важнее было то, что объединяло партии ОФ в смысле тактических установок, нежели их различия стратегического характера, хотя они и были весьма значительными. Поэтому коммунисты не уставали подчеркивать, что выход за рамки платформы ОФ недопустим, он «подорывает дело народно-освободительной борьбы и представляет собой ус-

¹⁰ Р. П. Гришина. Отечественный фронт Болгарии после победы восстания 9 сентября 1944 г. «Советское славяноведение», 1973, № 3, стр. 7.

¹¹ Д. Тишев. Там же, стр. 172—173.

¹² В. Д. Мозеров. Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности. Восстановительный период (1944—1948). Саранск, 1973, стр. 50.

¹³ В. Коларов. Избрани произведения, т. 3. София, 1955, стр. 211.

¹⁴ «Работническо дело», 17 I 1945; Тр. Костов. Избрани статии, доклади, речи. София, 1964, стр. 570.

¹⁵ И. Димитров. Провалът на контрреволюционния пристъп срещу народнодемократичната власт в края на 1944 г. «Известия на Българско историческо дружество», кн. 25. София, 1967, стр. 12.

лугу классовому врагу»¹⁶. Такая позиция свидетельствовала не только о правильной оценке коммунистами расстановки сил и сложившихся в стране условий для осуществления поставленных задач, но и о глубоком усвоении новой коммунистической стратегии, принятой VII конгрессом Коминтерна, согласно которой борьба за демократию, за ее расширение неизбежно означала шаги на пути к социализму¹⁷.

Экономическое сотрудничество народной власти с частью буржуазии основывалось на сочетании развития государственного и кооперативного секторов со свободой частной инициативы во всех отраслях народного хозяйства¹⁸. «...Частная собственность сохраняется, — указывал Г. Димитров в беседе с экономической делегацией Болгарии в январе 1945 г. — Сохраняется также частная инициатива. Однако частные интересы ограничиваются в пользу государства, общественных и общенародных интересов»¹⁹. Были разработаны принципы сотрудничества государства с частными предпринимателями: учет собственниками интересов государства и контроль с его стороны; отказ от спекуляции; обеспечение нормального существования рабочим и служащим предприятий²⁰. Эти принципы легли в основу концепции «патриотически настроенных» слоев буржуазии, последовательное осуществление которой способствовало успешному решению задач восстановительного периода, ослабило степень сопротивления буржуазии как класса народно-демократической власти, не дало ей возможности действовать единым фронтом. Весьма скоро значительная часть буржуазии убедилась, что новая политическая и экономическая конъюнктура обеспечивает постоянный приток прибыли в ходе восстановления производства, способствует обеспечению индустрии сырьем. Экономическая инициатива буржуазии особенно оживилась после подписания в марте 1945 г. торгового соглашения с СССР²¹. Население Болгарии связывало с подписанием торгового соглашения с Советским Союзом надежды на серьезное оживление экономической жизни страны. «Никакая другая страна, — говорил секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов, — до сих пор не согласилась дать нам взамен купленной у нас продукции те товары и сырье, которые необходимы для нашего хозяйства. Нам предлагают доллары, ...английские фунты, а нам нужны хлопок, шерсть, кожи, машины, химикаты...»²². Экономисты подсчитали, что только для переработки ввезенного в страну советского хлопка предстояло дополнительно вовлечь в текстильную промышленность до 20 тыс. рабочих²³. Начало торгового обмена Болгарии и СССР имело большое политическое значение еще и потому, что опровергало бывшую в ходу до 9 сентября 1944 г. «теорию» о необходимости для страны германского рынка²⁴.

Идя на серьезное сотрудничество с буржуазией в области экономики,

¹⁶ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт. Септември 1944 — май 1945». Сборник документи. София, 1969, док. № 69, стр. 101.

¹⁷ Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение VII конгресса Коминтерна. Изд. 2. М., 1975, стр. 210.

¹⁸ «Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание» (далее — ОНС), I редовна сесия (далее — р. с.), кн. 2, стр. 233.

¹⁹ Г. Димитров. Съчинения, т. XII. София, 1954, стр. 167.

²⁰ «Работническо дело», 27 XII 1945.

²¹ М. И с о в. Отношение болгарского народа к войне против фашистской Германии (сентябрь 1944 — май 1945 гг.). В сб. Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией. Кн. I. Общие проблемы. М., 1966, стр. 179.

²² «Работническо дело», 16 VIII 1945.

²³ Архив Министерства обороны СССР (далее — АМО СССР), ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 107об, 276об; д. 159, л. 92, 117 об.

²⁴ Встреча коллектива научных сотрудников института МХМП с болгарской торговой делегацией. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1946, № 3, стр. 75.

коммунисты не упускали из виду и историческую перспективу — приоритет в будущем государственных и общественных предприятий в народном хозяйстве страны. Эта перспектива представлялась не столь отдаленной, ибо при той реальной власти, которой обладали коммунисты, осуществление только программы от 17 сентября 1944 г. создавало определенную основу для изменения всего способа производства.

Важным условием выполнения поставленных задач являлось укрепление ОФ как продолжительного боевого союза всех демократических и патриотических сил болгарского народа под руководством коммунистической партии. Однако не все партнеры БРП(к) по Отечественному фронту разделяли такой взгляд, предпочитая считать ОФ коалицией равноправных союзников. Эти различия вызывали трения и осложнения в отношениях между партиями и особенно между наиболее влиятельными из них — БРП(к) и БЗНС. Крестьянская партия начала притягивать взоры тех кругов буржуазии, которые видели в ней опору в борьбе за восстановление своей власти²⁵, поскольку после 9 сентября 1944 г. в Болгарии не осталось сильных буржуазных партий. В деревне БЗНС распространял свое влияние в основном на среднее и зажиточное крестьянство, в то время как бедняцкие массы шли за коммунистами²⁶. После 9 сентября процесс воссоздания БЗНС проходил под традиционными лозунгами сословного Земледельческого союза — «мир, порядок, законность, свобода». При этом предполагалось, что как «единственная организация болгарских крестьян» он должен иметь в деревне безраздельное влияние²⁷. Стремление руководства БЗНС, в котором преобладали правые элементы, активно противопоставить Союз самой крупной партии Отечественного фронта — БРП(к)²⁸ привело к широкому привлечению в крестьянскую партию новых членов. В инструктивной статье органа БЗНС — газете «Земледельско знаме», в частности, говорилось: «К нам идут сегодня многие, имеющие скрытые или давние грехи. Мы считаем, что нет безгрешных людей и что каждый может исправиться, осознав свою ошибку»²⁹. Такая позиция, по существу, открыла доступ в партию всем желающим, в том числе и бывшим членам запрещенных народной властью фашистских организаций. Весной 1945 г. подобные случаи были зафиксированы во многих городах Бургасской околии³⁰, в селах Ягодово, Чепеларе, Катунца Асеновградской околии³¹ и в других местах. Собрание членов БЗНС в Русе, например, открыто констатировало, что союз с коммунистами не нужен, что БЗНС стоит за самостоятельную власть, что в «дружбы» (первичные организации БЗНС. — *Т. И.*) следует записать как можно больше членов³². Можно сказать, что такая политика руководителей БЗНС

²⁵ К. К у к о в. Борбата на БКП за преодоляване пораженската дейност на Гемето и негова група по време на Отечественната война. «Военно-исторически сборник». София, 1965, № 1, стр. 18.

²⁶ М. Г о р а н о в а. Начални стъпки в организационното укрепване на БКП (IX 1944 — II 1945). «Известия на Института по история на БКП», т. 21. София, 1969, стр. 338—339.

²⁷ М. И с у с о в. Формиране на опозиционните политически сили в България (1944—1945). «Известия на Института по история на БКП», т. 27. София, 1972, стр. 135.

²⁸ Непосредственно после 9 IX 1944 г. осуществлялся стремительный рост рядов БРП(к): к середине января 1945 г. ее численность достигала более 250 тыс. «История на Българската комунистическа партия». София, 1969, стр. 498.

²⁹ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 17об.

³⁰ Там же, л. 17об, 18.

³¹ В. В а н к о в. Укрепване на съюза между БРП(к) и БЗНС в борба против гетовщината. «15 години социалистическо строителство в Народна Република България. Сборник». София, 1959, стр. 24.

³² И. Д и м и т р о в. Там же, стр. 17.

возымела успех: к маю 1945 г. партия насчитывала уже около 350 тыс. членов³³.

Следует отметить, что аналогичные процессы происходили и в других партиях ОФ — БРСДП и Народном союзе «Звено», каждая из которых проявляла повышенный интерес к мелкобуржуазным слоям города и особенно деревни³⁴, стремясь за их счет расширить сферу своего политического влияния.

Почувствовав большую уверенность в связи с ростом численности БЗНС, его руководство попыталось найти для Союза «подобающее» место в складывающейся общественно-политической системе. В первичных организациях ОФ начались споры по поводу вакансий в государственном и административном аппарате, организационной и политической деятельности комитетов ОФ и др.³⁵ В концентрированном виде эта позиция получила выражение в речи руководителя БЗНС Г. М. Димитрова (Гемето) на собрании «земледельцев» в Старой Загоре: «Могут ли БЗНС, болгарские крестьяне, начавшие это дело (Отечественного фронта.— *Т. И.*), принести много жертв, давшие большую часть программы ОФ, могут ли они согласиться, что кто-то другой защитит ОФ лучше, чем они сами»³⁶. Большинство министерств укомплектовывались по принципу партийной принадлежности министра, что превращало их в своего рода «партийные крепости». Сторонники Гемето развернули особенно активную деятельность в министерствах земледелия, благоустройства, финансов³⁷. Они саботировали проведение в жизнь программы ОФ или затягивали осуществление намеченных мероприятий.

В конце 1944 г. обстановка в стране обострилась. Воспользовавшись отсутствием взаимопонимания между руководствами двух ведущих партий ОФ, реакция предприняла первую попытку поколебать народную власть, изолировать БРП(к) от ее союзников по ОФ, изменить внутривластную линию правительства. Таковы были цели 4-го постановления Совета министров от 23 ноября, принятого в отсутствие министров-коммунистов. Согласно постановлению фашистские военные преступники из числа болгарских офицеров освобождались от ответственности перед Народным судом за совершенные злодеяния. Дополнительные секретные приказы военного министра Д. Велчева по армии фактически сакционировали вооруженные столкновения реакционных офицеров с народной милицией. Политбюро ЦК БРП(к) в специальной декларации заявило о своем несогласии с 4-м постановлением и осудило его, разъяснив трудящимся истинные позиции его инициаторов. По всей стране прошла кампания протеста, газета «Работническо дело» под рубрикой «Народ присоединяется к декларации Политбюро ЦК БРП(к)» поместила десятки резолюций с мест, осуждающих постановление и требующих его отмены. Вершиной кампании протеста явился грандиозный митинг в Софии 7 декабря 1944 г. в защиту единства ОФ. Характерно, что руководство БЗНС запретило своим членам участвовать в собраниях и митингах протеста³⁸, но запрет не подействовал. Постановление было отменено, реакция отступила. Декабрьские события выявили глубокое влияние и авторитет коммунистической партии среди широких народных масс, ее действительно руководящую роль

³³ В. П. Гришина. Там же, стр. 14.

³⁴ М. И с у с о в. Формиране на многопартийната система в България (1944—1945). В чест на академик Димитър Косев. Изследвания по случай 70 години от рождението му. София, 1974, стр. 355.

³⁵ В. В а ч к о в. Там же, стр. 15.

³⁶ «Земеделско знаме», 13 XII 1944.

³⁷ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 2об, 3, 12; д. 159, л. 92об, 118.

³⁸ Там же, л. 17.

в укреплении народно-демократической власти. Реакции не удалось изменить соотношение сил в свою пользу³⁹. Почувствовав это, она прибегла к демагогическим заявлениям о необходимости борьбы против фашизма, претворении в жизнь программы ОФ. Именно в таком духе высказывался на митинге перед трудящимися Софии Д. Велчев⁴⁰.

После декабрьских событий произошли изменения внутри БЗНС: усилились позиции левых во главе с М. Геновским, И. Неделчевым, Г. Драгневым и др., которые высказывались за сотрудничество с коммунистами, за ориентацию на СССР во внешней политике. К этой группе на почве критики Гемето и его сторонников примыкали А. Оббов, Симов, Тончев, осудившие их деятельность в специальной листовке. В начале января 1945 г. ветеран БЗНС И. Неделчев обратился к Гемето с открытым письмом, обвиняя его в нарушении принципов сотрудничества с БРП(к) и стремлении к расколу ОФ. Он предлагал Гемето уйти в отставку с поста Главного секретаря Союза, не дожидаясь пока массы принудят его к этому силой⁴¹.

Недовольство в низовых организациях «земледельцев» линией Гемето, противопоставляющей Союз БРП(к), привело к смене руководства. Главным секретарем БЗНС был избран Н. Петков, пользующийся авторитетом среди крестьянства: за ним шли до 30% «земледельцев»⁴². Одной из основных причин смены руководства он считал опасность «кризиса» в отношениях между партиями ОФ и особенно между БРП(к) и БЗНС и стремление избежать раскола Союза и ОФ. Однако он считал «несвоевременным» идейное разоблачение геметовцев, якобы способное привести к нежелательным потрясениям внутри БЗНС⁴³.

Представляется, что отставка Гемето, это своего рода «жертвоприношение», мало изменило ситуацию внутри БЗНС. Было очевидно при этом, что геметовцы будут стремиться укрепить свои позиции в Союзе. Не случайно один из регентов Т. Павлов в беседе с заместителем председателя Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии С. С. Бирюзовым охарактеризовал происшедшую перемену в руководстве Союза так: «Гемето ушел, но геметовцы остались»⁴⁴. Поэтому стала очевидной перспектива острой идейной борьбы с геметовщиной, превратившейся в символ оппозиционности⁴⁵, вплоть до ее искоренения. Эта борьба, по мнению болгарского исследователя К. Куков, завершилась в мае-июне 1945 г., когда конференция БЗНС вменила в обязанность Постоянному присутствию Союза очистить организацию от сторонников Гемето⁴⁶. Однако хотелось бы подчеркнуть, что с геметовщиной в том смысле, как ее определяет и сам К. Куков, т. е. «реакционной реставраторской политикой, опирающейся на сверженный класс буржуазии, колебания части средних слоев и на империалистические круги США и Англии» с целью сорвать ход социалистической революции и направить развитие страны по пути буржуазной демократии⁴⁷, не было покончено. Прямыми преемниками основных лозунгов геметовцев стали Н. Петков и его сторонники, хотя их действия следует признать более гибкими. Проанализировав события декабря 1944 г., они отказались от тактики «лобовых атак» на Отечественный фронт

³⁹ Р. П. Гришина. Там же, стр. 16.

⁴⁰ «Работническо дело», 8 XII 1944.

⁴¹ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 18, 18об, 209.

⁴² Р. П. Гришина. Политическая обстановка в Болгарии весной—летом 1945 г. «Советское славяноведение», 1974, № 5, стр. 21.

⁴³ «Работническо дело», 1 II 1945.

⁴⁴ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 18об, 19.

⁴⁵ М. И с у с о в. Формиране на опозиционните политически сили..., стр. 137.

⁴⁶ К. К у к о в. Там же, стр. 23.

⁴⁷ Там же, стр. 18—19.

и решили использовать для достижения своих целей парламентский путь. Особые надежды они возлагали на выборы в Народное собрание 26-го созыва, которые были назначены на 26 августа 1945 г. Внутри БЗНС развернулась острая борьба левых сил и реакции за «свои» кандидатуры. В ряде мест, например, в Казанлыкской околии, победили реакционеры. Но в результате большой разъяснительной работы в «дружбах», поддержанные коммунистами околии левых земледельцев реакционные элементы были вынуждены снять свои кандидатуры⁴⁸. В целом предвыборная кампания ясно показала, что большинство народа поддерживает руководимый коммунистами Отечественный фронт. Понимая неизбежность в создавшихся условиях провала на выборах, реакционеры резко сменили тактику⁴⁹. 26 июля Н. Петков, занимавший пост министра без портфеля, потребовал от правительства отсрочки выборов и проведения их под контролем СКК. По его мнению, это гарантировало бы избирателям полную свободу при голосовании, а крестьянам дало возможность принять более широкое участие в избирательной кампании и выборах, поскольку к середине октября заканчивались полевые работы. Предложение Н. Петкова не было принято, после чего он вышел из состава правительства и вместе со своими сторонниками приступил к формированию оппозиционного блока. Помимо правой группировки БЗНС в его состав вошли правое крыло БРСДП во главе с Г. Чешмеджиевым и так называемая группа «независимых» во главе с П. Стояновым. Уже 13 августа оппозиция распространила «Избирательную программу народных оппозиционных кандидатов»⁵⁰. Ряд ее пунктов был выдержан в духе программы правительства ОФ от 17 сентября 1944 г. и Декларации БЗНС, оглашенной на I конгрессе ОФ в марте 1945 г. В этих пунктах провозглашалась дружба с народами СССР и новой Югославии, подчеркивалась необходимость повышения жизненного уровня трудящихся, обеспечения всех работ, полной демократизации армии, введения прогрессивно-подходящего налога, ликвидации экономически и социально вредного посредничества и др. Вместе с тем этот фактически первый обнародованный программный документ оппозиции ни словом не упоминал об изъятии земли у крупных владельцев и передаче ее трудовому малоземельному и безземельному крестьянству, о конфискации имущества у незаконно разбогатевших. В нем провозглашалась абсолютная неприкосновенность частной собственности. Это доказывало, что оппозиция выражала интересы прежде всего зажиточных слоев города и деревни и в угоду им встала на путь ревизии программы ОФ.

Дипломатический нажим Англии и США на болгарское правительство привел к отсрочке выборов. СКК сочла возможным «рекомендовать болгарскому правительству отложить выборы в парламент на более поздний срок». В декларации правительства по поводу отсрочки выборов освещалась и причина ее — стремление поддержать дружественные отношения с великими демократическими державами и ускорить заключение мирного соглашения⁵¹. Свою солидарность с правительством выразил и Национальный комитет ОФ (НК ОФ).

Большинство населения страны встретило весть об отсрочке выборов с негодованием. В ряде мест рабочие хотели организовать митинги протеста против вмешательства иностранных государств — Англии и США — во внутренние дела Болгарии. В Бургасе среди демократически настроенной

⁴⁸ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 218.

⁴⁹ М. И с у с о в. Социальная демократия и народно-демократическая революция в Болгарии (1944—1948). «Etudes balkaniques», t. 1, 1973, p. 52.

⁵⁰ «Работническо дело», 16 VIII 1945.

⁵¹ «Работническо дело», 25, 27 VIII 1945.

части населения раздавались призывы взяться за оружие. Комитеты ОФ провели в короткий срок большую разъяснительную работу, благодаря которой удалось избежать нежелательных инцидентов. В целом население правильно ориентировалось в причинах отсрочки выборов, но среди части его возникало сомнение в прочности народной власти. Значительно оживились реакционные элементы. В с. Первенец кулаки провели демонстрацию в честь «будущего премьер-министра» Н. Петкова, запугивали крестьян расправой. Деятели демократических организаций, коммунисты получали анонимные письма с угрозами, что народ «воздаст им должное» и пр.⁵² Стены софийских домов пестрели воззваниями оппозиционеров. Руководство оппозиции было настолько уверено в собственном успехе, что уже детально обсуждало возможные перестановки в правительстве. На состоявшемся 28 августа в доме Н. Петкова совещании было констатировано, что события развиваются правильно и что смена министров — самое меньшее, что должно произойти⁵³. Ситуация была крайне напряженной.

В этот момент весьма важно было правильно сориентировать трудящиеся массы деревни. На заседании Управительного совета БЗНС 29—30 августа А. Оббов осудил действия оппозиции и поддержал от имени «земледельцев» установки ОФ. В принятой декларации БЗНС подчеркивалось несоответствие между прежней и нынешней политической линией Н. Петкова. Ранее он боролся против Гемето, а заняв его место, борется «за» Гемето в союзе со сторонниками последнего. Левое руководство БЗНС заявило, что Н. Петков ступил в замкнутый круг и что крестьянская партия не пойдет по его пути⁵⁴. Вскоре печать сообщила об исключении из БЗНС всех кандидатов, чьи фамилии фигурировали в избирательном бюллетене БЗНС Н. Петкова, и их доверенных лиц⁵⁵. При этом подчеркивалось, что своими действиями они сами поставили себя вне Союза.

Настроения болгарской деревни проявились во время празднования первой годовщины Дня Свободы в сентябре 1945 г. Игнорируя призывы оппозиционеров саботировать праздник, труженники софийского сельского района приняли активное участие в грандиозной 250-тысячной демонстрации в болгарской столице. Крестьяне шли под лозунгами: «Да здравствует правительство Отечественного фронта», «Быстрейшее проведение выборов — требование крестьян»⁵⁶.

В связи со сложным внутри- и внешнеполитическим положением Болгарии НК ОФ счел целесообразным рекомендовать правительству разрешить легальную деятельность и издание газет нефашистским группам и партиям⁵⁷. Правительство согласилось с этой рекомендацией, и деятельность оппозиции была легализована. 26 сентября 1945 г. вышел первый номер органа оппозиционной группировки Н. Петкова — газеты «Народно-земедельско знаме», прозванной в народе «зеленым знаменем». Одновременно был положительно решен вопрос о расширении социальной базы ОФ за счет принятия в него лиц и организаций, признающих его программу и готовых бороться за ее осуществление. Вскоре в ОФ была принята Радикальная партия⁵⁸. Была назначена новая дата выборов в Народное собрание — 18 ноября 1945 г.

За неделю до выборов произошло объединение сторонников Н. Петкова с группой Д. Гичева, деятеля правого толка, входившего в состав по-

⁵² АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 96, 117, 148, 168об.

⁵³ Там же, л. 97, 116об.

⁵⁴ «Работническо дело», 31 VIII 1945.

⁵⁵ Там же, 1 IX 1945.

⁵⁶ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 134об, 135.

⁵⁷ «Работническо дело», 8 IX 1945.

⁵⁸ Там же, 15 IX 1945.

следнего правительства буржуазной Болгарии, и одного из лидеров группировки БЗНС «Врабча-1». Оппозиционная печать поместила по этому поводу специальные материалы, в том числе и выдержки из письма Гемето, бежавшего в США. Гемето призывал лидеров БЗНС забыть все «личные дрязги и недоразумения» и объединить усилия в борьбе за великое дело Александра Стамболийского⁵⁹. Объединение оппозиционных фракций БЗНС показало, с одной стороны, признание оппозиционерами влияния ОФ на массы трудящихся, а с другой, что враждебное отношение к ОФ было сильнее тех серьезных разногласий, которые прежде их разъединили⁶⁰. Известно высказывание Д. Гичева о том, что «из разъединения ничего хорошего не выйдет»⁶¹.

Накануне выборов оппозиция попыталась добиться от премьер-министра К. Георгиева изменений в составе правительства. Убедившись в тщетности этих попыток, лидеры ее оповестили о неучастии в выборах⁶². Представляется справедливой точка зрения М. Исусова, что именно твердая позиция правительства определила тактику «бойкота выборов», принятую оппозицией⁶³.

Результаты выборов свидетельствовали о поддержке народными массами ОФ: свыше 80% избирателей отдали свои голоса за ОФ, его внутреннюю и внешнюю политику. Однако примерно 20% избирателей не участвовали в выборах или голосовали недействительными белыми бюллетенями, составив, таким образом, резерв оппозиции⁶⁴.

15 декабря 1945 г. Народное собрание начало работу. В повестке дня значилось обсуждение и принятие законов о трудовой поземельной собственности (аграрная реформа), об определении цен на продукты сельского хозяйства, о пенсиях труженикам деревни, о конфискации богатств, нажитых путем спекуляции и другими незаконными способами, о прогрессивно-подходящем налоге и пр.

Политбюро ЦК БРП(к) считало необходимым скорейшее и полное осуществление экономической части программы. Еще 29 октября 1944 г., выступая на партийной конференции в Плевне, Тр. Костов подчеркивал: «...если мы не сумеем организовать хозяйственной жизни, мы рискуем вызвать недовольство, разочарование»⁶⁵. Секретарь НК ОФ Ц. Драйточева на конференции экономических комиссий областных комитетов ОФ (ноябрь 1944) говорила о хозяйственных вопросах, которые предстояло решать, как о центральном участке всей деятельности правительства⁶⁶. Партийное руководство очень тревожили замедленные темпы проведения намеченных экономических мероприятий и в связи с этим настроения трудящихся. VIII пленум партии, состоявшийся в феврале-марте 1945 г., правильно объяснил некоторое снижение влияния БРП(к) в массах наличием ряда нерешенных хозяйственных проблем. Пленум призвал прави-

⁵⁹ «Народно земеделско знаме», 11 XI 1945.

⁶⁰ А. Оббов отмечал, что Н. Петков не признавал кабинета Муравиева, в котором участвовал Д. Гичев. Д. Гичев, в свою очередь, не мог «простить» Н. Петкову его отношения к 9 сентября и делу ОФ. «Работническо дело», 13 XI 1945.

⁶¹ М. Исусов. Формиране на опозиционните политически сили..., стр. 147.

⁶² «Народно земеделско знаме», 14, 15 XI 1945.

⁶³ М. Исусов. Социална демократия и народно-демократическа революция..., стр. 52.

⁶⁴ П. Драголюбов. Изборните борби и работата на БКП в Народното събрание (1945—1949). «Известия на Института по история на БКП», т. 13. 1965, стр. 232. М. Исусов считает, что этот процент был выше — 24,5%. М. Исусов. Някои проблеми на социално-класовата структура и социалистическата революция в България (1944—1947). «Българско-германски отношения и връзки. Изследвания и материали», т. I. София, 1972, стр. 634.

⁶⁵ Тр. Костов. Избрани статии..., стр. 557.

⁶⁶ «Отечествен фронт», 21 XI 1944.

тельство ОФ «вернуться лицом к хозяйственным проблемам», внести большую плановость и системность в проведение экономических мероприятий⁶⁷. Широкие слои города и деревни неоднократно выражали недовольство медленным решением экономических задач. В июле 1945 г. в передовой «Прислушиваться к голосу народа» газета «Работническое дело» сообщала, что лишь за первые две недели месяца в редакцию поступило более 100 резолюций собраний в городах, деревнях, отдельных кварталах и пр., выражающих поддержку правительству ОФ и вместе с тем решительно настаивающих на скорейшем осуществлении намеченных мероприятий⁶⁸. До выборов в Народное собрание правительству не удалось провести мероприятия первостепенной важности — аграрную реформу, конфискацию незаконно нажитого имущества, ввести прогрессивно-подоходный налог, ликвидировать спекуляцию и черный рынок. В значительной степени этому препятствовали оппозиция и ее сторонники, контролировавшие прямо или косвенно ответственные посты в государственном аппарате, и, в частности, в хозяйственных министерствах⁶⁹, а также колебания руководства буржуазных и мелкобуржуазных партий ОФ. Летом 1945 г. Тр. Костов констатировал, что из-за неоднородности правительство не может твердо следовать принятой политике⁷⁰.

Осуществлять первые экономические преобразования приходилось, преодолевая ожесточенное сопротивление оппозиции, в ходе острой классовой борьбы. Характерно, что оппозиционеры широко использовали демагогические приемы, утверждали, что являются сторонниками «лояльной критики» действий правительства.

Упорное сопротивление оппозиции оказала в ходе принятия и проведения в жизнь закона о конфискации имущества, нажитого спекуляцией и прочими незаконными способами. Его основы были разработаны уже к концу 1944 г. Специальная комиссия подсчитала, что у народа награблено более 150 млрд левов⁷¹. Изъятие в пользу государства такой собственности должно было явиться своего рода продолжением первого этапа конфискации, затронувшего военных преступников из числа болгар, наказанных Народным судом. В. Коларов, выступая в Народном собрании, назвал ошибкой ОФ то, что он не провел одновременно и конфискацию имущества и капиталов «бывших военных поставщиков, предпринимателей, работавших по плану немецкого генштаба, крупных экспортеров и импортеров, грабивших народ, спекулянтов и организаторов черного рынка и других лиц, составивших социальную и финансовую базу оппозиции»⁷². Уже это выступление четко определило круг лиц, против которых направлялся закон. Впоследствии правительство не раз специально разъясняло трудящимся свою позицию по этому вопросу. Надо сказать, что проект закона встретил отпор со стороны буржуазных элементов ОФ⁷³, поскольку конфискации затрагивала интересы значительной части нефашистской буржуазии. «Смущения» хозяйственной инициативы опасались, например, представители «Звена», предлагавшие ограничиться однократным налоговым обложением имущества и крупного капитала с тем, чтобы помочь

⁶⁷ «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите на ЦК», т. 4. 1944—1955. София, 1955, стр. 8.

⁶⁸ «Работническое дело», 21 VII 1945.

⁶⁹ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 159, л. 92об., 118; д. 128, л. 281. В первом правительстве ОФ коммунистам принадлежало 4 портфеля из 16.

⁷⁰ Р. П. Гришина. Политическая обстановка в Болгарии..., стр. 20.

⁷¹ К. Лазаров. Какво даде XXVI Обикновено Народно събрание на българския народ. София, 1946, стр. 12.

⁷² «Стенографски дневници на XXVI ОНС...», стр. 232.

⁷³ Б. Симов, Б. Благоев, О. Асланян. Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ. 1944—1948. София, 1968, стр. 171.

находившейся в бедственном положении стране. Пункт о проверке происхождения крупных капиталов и имущества, нажитых после 1935 г., вызвал массу возражений со стороны промышленников и торговцев, заявлявших, что в тот период в стране еще не сложилась военная конъюнктура и, следовательно, не существовали возможности для чрезмерных доходов⁷⁴. Оппозиция Н. Петкова в то время не решилась, подобно Демократической партии⁷⁵, отвергнуть законопроект, учитывая его большую популярность среди населения, однако стремилась добиваясь коррекции его основных статей и выхолостить тем самым их демократическое содержание. Особым нападкам подверглись пункты 2, 3 и 4-й проекта, содержащие определения «спекуляции» и «незаконным путем». Пункт второй, в частности, гласил: «Спекуляцией... является всякого рода деятельность физического или юридического лица, относительно которого было бы доказано, что оно с ее помощью чрезмерно увеличило свое имущественное состояние путем прибылей, комиссионных, вознаграждений или других подобных [способов] в период, когда страна или отдельные граждане находились в затруднительном положении»⁷⁶. Оппозиция потребовала более «четких» и «конкретных» определений, стремясь максимально сузить сферу приложения закона и вывести, таким образом, из-под удара как можно больше собственников. Особую активность проявляла она в деревне, пытаясь восстановить против закона крестьян. После смерти хозяина, — писала петковская газета, — его имущество может быть конфисковано, ибо у нас «жена и дети обычно не знают дел главы семьи и не смогут доказать и объяснить происхождения этого имущества»⁷⁷. Внешние признаки, вторил ей «Свободен народ», орган оппозиционной БРСДП, — еще не показатель материального состояния кого-либо⁷⁸. Наиболее часто повторялся аргумент, что конфискация вызовет стремительный спад производства, породит острое недовольство промышленников. В целях нейтрализации оппозиционной пропаганды министр юстиции М. Нейчев в одном из выступлений в Народном собрании перечислил те социальные группы общества, которые попадали под действие закона. Специально он подчеркнул, что служащие, крестьяне, ремесленники, торговцы и промышленники, увеличившие свое имущество трудом, бережливостью и добросовестной деятельностью «в рамках закона»⁷⁹, не должны его опасаться. Такое представление о «трудоу» частной собственности было необычайно популярно в крестьянской среде, как и вообще среди мелкобуржуазных масс, и именно на них были рассчитаны подобные заявления правительства. После принятия закона в апреле 1946 г. борьба вокруг него не завершилась, а лишь приняла иные формы. Промышленники нередко укрывали значительные ценности⁸⁰, в ходе судебного разбирательства выставляли «подготовленных» свидетелей и т. д. Одной из форм классовой борьбы явилось и пассивное отношение капиталистов к работе своего предприятия, невыполнение планов. Для подавления саботажа народная власть приняла специальные меры: мобилизовывала экономически и устанавливала особый контроль за теми предприятиями, которые систематически

⁷⁴ П. Петков. Конфискуване на имуществата, придобити чрез спекула и по незаконен начин, след 9 септември 1944 г. «Исторически преглед», 1961, № 3, стр. 13—14.

⁷⁵ Орган Демократической партии газета «Знаме» сочла законопроект «чудовищным». «Стенографски дневници на XXVI ОНС...», стр. 382.

⁷⁶ «Сборник на законите и решенията, приети от XXVI ОНС и ВНС до 20 юни 1947». София, 1947, стр. 205.

⁷⁷ «Народно земеделско знаме», 9 II 1946.

⁷⁸ «Свободен народ», 30 XI 1946.

⁷⁹ «Стенографски дневници на XXVI ОНС...», стр. 384.

⁸⁰ АМО СССР, ф. 392, оп. 8898, д. 329, л. 14.

не выполняли планы. Представители комитетов ОФ Берковской околии потребовали немедленного изъятия государством всех предприятий саботажников⁸¹. В некоторых районах страны комитеты ОФ вступили в управление предприятиями. По всей стране успешно действовала хозяйственная милиция⁸², специально созданная для борьбы против спекуляции, черной биржи и саботажа. Были внесены и определенные изменения в закон. Виновные в умышленном укрывании и распылении имущества, а также обременении его долгами подвергались тюремному заключению сроком до 10 лет и штрафу до 1 млн левов.

Проведение закона в жизнь потребовало от коммунистов большого напряжения сил. По решению НК ОФ при комитетах ОФ в областях и околиях создавались специальные комиссии помощи, в функции которых входили проверка поступавших материалов и передача их судебным органам, а также контроль за составом последних. Настораживали чересчур медленные темпы приложения закона в ряде мест. Так, в конце 1946 г. в Михайловградской околии было возбуждено 72 дела по конфискации, из которых к концу февраля 1947 г. были полностью рассмотрены лишь 4⁸³. Некоторые коммунисты поддались мелкобуржуазным настроениям и старались добиться смягчения приговоров, оправдания подсудимых и пр. В связи с этим Политбюро ЦК БРП(к) было вынуждено принять специальное решение, запрещавшее членам партии личное ходатайство⁸⁴.

Характеристика позиции сторонников Н. Петкова по данному вопросу будет неполной, если не отметить, что они многократно меняли, правда внешне, свое отношение к закону о конфискации, сознательно создавая тем самым определенную путаницу в представлениях трудящихся. Например, в марте 1946 г. оппозиция высказалась за реформы во имя общественных и народных интересов и выступила против конфискации, т. е. объявила этот закон антинародным и антиобщественным. Резолюция руководства БЗНС Н. Петкова в июле того же года содержала требование все-таки провести конфискацию, но «по справедливости»⁸⁵. И наконец, в оппозиционном проекте конституции НРБ, оглашенном в мае 1947 г., прямо указывалось: «Частная собственность неприкосновенна»⁸⁶, «конфискация имущества недопустима»⁸⁷.

Высказываясь подобным образом, оппозиция брала под свою защиту основного эксплуататора деревни — спекулятивно-паразитический капитал. О том, что именно в его руках сосредоточивались крупные имущество и средства, подлежащие конфискации, свидетельствуют и ее результаты. Из 5300 дел, рассмотренных судебными властями, лишь 693 касались собственников промышленных предприятий⁸⁸, а остальные — главным образом торговцев и кулаков. Последние, как правило, тоже занимались торговыми операциями. В руки государства перешло имущество на сумму более 8 млрд левов. Примечательно, что в целом экономические позиции болгарской буржуазии были подорваны в ходе осуществления требований крестьянства.

⁸¹ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт в Михайловградски окръг. Сборник документи. Септември 1944— декември 1946». Михайловград, 1973, док. № 139, стр. 202.

⁸² «Отечествен фронт», 11 I 1945.

⁸³ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт в Михайловградски окръг...», док. № 230, стр. 357.

⁸⁴ «Българската комунистическа партия в резолюции и решения...», т. IV, стр. 78.

⁸⁵ «Народно земеделско знаме», 26 III, 6 VIII 1946.

⁸⁶ «Стенографски дневници на Велико Народно събрание» (далее — ВНС). Дял II, кн. I, стр. 55.

⁸⁷ Там же, стр. 56.

⁸⁸ «Икономика на България в шест тома», т. 2, София, 1972, стр. 101.

Исключительное значение в условиях Болгарии имела аграрная реформа. В феврале 1945 г. был подготовлен законопроект о трудовой земельной собственности (ТПС). В марте 1946 г. закон был принят Народным собранием. Правительство ОФ ставило вопрос о комплексных преобразованиях сельского хозяйства. Политбюро ЦК БРП(к) еще в ноябре 1944 г. подчеркивало их триединый характер: наделение крестьянских хозяйств землей должно было сочетаться с созданием производственных кооперативов и механизацией сельского хозяйства⁸⁹. Закон об аграрной реформе, — говорилось в одном из выступлений в Народном собрании, — «без координации с законом о кооперативной обработке земли не будет полезным, не будет иметь никакого значения. Раздать по 5—10—20 декаров (1 декар — 0,1 га) земли Ивану и Драгану значит не сделать ничего. Но если эта реформа будет соединена с кооперативной обработкой земли, если мы дадим... хозяйствам тракторы и машины, жатку и сеялку, ...мы придем к совершенно другому результату»⁹⁰. Такой подход диктовался острым малоземельем Болгарии⁹¹, где окончательно решить аграрный вопрос можно было лишь созданием кооперативных хозяйств. Однако исключительное значение кооперирования в условиях страны не умаляло ни в коем случае роли собственно аграрной реформы. Собственнические тенденции крестьянства, необычайная популярность идеи о ТПС давали основание рассчитывать на достижение в результате перераспределения земельных фондов определенного политического эффекта на таком важном участке экономического фронта, как деревня.

Проект закона подвергся резкой критике со стороны оппозиции. Особенно много нареканий вызвали пункты 34 и 36-й. Пункт 34-й предусматривал наделение землей не только малоземельных крестьян, но и вообще не имевших земли. Пункт 36-й определял средний тип частного трудового хозяйства (5 га в целом по стране и 8 га для Южной Добруджи) и провозглашал преимущества при наделении землей в малоземельных районах страны тех хозяев, которые желали вступить в ТКЗХ. Оппозиция усматривала в этом стремление указать крестьянину «форму ведения хозяйства»⁹² и заявляла, что аграрная реформа в духе ОФ кладет конец индивидуальному наделению землей⁹³.

Характерно, что критика законопроекта о ТПС, а позднее и самого закона не носила конструктивного характера и не содержала конкретных предложений по его коррекции. Отдельные представители оппозиционных кругов считали, что общегосударственный хозяйственный план, способный разрешить проблему занятости рабочей силы в национальном масштабе, даст выход из сельскохозяйственного кризиса⁹⁴. Однако, когда на повестку дня встал вопрос о двухлетнем хозяйственном плане, лидеры оппозиции объявили его вредным для крестьян. В апреле 1947 г. на конференции Постоянного присутствия оппозиционного БЗНС Н. Петков призвал к саботажу этого плана⁹⁵. При обсуждении конституции НРБ оппозиция предприняла последнюю попытку законодательно изменить сущность аг-

⁸⁹ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт. Септември 1944 — май 1945...», док. № 203, стр. 300.

⁹⁰ «Стенографски дневници на XXVI ОНС...», стр. 270.

⁹¹ Считалось, что для наделения землей всех нуждающихся необходимо было иметь 1 млн. 200 тыс. га, тогда как реально можно было рассчитывать на получение 450 тыс. га. Это давало возможность обеспечить землей лишь 30% подлежащих наделению. «Стенографски дневници на XXVI ОНС...», стр. 393.

⁹² «Народно земеделско знаме», 6 II 1946.

⁹³ И. Г а н е в. Аграрната реформа в чужбина и у нас. София, 1947, стр. 230.

⁹⁴ Там же, стр. 233.

⁹⁵ Н. Г е н ч е в. Разгромът на буржоазната оппозиция в България през 1947—1948 година. «Годишник на Софийския университет. Идеологични катедри», т. 56. София, 1963, стр. 227.

рарной политики правительства. Традиционный лозунг трудового крестьянства «земля принадлежит тем, кто ее непосредственно обрабатывает» оппозиция в угоду кулацко-капиталистическим кругам попыталась «уточнить» следующим образом: «частные земли и леса принадлежат тем, кто их обрабатывает или использует для пропитания»⁹⁶.

После принятия закона сторонники оппозиции в министерстве земледелия стали всячески тормозить проведение его в жизнь⁹⁷. Воспользовавшись этим, кулацкие элементы начали продавать землю, стремясь, таким образом, обойти закон об аграрной реформе⁹⁸. В ряде случаев продажа была фиктивной. Поэтому закон о ТПС, предвидя это, предусматривал право министерства земледелия аннулировать фиктивную продажу. Лишь на одном из заседаний Совет дирекции земли не утвердил продажу более 600 га земли именно по этой причине⁹⁹. Оппозиция распускала ложные слухи об изменениях закона и, следовательно, о приостановке его действия. Министерство земледелия специальным заявлением разоблачило этот маневр реакции¹⁰⁰. Нам представляется, что сравнительно поздние сроки проведения аграрной реформы (1946—1948) объясняются, в значительной степени, острой борьбой, развернувшейся вокруг подготовки и принятия соответствующего законопроекта¹⁰¹.

В ходе проведения аграрной реформы наиболее трудным был первый этап — сосредоточение значительных площадей земли в государственный поземельный фонд. Нередко против осуществления реформы выступали сторонники ОФ, не желающие отдать часть своего надела¹⁰². Оппозиционные газеты помещали массу материалов, направленных против аграрной политики правительства. Резкий тон выступлений был продиктован желанием недопустить сочетания буржуазно-демократического требования о наделении крестьян землей с планами кооперирования крестьянства, которые в сложившихся условиях являлись шагом вперед на пути социалистического преобразования сельского хозяйства страны. В ходе реформы 90% собранных в госфонд земель пошло на увеличение наделов мелких хозяйств¹⁰³, однако в социальном отношении реформа мало что изменила в облике болгарской деревни¹⁰⁴. Система выплаты собственникам компенсации за отчужденные зем-

⁹⁶ «Стенографски дневници на ВНС...», стр. 55.

⁹⁷ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 11, 182об.; д. 159, л. 92об, 118.

⁹⁸ «Установяване и укрепване на народната власт във Великотърновски окръг (1944—1946)». В.- Търново, 1969, док. № 30, стр. 41; «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт в Михайловградски окръг...», док. № 134, стр. 194; Цв. Д о й н о в а. Коопериране на селското стопанство у нас (1944—1948). «Известия на държавните архиви». София, 1964, № 8, стр. 166.

⁹⁹ «Работническо дело», 20 IX 1946.

¹⁰⁰ А. Н. К и р ш е в с к а я. Отечественный фронт и аграрный вопрос в Болгарии в первый период развития народной демократии (1944—1947). УЗИС, 1952, т. 5, стр. 319

¹⁰¹ В историографии существует иное мнение: что сравнительно поздние сроки проведения аграрной реформы свидетельствуют о второстепенном значении ее в комплексе аграрных преобразований болгарской деревни. В. В. М а р ь и н а. К вопросу о политике пролетарских партий по отношению к среднему крестьянству в Октябрьской революции и народно-демократических революциях 40-х годов. «Советское славяноведение», 1972, № 6, стр. 23.

¹⁰² «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт в Михайловградски окръг...», док. № 160, стр. 239.

¹⁰³ В. Г у р а. Някои проблеми на аграрните преобразования в Полша и България през периода 1944—1948 гг. «Известия на Института по история на БКП». София, 1970, кн. 24, стр. 58.

¹⁰⁴ М. И с у с о в. О социальной структуре болгарской деревни..., стр. 608. Существует и другое мнение: об «осередничавании» деревни. См. Ж. П е т р о в. Формиране и развитие на социално-класовата структура на българското село. Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Философия. София, 1973, кн. 61, стр. 251.

ли действовала по принципу обратной зависимости: чем больше земель изымалось, тем меньше был размер компенсации. В связи с этим нам кажется интересной мысль М. Исусова о том, что осуществление закона о ТПС носило характер конфискации¹⁰⁵. Аграрная реформа оправдала себя: трудовое крестьянство с удовлетворением встретило ее¹⁰⁶, его доверие к власти ОФ укрепилось, хотя последней предстояло приложить еще немало сил для полного осуществления намеченной программы.

Таким образом, сложные процессы, протекавшие в БЗНС после 9 сентября 1944 г., привели летом 1945 г. к расколу этой партии и формированию в БЗНС оппозиционной группировки Н. Петкова, ставшей средоточием всех реакционных сил в стране. Выражая интересы крупной буржуазии и кулачества, выдвинув лозунги «сословного» БЗНС, оппозиция повела упорную борьбу против народно-демократической власти. Убедившись во время декабрьских событий 1944 г. в невозможности изменить политическую линию правительства ОФ, оппозиционеры перенесли основную тяжесть борьбы в сферу экономики, пытаясь сорвать осуществление хозяйственных мероприятий правительства и вызвать тем самым массовое недовольство трудящихся. В этой борьбе оппозиция не без основания рассчитывала на помощь империалистических держав — Англии и США. Популярность программы ОФ среди болгарского народа заставила оппозицию демагогически объявить о «лояльном» отношении к ОФ, широко использовать его лозунги. Наряду с другими, это обстоятельство во многом обеспечило ей поддержку части колеблющихся мелкобуржуазных масс, подчас психологически не готовых к коренным изменениям привычной действительности. Однако это явление было временным. Уже первые социально-экономические мероприятия народно-демократического государства выявили глубоко реакционный, антинародный характер оппозиции, привели к определенному росту авторитета ОФ. Опираясь на широкую поддержку демократических и прогрессивных сил, неустанно углубляя свое политическое влияние в массах, правительство ОФ под руководством коммунистической партии ломало сопротивление реакции в ходе осуществления намеченной программы.

¹⁰⁵ M. I s u s o v. Changements dans la structure socio-économique de la Bulgarie après la seconde guerre mondiale. «Bulgarian historical review». Sofia, 1973, p. 23.

¹⁰⁶ АМО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 232.

АНДЖЕЙ СКШИПЕК

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1934 г. ПО ВОПРОСУ О БАЛТИЙСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

После заключения 25 июля 1932 г. договора между Польшей и СССР о ненападении и подписания 3 июля 1932 г. в Лондоне многосторонней конвенции об определении агрессора как будто намечалось улучшение польско-советских отношений. Оно было в значительной степени связано с изменением международной обстановки в Европе.

Два события этого периода встречали отрицательное отношение как в Москве, так и в Варшаве. Первое — это выдвижение проекта так называемого пакта четырех. В соответствии с духом Локарнских соглашений этот пакт преследовал цель диктата четырех держав в Европе — Великобритании, Франции, Германии и Италии, причем усилилась бы ведущая роль Великобритании. Вместе с тем пакт обеспечивал бы Германии равные права в области вооружения и возможность экспансии на восток, прежде всего против Чехословакии и Польши, за счет которых могли бы быть удовлетворены первоочередные претензии Германии, а затем и против Советского Союза¹. Создатели пакта четырех намеревались вытеснить СССР с арены европейской политики². Пакт четырех был парафирован в июле 1933 г.

Второе — приход гитлеровцев к власти, вследствие чего резко усилилась угроза Польше. Национал-социалистическое правительство претендовало на польские территории. Победа фашизма в Германии существенно отразилась на советско-германских отношениях. Гитлеровцы провозгласили тезис борьбы с коммунизмом и пропагандировали идею крестового похода на восток, разгрома и расчленения СССР³.

Международная обстановка в Европе к концу 1933 г. значительно изменилась. С выходом Германии из Лиги наций потеряли прежнее значение планы пакта четырех. Польша получила заверение Германии в отказе от применения силы, о чем сообщалось в коммюнике агентства Вольфа 15 ноября 1933 г., и вела переговоры с Германией относительно подписания соответствующего соглашения. СССР ориентировался на сотрудничество с неагрессивными государствами. По пути в Нью-Йорк народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов 31 октября 1933 г. сделал остановку в Париже. Принимавший его французский министр иностранных дел

¹ «Правда», 1933, 23 мая.

² В. И. Попов. Дипломатические отношения между СССР и Англией. 1929—1939. М., 1965, стр. 118; Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения. 1924—1945. М., 1964, стр. 184.

³ M. Wojsiewski. Stosunki polsko-niemieckie. 1933—1938. Poznań, 1965, s. 51.

Поль-Бонкур, высказав опасение, что над Европой нависнет угроза войны, если Германия будет продолжать вооружаться, предложил продумать возможность совместных действий⁴. В разговоре с М. М. Литвиновым Поль-Бонкур несколько раз упомянул о договоре о взаимной помощи в дополнение к пакту о ненападении. Он вызвался продумать вариант соответствующего соглашения и предложил сделать это и советской стороне. Литвинов обещал обсудить этот вопрос с коллегией НКВД.

Дальнейшие советско-французские переговоры велись в декабре 1933 г. в Париже между Поль-Бонкуром и советским послом В. Довгалеvским. Франция предлагала Советскому Союзу заключить пакт о взаимной помощи и одновременно вступить в Лигу наций. Советская дипломатия разрабатывала концепцию регионального договора коллективной безопасности, которая позже нашла отражение в проекте Восточного пакта. Этот договор должны были заключить СССР, Польша, Чехословакия, Латвия, Литва, Эстония и Финляндия. ЦК ВКП(б) по предложению НКВД СССР в декабре 1933 г. принял решение, предусматривавшее возможность вступления СССР в Лигу наций при одновременном подписании европейскими государствами регионального пакта о защите от агрессии. Были определены принципы, на основании которых можно было создать систему коллективной безопасности в Европе, способную воспрепятствовать возникновению войны⁵. В пакте о взаимной помощи, впоследствии получившем наименование Восточного, предполагалось участие СССР, Франции, Польши, Чехословакии, Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии. В связи с этим приобретал актуальность вопрос о безопасности в районе Балтийского моря.

23 ноября 1933 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек, информируя полномочного представителя СССР в Польше В. А. Антонова-Овсеенко о текущих вопросах польско-немецких отношений и заострив внимание на сотрудничестве в области разоружения, затронул и балтийскую проблему. Бек намекнул, что проблема Прибалтики может стать предметом общей заинтересованности Польши и СССР⁶. Представляется, что Бек преследовал тем самым две цели: противодействие слухам о якобы согласии Польши на германскую экспансию в Прибалтику во время беседы Липского с Гитлером 15 ноября 1933 г. и укрепление польской позиции в предполагаемых переговорах с Германией. Принимая во внимание более чем полугодовой период польско-советского сближения, можно было расценить слова Бека как намек на поиск путей к дальнейшему укреплению сотрудничества. Этот разговор вызвал серьезный и вполне понятный интерес советской стороны. М. М. Литвинов 14 декабря 1933 г. во время беседы с польским посланником в Москве Ю. Лукасевичем предложил, чтобы Польша и СССР подписали совместную декларацию. Оба государства должны были в соответствии с предложением Литвинова высказаться за политическую и экономическую независимость возникших в этом районе после мировой войны прибалтийских государств, а также заявить о твердой решимости защищать мир в Восточной Европе. В случае угрозы независимости прибалтийских государств правительства СССР и Польши обязывались «вступить в немедленный контакт и обсудить создавшееся положение»⁷. М. М. Литвинов настаивал на незамедлительном решении

⁴ «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 151; «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП), т. XVI. М., стр. 595, 602.

⁵ «История второй мировой войны 1939—1945», т. I. М., 1973, стр. 283; «История КПСС». М., 1962, стр. 474; В. С и п о л с. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, стр. 61.

⁶ «Документы и материалы по истории польско-советских отношений», т. VI. М., 1969, стр. 122—123.

⁷ «Документы и материалы...», стр. 135; AAN, MSZ, 6764, к. 89—98.

этого вопроса. Советское правительство придавало большое значение декларации⁸, желая оказать политическую поддержку прибалтийским государствам, которым угрожала гитлеровская экспансия, ослабить натиск Германии, создать конкретные основы для встреч представителей Польши и СССР по вопросу сотрудничества в укреплении мира⁹.

Советская дипломатия, выдвигая такое предложение, стремилась ограничить английское и немецкое влияние в Прибалтике и отвлечь Польшу от намерения сотрудничать с Германией. Нормализация польско-советских отношений и в особенности быстрая ратификация конвенции об определении агрессора, казалось, способствовали осуществлению этого намерения.

Попытки определить польские намерения в отношении советского предложения натолкнулись на неожиданную трудность: двойственность позиции Бека. Из переписки министерства иностранных дел с Лукасевичем создается впечатление, что министерство заинтересованно отнеслось к предложению Литвинова и принятие его зависело от дальнейших дипломатических усилий обеих сторон — выяснения мнений заинтересованных прибалтийских государств, сохранения тайны от немецкой дипломатии и согласования текста¹⁰. Совершенно по-другому представляется вопрос о балтийской декларации в личном письме Лукасевича Беку от 15 декабря 1933 г.¹¹ Посланник счел предложения Литвинова неприемлемыми в свете польско-немецких отношений. Однако он подал Беку мысль не выявлять слишком быстро своего подлинного отношения. Рассматривая дальнейшие действия польской дипломатии, следует иметь в виду две возможности: 1) действительное стремление к заключению польско-советского соглашения, 2) постановку вопроса о декларации как своего рода пробный камень для изучения состояния польско-советских отношений и разрешения других проблем, однако без намерения заключить какое-либо соглашение.

В беседе с Лукасевичем 19 декабря М. М. Литвинов передал Беку приглашение посетить с официальным визитом Москву. Параллельно МИД Польши решил провести зондаж в балтийских государствах, поручив аккредитованным там посланникам выявить позиции соответствующих правительств¹². Подобные шаги предпринял и НКВД СССР. Литвинов, опасаясь, что широкая огласка польско-советских намерений помешает из-за контрмер Германии их осуществлению, настаивал на подписании декларации в возможно короткий срок¹³. Однако польская дипломатия не спешила¹⁴. Финляндия категорически сочла проектируемую декларацию ненужной¹⁵, эстонское правительство отнеслось к предложению без энтузиазма¹⁶, латвийское правительство — в основном отрицательно¹⁷. Мнение советского историка Сиполса, который определил позицию обоих государств как отрицательную, в принципе правильно¹⁸. Наиболее благожелательной была позиция Литвы. Советско-польские переговоры были конфиденциальными, но их секретность была нарушена публикацией английской га-

⁸ «Правда», 1933, 30 декабря.

⁹ В. Сиполс, М. Харламов. На пороге второй мировой войны. 1933—1939. М., 1973, стр. 44.

¹⁰ «Документы и материалы...», стр. 147.

¹¹ ААН, MSZ, 6764, к. 77—82.

¹² Ibid., к. 3; «Документы и материалы...», стр. 148, прим. 2.

¹³ «Документы и материалы...», стр. 150, 151.

¹⁴ ААН, MSZ, 6764, к. 9.

¹⁵ Ibid., к. 13—14.

¹⁶ Ibid., к. 209—212.

¹⁷ Ibid., к. 16—18.

¹⁸ В. Сиполс. Тайная дипломатия. Рига, 1969, стр. 211—212.

зетой «Daily Herald» от 4 января 1934 г. сообщения о советском предложении Польше. Это сообщение инспирировал МИД Англии, воспользовавшись сведениями министра иностранных дел Финляндии Хакселя¹⁹.

Английская дипломатия намеревалась достигнуть двух целей: сорвать польско-немецкие переговоры, а также сдержать слишком быстрое, по ее мнению, польско-советское сближение²⁰.

Шумиха вокруг балтийской декларации была не в интересах ее инициаторов, поэтому агенство ТАСС опровергло информацию, которую вслед за английской прессой стало распространять «Deutsche Nachrichten Büro». В опубликованном в «Известиях» сообщении говорилось, что сведения о том, что СССР и Польша якобы намеревались заключить между собой пакт о безопасности, который содержал бы условие о гарантии границ прибалтийских государств, не соответствуют действительности²¹. Это опровержение перепечатала на следующий день «Gazeta Polska», добавив к нему редакционный комментарий. В нем отмечалось, что между Советским Союзом и Польшей не ведется никаких переговоров, которые бы «содержали элемент агрессии» против прибалтийских государств или Германии²².

В беседе с советским полпредом В. А. Антоновым-Овсеенко 5 января Бек старался показать, что разглашение советско-польских переговоров, так же как и позиция Финляндии, не повлияет на подписание балтийской декларации²³.

Поскольку, по мнению Бека, требовалось согласование еще целого ряда второстепенных вопросов, как например, редактирование декларации и выбор формы ее оглашения, представлялось, что он предполагает завершить переговоры во время своего визита в Москву²⁴.

Явные для советской стороны признаки отхода польской дипломатии от согласованного уже в принципе проекта оглашения балтийской декларации появились лишь три недели спустя, во время встречи Лукасевича с Литвиновым 1 февраля 1934 г. Состоявшийся между ними обмен мнениями касался совокупности польско-советских отношений, причем на первый план выдвинулись две проблемы: польско-немецкая декларация о неприменении силы, подписанная 26 января, а также оценка международной политики Польши, содержащаяся в Отчетном докладе ЦК ВКП (б) на XVII съезде партии. Наряду с этим одной из основных тем беседы стал вопрос о балтийской декларации. Лукасевич уже в начале беседы подчеркнул, что эта совместная польско-советская акция не может быть осуществлена, поскольку появились неожиданные, по его словам, препятствия: отрицательный ответ финского правительства и выступление премьер-министра Литвы Д. Зауниуса, который якобы заявил, что предлагаемая СССР балтийская декларация создает основы для постановки на международной арене вопроса о Вильнюсе, в то время как польская дипломатия хотела бы избежать обсуждения этого вопроса. Народный комиссар иностранных дел СССР доказал несостоятельность этих аргументов. Отказ Финляндии, известный уже и ранее, не мог помешать подписанию декларации. Выступление премьер-министра Литвы не имело прямого отношения к декларации²⁵.

Два дня спустя, 3 февраля, Лукасевич, выполняя инструкцию Бека, окончательно подтвердил, что польская сторона считает вопрос польско-

¹⁹ AAN, MSZ, 6764, к. 267—271.

²⁰ «Dokuments on British Foreign Policy», per. 2, v. 7, p. 632—633.

²¹ «Известия», 1934, 5 января.

²² «Gazeta Polska», 6 II 1934. Аналогичное заявление сделал Липский 9 января 1934 г. Нейрату (AAN, MSZ, 6764, к. 188—193).

²³ ДВП, т. 17, стр. 26—27.

²⁴ Там же, стр. 37—38; AAN, MSZ, 6764, к. 44.

²⁵ «Документы и материалы...», стр. 158—162; AAN, MSZ, 1964, к. 107—109.

советской декларации о независимости прибалтийских государств не актуальным. Он приводил при этом те самые аргументы, которые использовал ранее, добавив лишь, что категорическое советское опровержение делает невозможным возобновление переговоров. Глава советской дипломатии решительно отклонил инсинуацию Лукаsevича, якобы советский полпред в Каунасе М. А. Карский внушил Зауниусу, что балтийская декларация дает повод вновь поднять виленский вопрос. Считая причины, побуждающие Бека к отказу от идеи балтийской декларации, не выясненными, Литвинов констатировал, что должны быть поводы более основательные, о существовании которых можно только предполагать²⁶. Современная историография установила, что Литвинов имел основание для своих предположений. Причины польского отказа были вызваны польско-немецкими переговорами.

Германское правительство дало понять, что успех происходящих в это время польско-немецких переговоров о заключении соглашения о ненападении зависит от отказа Польши поддержать советскую инициативу. Польское правительство удовлетворило германские требования и обязалось консультироваться с Германией по балтийскому вопросу, если он будет поставлен кем-либо²⁷.

Поэтому подписание 26 января 1934 г. польско-немецкой декларации о ненападении лишило Польшу свободы действий в балтийских делах.

Отказ Польши от подписания декларации возбудил в НКВД СССР подозрения относительно секретных условий польско-германского соглашения. Предполагалось, правда, что, может быть, во время приближающегося визита Бека в Москву удастся выяснить позицию Польши и вновь поставить вопрос о декларации. Но осуществить эти намерения не удалось: после заключения соглашения с Германией руководители польской внешней политики считали нежелательными любые проявления сотрудничества с СССР. Польскому посланнику в Берлине было поручено заверить нацистскую дипломатию, что Бек не допустит дальнейшего обсуждения вопроса о балтийской декларации²⁸.

Бек находился в Москве с официальным визитом 13—15 февраля 1934 г. Формальным его поводом явился ответ на посещение наркомом иностранных дел Г. Чичериным Варшавы в 1925 г., практическим — была демонстрация, что подписание польско-немецкой декларации от 26 января не привело к ухудшению польско-советских отношений.

Во время визита было достигнуто соглашение о преобразовании дипломатических представительств в Москве и Варшаве в посольства. Более важным было решение о продлении срока действия польско-советского пакта о ненападении на десятилетний срок. Беку не удалось избежать обсуждения вопроса о балтийской декларации, который был поставлен Литвиновым. Бек не изменил своего отрицательного отношения, а его аргументация была аналогичной доводам Лукаsevича, отличаясь только расстановкой акцентов. Главное препятствие Бек видел в отрицательном отношении Финляндии к декларации, которое, по его мнению, было следствием не только давления Германии, но и Англии. Цель британской политики, как намекал Бек, заключалась в том, чтобы задержать процесс польско-советского сближения. Беседа не дала никаких результатов в этом отношении, и по настоянию Бека балтийская проблема не была упомянута в совместном коммюнике²⁹. Литвинов пришел к окончательному

²⁶ AAN, MSZ, 6764, k. 102. 110—112; «Документы и материалы...», стр. 161—163.

²⁷ «Diariusz i teki Jana Szembeka», t. 1. London, 1962, d. 56, s. 138. M. W o j s i e - c h o w s k i. Stosunki polsko-niemieckie, s. 102, 122.

²⁸ «Документы и материалы...», стр. 164—165.

²⁹ Там же, стр. 170—172.

выводу о невозможности совместного выступления с Польшей по вопросу о неприкосновенности прибалтийских государств³⁰.

Дальнейшие польско-советские переговоры велись по поводу продления пакта о ненападении на 10 лет. Балтийская проблема затрагивалась постольку, поскольку польская дипломатия интересовалась продлением подобных договоров СССР с прибалтийскими государствами. Следует отметить, что протоколы о продлении договоров СССР с Латвией, Литвой и Эстонией о ненападении были подписаны 4 апреля 1934 г., а советско-польский пакт лишь 5 мая 1934 г.

История советско-польских переговоров о балтийской декларации помогает проследить некоторые общие тенденции внешней политики отдельных государств в этот период. Проект декларации появился в условиях, когда возникла опасность пакта четырех и гитлеровского реваншизма. Эти обстоятельства объективно могли бы способствовать советско-польскому сближению, которое удержало бы Германию от агрессивных действий в Прибалтике³¹.

Однако правительство Польши не использовало имевшихся возможностей, так как подписание совместной с СССР декларации противоречило бы условиям польско-германского соглашения от 26 января 1934 г. Это было одновременно показателем антисоветской основы формирования польско-германского дипломатического сотрудничества, развитие которого позднее воспрепятствовало осуществлению концепции Восточного пакта.

³⁰ Там же, стр. 173.

³¹ ДВП, т. XVII, стр. 306—308.

СТЕФАН ВЕЛИКОВ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЛГАРСКОЙ ШКОЛЫ В ЦАРЬГРАДЕ

В эпоху Возрождения Царьград, столица османской империи, становится важным центром хозяйственной, культурной и политической деятельности болгар. К середине XIX в. в поисках средств к существованию сюда переселяются и навсегда оседают около 50 тыс. болгар. «В Царьграде, — пишет Н. Начов, — ближе к центральной власти и чувствуешь себя в большей безопасности от произвола турецких чиновников, различного рода аг, спахийев, дерибеев и т. д., бесчинствующих в провинции, от насилиев разбойников и интриг греческих владык. Здесь ближе и к представителям европейских великих держав, и особенно к представителям России. Здесь болгары более спокойно и уверенно могли трудиться»¹. Особенно много осело в Царьграде ремесленников и торговцев. Конторы и склады торговцев были расположены в кварталах Царьграда — Балкапане, Чорапчи, Бояджи, Илчи, Зюмбале и др.² В середине 50-х годов XIX в. (в 1846 г.) болгары-торговцы создали в Царьграде первое торговое объединение — компанию, насчитывающую 50 членов с ежегодным оборотом в 10 млн грошей³. Возникают торговые дома братьев Тылчлештевых, Золотовичей, Караминковых.

Больше всего в Царьграде проживало ремесленников, в основном — абаджии (портные). Около 1000 из них работали в государственной мануфактурной мастерской «Хамбаря», где изготовлялось обмундирование для новой регулярной турецкой армии. Еще в 30-е годы абаджии создали свой цех, во главе которого стояли братья Иван и Атанас Спасовы из Каллофера.

Но кроме абаджий здесь трудились болгарские ремесленники — обувщики, меховщики, пекари, молочники, золотых дел мастера, садовники, рыбаки, мясники, здесь же находили себе применение извозчики, продавцы табака и т. д. Все они были объединены в ремесленные (еснафские) организации⁴.

Часть болгар составляла прослойку наемных работников и слуг. В Царьграде проживали также и болгары, занимавшие высокие государственные посты, правда, число их было незначительным. Котленец Стефан Богороди был правителем (кнезом) острова Самоса, Васил Вылков (Турко Васклаки) из Вербицы (Преславский округ) служил в министерстве ино-

¹ Н. Начов. Цариград като културен център на българите до 1877 г. Сб. БАН, кн. XIX. София, 1925, стр. 16.

² Там же, стр. 11.

³ «Цариградски вестник», 8 III 1848.

⁴ НБКМ, БИА, 11 Д, 2272.

странных дел в Турции, в течение некоторого времени был капухехаей (представителем) турецкого правительства при царьградской патриархии⁵.

Однако болгары в Царьграде не были объединены, если не считать цеховые организации, у них не было центра, который мог бы включить их в общественную жизнь национального Возрождения.

Весной 1839 г. в Царьград прибывает Неофит Бозвели, основоположник борьбы за национальную болгарскую церковь. И именно на него и его молодого соратника Иллариона Макариопольского ложится трудная задача объединения царьградских болгар, которым нужно было привить чувство национального самосознания. Приезд Н. Бозвели в Царьград не был случайным, Это, как очень точно отмечает академик М. Арнаудов, — была «гениальная диверсия», поскольку таким образом поднимался болгарский вопрос⁶.

Прибыв в Царьград, Н. Бозвели прежде всего вступил в контакт с болгарскими ремесленниками, торговцами. Очень достоверно об этом свидетельствует Г. С. Раковский. «Отец Неофит, — пишет он, — нашел у тех болгар самое безопасное прибежище и начал думать о том, как организовать в Царьграде Болгарское общество для того, чтобы болгары могли собираться вместе и построить свои действия так, чтобы добиться искомого. Такое место в Царьграде, — продолжает Раковский, — не могло быть в те времена ничем иным, кроме как народной болгарской церковью, которая должна была бы стать не только средоточием живших в Царьграде болгар, но и иметь влияние на всех болгар и в самой Болгарии для того, чтобы по ее призыву все были готовы действовать единодушно и согласованно для общего блага»⁷.

Так Н. Бозвели пришел к идее создания болгарской общины в Царьграде. Это его собственная идея, его личный вклад в болгарское национальное Возрождение⁸. В своей деятельности Неофит Бозвели придерживается последовательной линии завоевания болгарской церковью самостоятельности. Только таким образом будет, по его мнению, положен конец греческому духовному владычеству в Болгарии. Комнату, в которой он живет, Н. Бозвели превращает в часовню, где совершает богослужения на болгарском языке, читает проповеди⁹. В марте 1845 г. Н. Бозвели от имени царьградских болгар подает Порте «общенародную жалобу» с просьбой «позволить и болгарам построить в Царьграде церковь», а при ней создать типографию и школу, в которой из числа болгарских юношей «будут готовиться священники»¹⁰.

Деятельность Н. Бозвели и Иллариона Макариопольского и особенно «общенародная жалоба» дали удобный повод патриархии для заточения обоих народных деятелей в монастыре в июле 1845 г. на Святой горе. Не выдержав тяжелых лишений, Н. Бозвели умер 4 июля 1848 г., а Макариопольский был освобожден в начале декабря 1850 г. благодаря заступничеству русского ученого-путешественника Муравьева.

В то время как Неофит и Илларион находились в заточении на Святой горе, борьбу царьградских болгар за свой храм возглавил А. Экзарх. 10 ноября 1847 г. он подал великому везиру меморандум, в котором писал о

⁵ Х. Христов. Българските общини през Възраждането. София, 1973, стр. 120.

⁶ М. Арнаудов. Неофит Хилендарски Бозвели. Живот, дело, епоха. 1785—1848, т. I. София, 1971, стр. 474.

⁷ Г. С. Раковский. Съчинения. София, 1932, стр. 361.

⁸ М. Арнаудов. Там же, стр. 473.

⁹ П. Карапетров. Сборка от статии. София, 1898, стр. 4.

¹⁰ Йордан п. Георгиев. Материали по църковната борба. Сб. БАН, кн. XIV, 1921, стр. 65.

том, что царьградские болгары должны иметь одну или две своих церкви и столько же школ с преподаванием в них на родном языке¹¹.

Получив возможность основать свою церковь¹², царьградские болгары организуют при ней школу, создание которой связано с именем Стефана Изворского. Школа открылась в 1849 г.

Стефан п. Николов Изворский — чрезвычайно интересная и колоритная личность, просветитель, поэт и общественный деятель¹³. Он родился в 1815 г. в г. Котеле. Свое первоначальное образование Изворский получил у известного педагога Райко Поповича.

С 1840 г. по 1849 г. Изворский учительствует в различных городах Болгарии, в конце 1849 г. настоятели болгарской церкви призвали его к себе и назначили учителем славянского и болгарского языков в открытой при церкви школе¹⁴.

Открытие школы при болгарской церкви было осуществлением мечты Н. Бозвели. Ни у С. Изворского, ни в печати того времени мы не находим сведений о том, как было поставлено образование в этой школе. Очевидно, это был первый шаг на пути к созданию болгарской школы в Царьграде, если иметь в виду, с одной стороны, консерватизм болгар в этом отношении, а с другой — стремление более состоятельных ремесленников и торговцев отправлять своих детей учиться в неболгарские школы, что было данью моде и диктовалось практическими требованиями жизни. Кроме того, сам организатор этого дела С. Изворский в конце 1850 г. уезжает в Россию для завершения своего образования в Петербургской духовной академии. Таким образом, до 1857 г. царьградские болгары не имели своей школы, а если она и действовала, то влачила жалкое существование.

В 1857 г. С. Изворский возвращается в Царьград. Это происходит уже по окончании Крымской войны, когда был издан хатти-хумаюн (18 февраля 1856 г.), разрешавший создание национальных духовных общин. Болгары использовали легальные возможности в общественной и культурной жизни.

В 1857 г. в Царьграде болгарская община открыла классную школу, которая была призвана сыграть значительную роль в деле образования и просвещения болгарской молодежи. Эта школа названа центральной. Сведения о ее деятельности мы встречаем в исследованиях Николы Начова¹⁵, Луки Доросиева¹⁶ и др.

С. Изворский, пройдя школу Райно Поповича, греческую великую народную школу в Куручешме и духовную академию в Петербурге, направил все свои усилия на открытие в Царьграде светской болгарской народной школы. В соответствии с выработанным С. Изворским планом, эта школа была разделена на три ступени: низшую (трехклассную), среднюю

¹¹ Й. п. Георгиев. Принос към историята на българската църква в Цариград. Архив МИП. 1911, кн. I, стр. 21.

¹² Поскольку предметом нашего исследования является школа, созданная при болгарском храме в Царьграде, мы не останавливаемся на начальном этапе борьбы за болгарскую церковь в Царьграде и на открытии там болгарского храма. Эти сюжеты получили достаточно подробное освещение в существующей значительной литературе. В последние годы появились специальные исследования на эти темы (см. З. Марков а. Българският храм в Цариград. Сб. «В память на академик Михаил Димитров». София, 1974, стр. 247—259).

¹³ О его жизни и деятельности см. подробнее: Г. Стефанов. Стефан п. Изворски учител и поет от епохата на Възраждането. 1815—1875. Сб. БАН, кн. XXVIII, 1935, стр. 1—171.

¹⁴ Г. Стефанов. Там же, стр. 26—27.

¹⁵ Н. Начов. Българското училище Св. Кирилл и Методи на Фенер в Цариград до 1877 г. «Училищен преглед», 1922, кн. 5, 6, стр. 375—385; его же. Цариград като културен център на българите до 1877 г. Сб. БАН, кн. XIX, 1925.

¹⁶ Л. И. Доросиев. Материали за изучаване на учебното дело в България, кн. I. София, 1925.

(два класса) и высшую (три класса), полный курс обучения во всех трех ступенях, между которыми существовала преемственность составлял восемь лет.

Первые две ступени предназначались для тех, кто в силу обстоятельств мог довольствоваться только теми познаниями, которые столь необходимы каждому в повседневной жизни. На обучение высшей ступени предполагалось принимать специально отобранных учеников, которые готовились для духовной или светской деятельности¹⁷.

С. Изворский подготовил и специальную программу¹⁸, в которой были предусмотрены предметы, необходимые для преподавания во всех трех ступенях школы, недельное и почасовое расписание. Готовя в течение восьми лет священников, образованных людей для Болгарии, писал Изворский, главная школа в Царьграде будет в соответствии со своим назначением способствовать народному просвещению и образованию. Она будет готовить учителей для болгарских школ¹⁹.

Для открытия болгарской школы в Царьграде была еще одна существенная причина. Как уже отмечалось раньше, болгарские торговцы и ремесленники отдавали своих детей учиться в другие неболгарские школы в Царьграде. Особой популярностью пользовалась Греческая народная великая школа в квартале Куручешме в Царьграде, греческая духовная и торговая школа, Галатасарайский лицей, Роберт колледж и др.

Поскольку эти учебные заведения давали солидное по тому времени образование, курс обучения в них прошли многие болгарские юноши. Особые опасения внушала французская католическая школа в квартале Бебек. Директором школы был французский религиозный миссионер, глава лазаристской миссии в Царьграде Эжен Боре (1809—1879). В этой школе, как справедливо писала в то время газета «Цариградски вестник», учащиеся болгары развращали свои нравы и веру²⁰. Большую роль сыграла эта школа в культивировании антирусских настроений и отрицательного отношения ко все усиливавшемуся влиянию России на Балканах.

Перед тем как приступить к выполнению своей блестящей для того времени, выработанной школьной учебной программы, С. Изворский в марте 1857 г. обратился к русскому послу в Царьграде А. П. Бутеневу с письмом, в котором он уведомлял посла о своих намерениях и задачах, которые преследовала вновь открывшаяся школа. Изворский писал: «Для того чтобы по возвращении из России в Царьград я мог занять место учителя в Болгарии, оказалось необходимым открыть для болгар законную (т. е. официальную. — С. В.) школу в самом Царьграде. На каком основании, с какой целью и каким образом могла быть открыта болгарская школа в этом городе, уже сообщалось вашему превосходительству. В ожидании, однако, пособий и средств, для того чтобы создать солидную основу для такой школы в этом месте в приличном виде по примеру лучших школ или гимназий Европы и особенно православной России, на меня возлагается предварительная задача срочно подыскать здание рядом с болгарской церковью, расположенной в квартале Фенер, для того чтобы собрать там небольшое количество молодых болгар и вместе с болгарским священником приступить к преподаванию наряду с законом божьим элементарных уроков на нашем родном славянском языке. Их воспитание и содержание будут бесплатными и будут преследовать целью внушить состоятельным (или „желающим“.— С. В.) болгарам мысль о необходимости воспитания своих детей в труде и мало-помалу подвести как турецкое

¹⁷ НБКМ, БИА, 11, 7897.

¹⁸ Г. Стефанов. Там же, стр. 63, 64.

¹⁹ НБКМ, БИА, 11 А, 7897.

²⁰ «Цариградски вестник», 26 XII 1859.

правительство, так и различных жителей города к идее превращения в будущем этой небольшой частной школы в большую народную болгарскую школу, как к чему-то само собой разумеющемуся в этой столице.

Но сколь бы скромны и ограничены ни были наши намерения открыть и экономно содержать здесь небольшую школу, все же еще с самого начала необходимы средства для ее устройства. Для этого нам необходимо располагать ежемесячно по крайней мере 250 рублями в серебре, без этого невозможно начинать что-либо делать»²¹.

При подготовке к открытию школы С. Изворский обратился за материальной помощью и поддержкой и к болгарским торговцам Царьграда. Из «Учета школьных дел» явствует, что от болгарских купцов поступило для организации школы около 20 тыс. грошей²².

9 сентября 1857 г. царьградская болгарская школа начала свою работу. Первое время в ней училось только четыре ученика²³, привезенных С. Изворским из Болгарии. Преисполненный стремлением как можно скорее и больше способствовать образованию своих молодых соотечественников, Изворский первое время был единственным учителем в школе, ему помогал священник (законоучитель).

Школа носила характер пансиона. Чтобы не вызвать подозрений у турецких властей, она размещалась в церковном подворье. В первое время школа сталкивалась со множеством больших затруднений, возникших главным образом из-за отсутствия средств для оплаты учителей, содержания учеников, доставки учебников, учебных пособий и т. д. В письме к Спиридону Н. Палаузову от 25 февраля 1858 г. известный деятель Возрождения Димитр Мутев, находившийся в то время в Царьграде, пишет, что средства, отведенные на содержание школы, иссякли, работать в таких условиях очень трудно. В то же время Мутев сообщает, что англичане предлагали средства, но при условии, чтобы все шло при их участии и они бы предоставили своих учителей²⁴.

Для того чтобы превратить школу в современное учебное заведение, Изворский настойчиво обращался за помощью к России. Русское правительство через свое посольство в Царьграде отпустило Изворскому значительные средства на содержание учеников-пансионеров, на покупку учебников, пособий и т. д. Изворский вкладывал в школу и свои личные сбережения.

Создав болгарскую школу, Изворский отошел от дела. Его роль как основоположника первой болгарской школы в столице османской империи была очень высоко оценена русским послом в Царьграде. В своем донесении от 7 января 1858 г. князю Горчакову посол просит позволить выдать Изворскому 5 тыс. пиастров в качестве награды за его высокопатриотическую, полезную для своего народа деятельность²⁵. Уйдя из Царьградской школы, Изворский преподавал в Тульчинской школе, где развил огромную культурно-просветительную деятельность (1859—1863).

В начале 1856 г. наставником (главным учителем) царьградской болгарской школы стал получивший высшее образование в Московской духовной академии болгарский архимандрит Парфений Огненков-Зографский, ученик Димитра Миладинова²⁶.

²¹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Славянский стол, 1857—1869, д. 6664, л. 12.

²² Там же, л. 59.

²³ Там же, л. 16; Доклад Бутенева от 7 I 1858 г. министру иностранных дел князю А. И. Горчакову.

²⁴ ЦГИА, Ленинград, ф. 1015, оп. 1, д. 73.

²⁵ АВПР, ф. Славянский стол, д. 6664, л. 23.

²⁶ «Цариградски вестник», № 362, 18 I 1858. О нем см. А. П. Стоилов. Български книжовници от Македония, I. София, 1922, стр. 61 и сл.

Человек высокообразованный, кандидат богословских наук, Парфений Огненев сделал очень многое для дальнейшего развития царьградской болгарской школы. Он преподавал болгарский, русский, греческий и французский языки, священную историю и катехизис. Здесь же вместе с ним преподавал грамматику, арифметику и географию поэт и политический деятель Петко Р. Славейков. Учитель-турок давал уроки турецкого языка. В школе в 1858 г. училось 18 юношей, а в 1859 г. — 27 ²⁷.

Сообщая о недавно открытой школе, журнал «Български книжици» подчеркивал, что «если судить объективно по началу, мы можем быть уверены в том, что в скором времени она разрастется и станет рассадником болгарского просвещения» ²⁸.

Парфений Огненев предпринимает широкую акцию по сбору средств для школы. 13 марта 1858 г. Парфений Огненев, называвший себя «ректором» вновь открытой школы, и ее почитатели, известные крупные болгарские торговцы Н. Тыпчилештов, Д. И. Гецооглу и Г. Золотович, обращаются к правительству России с письмом, в котором содержится просьба о денежной помощи и школьных пособиях ²⁹. В скором времени их просьба была удовлетворена. В письме от 9 апреля 1858 г. русский министр финансов распорядился отпускать болгарской школе для приобретения пособий ежегодно по 1200 рублей серебром ³⁰. Помощь болгарской школе от России поступала регулярно вплоть до 1878 г., о чем свидетельствуют сохранившиеся расписки почитателей школы ³¹.

Благодаря этой помощи в царьградской болгарской школе получили образование десятки юношей. До русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в школе получили образование 120 учеников ³².

Царьградская болгарская школа сыграла определенно положительную роль в воспитании и обучении болгарских юношей, многие из которых позже, в освобожденной Болгарии, стали видными деятелями в культурной и общественно-политической жизни страны. Среди воспитанников этой школы был и Д. Благоев, основоположник социализма в Болгарии и на Балканах, основатель Болгарской коммунистической партии. Бесспорно, положительное значение имел и тот факт, что в этой школе в течение краткого или длительного времени преподавали такие деятели просвещения, как Тодор С. Бурмов, Д. Павлов, Тодор Н. Шипков, Никола Шипеджиев и другие, дававшие солидные знания своим воспитанникам.

²⁷ АВПР, ф. Славянский стол, д. 6664, л. 54.

²⁸ «Български книжици», 1858, кн. 1, стр. 11, 12.

²⁹ АВПР, ф. Славянский стол, д. 6664, л. 31.

³⁰ Там же, л. 36.

³¹ Там же, л. 65, 71, 73, 75, 79, 81, 87, 93, 94, 98, 101, 103, 108, 115 и др.

³² Там же, л. 75.

Г. Э. САНЧУК

германо-чешские отношения первой половины X века¹

Проблема германо-славянских отношений X в. относится к наиболее актуальной в послевоенной медиевистике². В настоящей статье мы рассмотрим начальную стадию истории этих отношений, когда в условиях формирования раннефеодальных славянских государств и германского (немецкого) государства главная роль в лагере, противостоящим восточной политике первых представителей саксонской династии, принадлежала Чехии. Германо-чешские отношения X в. имеют обширную историографию и вплоть до последнего времени привлекают внимание ученых. Однако к проблеме этой обычно подходят с точки зрения собственно германской или чешской истории, притом в чисто юридическом плане³.

На развитие германо-чешских отношений решающее влияние оказали активизация восточной политики Германии, последствия поселения венгерских племен в Карпатской котловине, особенности политического формирования раннефеодального чешского государства.

Уже для франкской империи и восточнофранкского государства славянские восточные области приобрели большое экономическое и политическое значение. На протяжении всего X в. франкские короли и императоры проводили по отношению к полабским славянам политику меча и христианской миссии, которая составляла основу концепции имперской власти франкских государей со времен Карла Великого⁴. Форпостом наступления франков против западных славян сначала стало епископство Вюрцбург на р. Майн⁵, затем — имперский город того времени — Регенсбург в связи с особой ролью, которую стала играть Бавария, превратившаяся фактически в главную область Восточнофранкского королевства⁶.

Во второй половине, особенно в конце IX в., натиск франкских феодалов на полабских славян и на Чехию ослаб в связи с начавшимся упадком франкской государственности и изменением международной обстановки. Великоморавская держава оказывала большое влияние на Чехию

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на VII Всесоюзной конференции славистов в Черновцах 26 июня 1975 г.

² Об этом подробнее см. Г. Э. С а н ч у к. Проблема империи и чешско-немецких отношений раннефеодального периода (X—XII вв.) в западногерманской историографии послевоенного времени. В сб. «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965, стр. 227 и сл.

³ Библиографию вопроса см. в работе: Z. F i a l a. Vztah českého státu k německé říši do počátku 13 století. «Sborník historický», VI. Praha, 1959, s. 23, nasl.

⁴ А. В г а с т а н н. Gesammelte Aufsätze. Weimar, 1941, S. 110—111.

⁵ Ibid.

⁶ А. И. Н е у с ы х и н. Проблемы европейского феодализма. М., 1974, стр. 229.

и полабов (сорбов) во времена Святополка (871—894) ⁷, а на севере положение ободритов улучшилось, ибо внимание датчан стали отвлекать набеги викингов ⁸.

Внутренняя консолидация Саксонской державы ⁹, особенно стабилизация ее западной границы, наступившая вслед за присоединением Лотарингии ¹⁰, позволили уже первому королю саксонской династии Людольфingов — Генриху I (919—936) пойти навстречу саксонским феодалам и активизировать восточную политику в духе франкской программы «меча и миссии». Причины этого коренились как в особенностях внутреннего развития государства, так и в новой международной обстановке.

Тенденция к внешней экспансии вновь образовавшейся державы была органически присуща раннефеодальному государству, она соответствовала стремлениям германских феодалов (в первую очередь саксонских) к расширению своих владений путем захвата земель соседних народов.

При продвижении на восток немецкие феодалы стремились не только к захвату плодородной земли ¹¹, но и к эксплуатации значительной массы непосредственных производителей: свободных и зависимых славянских крестьян ¹². Славянские земли за р. Эльбой и Салой приобретали особое значение ввиду исключительного плодородия и производительного потенциала. Об этом свидетельствуют немецкие источники раннефеодального периода. Восточносаксонские феодалы во главе с магдебургским архиепископом свой призыв ко всем немецким феодалам отправиться в поход на завоевание западнославянских земель мотивировали следующим образом: «Против нас восстали и добились успеха очень жестокие язычники, люди, не знающие пощады и кичащиеся своим нечеловеческим характером... Так пусть же все спешат на войну во имя Христа и пусть Христос придет на помощь рыцарям. Язычники эти очень плохие люди, однако земля их очень хорошая, она обильна мясом, медом, хлебом, а если ее обрабатывать, то она будет изобиловать всеми плодами земли, так что никакая земля с ней сравниться не сможет» ¹³.

Восточная экспансия, особенно в земли полабских славян, давала возможность расширить доминиальные владения династии Людольфingов, она укрепляла политические позиции Саксонии как гегемона восточногерманских герцогств ¹⁴. Феодалный род Людольфingов еще со времен Оттона Светлого (880—912) стал приобретать земли в пограничной восточной области ¹⁵. Завоевание восточных земель сопровождалось наложением дани в пользу королевской казны, а после основания на завоеванных землях немецких епископств и монастырей — взиманием десятины в пользу церкви, строительством укрепленных градов — особых крепостей, таких, например, как Мейсен, Мерзебург, Кведлинбург, значительно укрепивших положение Саксонии как главного герцогства в раннефео-

⁷ L. H a v l í k. Velká Morava a středoevropští Slované. Praha, 1964, s. 237—251.

⁸ G. L a b u d a. Fragmenty dziejów słowiańszczyzny zachodniej, 1. Poznań, 1960, s. 247—248.

⁹ R. H o l t z m a n n. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit. Berlin, 1955, S. 84 ff.

¹⁰ Ibid., S. 97 ff.

¹¹ «Quellen zur Geschichte der ostdeutschen Kolonization». Ed. R. Köttschke. Leipzig, 1912, S. 10.

¹² А. И. Н е у с ы х и н. Исторический миф третьей империи. Уч. зап. МГУ, 1945, № 81, стр. 55 и сл.

¹³ «Quellen zur Geschichte...», S. 10.

¹⁴ А. И. Н е у с ы х и н. Проблемы европейского феодализма, стр. 244; е г о ж е. Исторический миф..., стр. 77.

¹⁵ E. W e r n e r. Grundlagen der Politik Heinrich I. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl—Marx Universität». Leipzig, Jahrgang 1952/53, H. 6, S. 327 ff.

дальном германском государстве¹⁶. Грады стали не только опорными пунктами защиты и наступления, но и центрами новой администрации¹⁷. Все это содействовало формированию значительного военного контингента вассалов, приобретающего решающее значение по сравнению с народным ополчением¹⁸. Восточная экспансионистская политика, расширяя сферу феодальной эксплуатации, укрепляла позиции господствующей династии, представляла в ее распоряжение значительные материальные и людские ресурсы¹⁹. Так формировались материальные предпосылки имперской концепции восточной политики саксонских государей²⁰.

На развитие германо-славянских отношений этого времени как и международных отношений во всей Центральной Европе, оказало влияние поселение венгерских племен в Карпатской котловине²¹, так как уже к концу IX в. повлекло за собой изменение соотношения политических сил в этом регионе.

В средней Европе не оказалось силы, могущей противодействовать грозной опасности. Великоморавская держава времен Моймира II (894—904), простиравшая свое влияние на северо-запад среднего Подунавья²², под ударами франков с запада и венгров с юга и юго-востока стала приходить в упадок²³.

Восточнофранкское государство, оказавшееся в состоянии тяжелого внутреннего кризиса²⁴, не смогло защитить свою Восточную марку, в состав которой входило Подунавье.

С занятия среднего Подунавья начался длительный процесс перехода венгров к оседлому образу жизни (на протяжении X в. на своей новой территории венгры еще продолжали передвижение). Очевидно, каждое племя имело свой район сезонных кочевок в рамках своей племенной территории²⁵. На рубеже IX—X вв. организация их достигла высшей стадии родового общества военной демократии. Союз семи венгерских племен и прикнувшее к ним хазарское племя кабар во главе с потомками их правителя Арпада стали предпринимать частые опустошительные набеги на Западную Европу²⁶, главной целью их была военная добыча: оружие, драгоценности, деньги, одежда, скот, невольники²⁷.

¹⁶ Важные сведения об этих городах содержатся в «Деяниях саксов» Видукинда Корвейского и в «Хронике» Титмара Мерзбургского. См. «Widukindi Corbeiensis Rerum Gestarum Saxoniarum. Libri tres». Ed. V. P. Hirsch-Lehmann. In: «Monumenta Germaniae historica. Sera scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum». Berlin — Leipzig, 1935 (далее — MGSS in us. schol.). Ниже сноски даются на русское издание: Видукинд Корвейский. Деяния саксов (далее — Видукинд), М., 1975. Новейшее издание Хроники Титмара см. «Kronika Thietmara». Wyd. M. I. Edlicki (далее — Титмар), Poznań, 1953 (см. указатель, стр. 627—652).

¹⁷ R. Holtzmann. Ibid., S. 88.

¹⁸ E. Müller-Mertens. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955, S. 63.

¹⁹ А. И. Неусыхин. Проблемы европейского феодализма, стр. 245.

²⁰ Об этом см. Г. Э. Санчук. Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального немецкого государства. В сб. «Славяно-германские литературные связи и отношения». М., 1969, стр. 241; Ср. ег о ж е. К вопросу об изучении идеологии немецкого «Дранг нах Остен» в раннефеодальный период. В сб. «Дранг нах Остен и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». М., 1967, стр. 59 и сл.

²¹ Об истории венгерских племен IX—X вв. и начале формирования Венгерского государства см. «История Венгрии». М., 1971, стр. 102; ср. I. Mácsek. Dějiny Mad'arů a uherského státu. Praha, 1934; Ср. I. Mácsek. Mad'ari a uherský stat. «Dějiny lidstva», d. III. Praha, 1937.

²² I. Havlík. Ibid., s. 251 nasl.

²³ Ibid., s. 277 nasl.

²⁴ H. I. Bartmus. Die Geburt des ersten deutschen Staates. Berlin, 1966.

²⁵ «История Венгрии», т. I, стр. 108.

²⁶ E. Lüttich. Ungarnzüge in Europa in X. Jahr. Berlin, 1910.

²⁷ G. Székely. Le rôle d'élément mogyar et slave dans la formation de l'Etat hongrois. В сб. «L'Europe aux IX—X siècles». Varsovie, 1968, p. 225—240.

В 907 г. венгры нанесли поражение баварскому войску у крепости на р. Дунай (близ современного г. Братислава). В 910 г. они разбили войско короля Людовика под Аугсбургом.

Генеральное наступление венгров на Баварию, а затем на Тюрингию и Саксонию изменило международное положение в Средней Европе и оказало непосредственное влияние на дальнейшее развитие германо-чешских отношений. Венгерская угроза, нависшая над Восточнофранкским государством при Конраде I (911—918), в значительной степени содействовала упадку этого государства; борьба с венгерской опасностью стала первостепенной задачей саксонской державы при Генрихе I (919—936) и Оттоне I (937—972)²⁸. Полабские славяне и раннефеодальное чешское государство, испытывая натиск германских феодалов, стали искать союза с венграми²⁹. Все это усложнило германо-чешские отношения.

Значение поселения венгерских племен в среднем Подунавье состоялось и в том, что венгры нанесли окончательный удар по Великоморавской державе, а это повело к постепенной ликвидации славянского поселения в Семиградье и Задунавье³⁰, а затем к включению словаков в венгерское государство³¹.

Славянское раннефеодальное общество и его материальная культура, хотя и не были полностью уничтожены (о чем свидетельствуют славянские погребения, а также славянские топонимы позднейшего времени)³² и даже оказали глубокое влияние на формирование раннего венгерского государства и венгерской народности³³, однако утверждение венгерских племен в Подунавье существенно препятствовало связи западных и южных славян и меняло этническую карту в этом районе.

Политический союз чехов и полабских славян против наступающих германских феодалов во главе с саксонской династией не смог, как показала последующая история, компенсировать той политической роли, которую играла в IX в. для западнославянских народов Великая Моравия.

Для германо-славянских отношений первой половины X в. большое значение имел быстрый рост славянских поселений на территории Чехии и Моравии.

Образование раннефеодального чешского государства в конце IX — начале X в. в бассейне рек Влтавы и верхней Эльбы было крупнейшим событием в жизни Средней Европы³⁴. Истоки чешской государственности, как и великоморавского государства восходят к рубежу VIII—IX вв. В результате развития феодального способа производства, образования раннефеодального общества и возникновения присущих ему социальных противоречий и внутрифеодальных конфликтов, — с одной стороны, в результате изменения международной обстановки (крушение Великоморавской державы и рост венгерской и германской опасности), с другой — на чешской территории взяла верх тенденция объединения: возникла раннефеодальная монархия. Чешское раннефеодальное государство возникло не на развалинах Великоморавской державы, а в результате внутренних

²⁸ Н. I. B a r t m u s s. Die Geburt..., S. 183; Ср. E. M ü l l e r - M e r t e n s. Das Zeitalter..., S. 64 ff. Основным источником здесь служат сообщения Видукинда. См. Видукинд, кн. I, гл. 32, стр. 144; кн. II, гл. 5, стр. 156.

²⁹ G. L a b u d a. Ibid., s. 248 nasl.

³⁰ L. H a v l í k. Ibid., s. 279.

³¹ «Dějiny Slovenska», d. I. Bratislava, 1961, s. 119 nasl; Ср. «Slovensko Dějiny Obzor», Bratislava, 1971, s. 217.

³² G. S z é k e l y. Ibid., p. 229.

³³ «Magyarország története». Budapest, 1968, 1 kiedaš.

³⁴ «Přehled Československých dějin», d. I. Praha, 1958, s. 72 nasl.

процессов, проходивших в самом чешском обществе³⁵. Распад Великой Моравии и усложнившиеся международные отношения в Центральной Европе конца IX — начала X в. имели при этом существенное значение для внешней политики молодого чешского государства.

К чешскому государству в определенной степени переходила та роль, которую играла в свое время Великая Моравия в Средней Европе. Во времена князя Святополка Великая Моравия, наряду с Русью и Болгарией была одной из великих славянских держав³⁶. Князь Великой Моравии правил как великий государь и власть его в IX в. простиралась над многими племенными княжествами, она была основана, как и власть некоторых раннефеодальных государей в Европе, на завоевании и гегемонии³⁷. В этом отношении у Великой Моравии были общие черты с Восточно-франкским государством, а затем с Саксонской державой. Источник X в. уподобляет моравского князя «императору»³⁸.

Великоморавская держава была преградой на пути экспансии Восточно-франкского государства в славянские земли. Политика моравских князей, особенно их проект моравского архиепископства, обострил отношения Моравии с главным герцогством Восточнофранкского государства — Баварией, особенно с баварскими епископами, которые считали территорию моравской архидиоцезии наиболее реальной сферой распространения своей власти. Выступая против славянского богослужения, баварский епископат в действительности стремился закрепить не только свою церковную власть, но и светскую власть восточнофранкских феодалов над славянскими областями, входившими в Великую Моравию. Об этом красноречиво свидетельствует письмо моравских епископов к папе Иоанну IX: «Отцы наши мечом подчинили моравских славян и по этому праву моравы должны быть у нас в подчинении, хотя бы они этого или нет»³⁹. Падение Великой Моравии имело большие последствия для судеб западного славянства и, в частности, для отношений Чехии с раннефеодальным германским государством: была нарушена целостность славянского поселения в среднем Подунавье, западные славяне оторваны от южных, нарушены экономические, политические и культурные отношения славян с Византией, в которой славянские народы искали опоры против растущего натиска восточнорейнских герцогств; прерван процесс образования единой великоморавской народности. Этническое развитие славянских племен пошло в другом направлении: самосознание народности стало развиваться отдельно у чехов и у словаков, а моравы оказались в сфере влияния чешского государства.

Уже во второй половине IX в., когда чешские земли входили в состав Великой Моравии, в их социально-экономической жизни наступил пере-

³⁵ О социально-экономических и внешних предпосылках образования раннефеодального чешского государства см. З. Н е е д л ы. Возникновение Чешского государства. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 75—125; Г. Э. С а н ч у к. Чешское раннефеодальное государство. «История Чехословакии», т. I. М., 1956, стр. 60—68; е г о ж е. Чешское феодальное государство до гуситских войн. «Преподавание истории в школе», 1957, № 5. Из монографических исследований данной проблемы особое значение имеют работы: Н. Ł o w m i á n i s k i. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953; G. L a b u d a. «Feudalism w Cechach i na Morawach. «Słownik starożytności słowiańskich», т. II, s. 18—25. В этой же статье см. полную библиографию вопроса (стр. 25).

³⁶ L. H a v l í k. Ibid., s. 228 nasl.

³⁷ M. B u l i n. Aax origines des formations étatiques des Slaves du moyen. Denube au IX siècle. В сб. «L'Europe au IX — X siècle», p. 149.

³⁸ «Život a umučení statého Václava a báby jeho sváte Ludmily od' Kristiana, mnicha kláštara Brevnovaského, sepsany latinský v letech 993—996 přeložil L. Ludvikovský. В сб. «Na usvitu Křest'anství». Praha, 1942, s. 107.

³⁹ См. «Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae», т. I, Ed. G. Friedrich. Praha, 1907, s. 31.

лом, обеспечивший консолидацию чешских земель, создавший возможность противостоять как политике последних представителей великоморавской династии Моймировцев, так и натиску германских феодалов, в частности, баварских. О быстром процессе консолидации племенных княжеств на территории Чехии дает представление сопоставление свидетельств источников того времени. Из фульдских анналов⁴⁰ мы узнаем, что в 845 г. в Регенсбурге приняли христианство 14 чешских князей. В 872 г. в этом же источнике названо только пять чешских князей, причем уже по имени⁴¹. А в 895 г. в Регенсбург к восточнофранкскому королю Арнульфу явились всего два князя: Спитигнев и Витизла, в котором историки видят известного чешского князя Вратислава (брата Спитигнева)⁴². Заключительный акт политической консолидации разыгрался значительно позднее — в 955 г. в Либихах был ликвидирован род Славников⁴³.

Для германо-славянских отношений начала X в. большое значение приобретала позиция Баварского герцогства, игравшего решающую роль во времена последних династий Восточнофранкского государства (при Арнульфе и Людовике Дитя). Чешское княжество во главе с династией Пржемыслидов повело борьбу с моравской династией Моймира⁴⁴. Спитигнев и Вратислав воспользовались падением власти великого моравского князя после смерти Святополка (894) и стали искать поддержки у Баварии. В 895 г. они прибыли к Арнульфу в Регенсбург и присягнули в верности Восточнофранкскому государству⁴⁵. В 897 г. Пржемыслиды вновь обратились за помощью к Баварии. Баварский герцог вел в то время борьбу с восточнофранкским королем. Он был заинтересован в укреплении позиции и поэтому пошел на союз с чешскими князьями против Моравии⁴⁶. В ходе наступления венгров восточная и юго-восточная часть Великой Моравии оказалась под властью венгров. Западной частью завладела чешская князь⁴⁷. Очевидно, в вознаграждение за присягу, данную чехами, Бавария продолжала оказывать поддержку чешским князьям. Спитигнев и Вратислав смогли стать преемниками моравского князя Святополка. Важным событием было подчинение Чехии Регенсбургскому епископству, наложившим свой отпечаток на германо-чешские отношения вплоть до 973 г. (когда было образовано Пражское епископство). При чешском князе Вратиславе (905—916) завершается переход власти от Великой Моравии к Чехии. Процесс этот начался еще при отце Вратислава — Боривое и нашел отражение в Житии X в.⁴⁸ Согласно преданию, архиепископ Мефодий сказал якобы Боривою при его крещении: «Станешь господином своих господ» (т. е. чешский князь станет господином Моравии)⁴⁹.

Вратислав стал играть уже значительную роль в Средней Европе. Он закрепил союз Чехии с Баварией⁵⁰ и повел войну с венграми, угрожавши-

⁴⁰ «Annales Fuldenses anno 845». Ed. Kürze. MGSS in us. schol. Hannover, 1891, p. 30.

⁴¹ «Annales Fuldenses anno 872», Ibid., p. 76.

⁴² Ibid., p. 126.

⁴³ К о з ъ м а П р а ж с к и й. Чешская хроника. М., 1962, кн. I, гл. 29, стр. 73.

⁴⁴ V. N o v o t n ý. České dějiny. Praha, 1913, d. I, s. 434 nasl.

⁴⁵ «Annales Fuldenses Anno 895», Ibid., p. 126.

⁴⁶ V. C h a l o u p e c k ý. Kniže svatý Václav. «Český časopis historický», r. XLVII, 1946, s. 15.

⁴⁷ L. H a v l í k. Ibid., s. 279.

⁴⁸ Житие известно под названием «Diffundente sole». (Датируется последним десятилетием X в. Оно посвящено Кириллу и Мефодию и бытовало в Чехии на чешском языке под названием «Kratké sepsání o sv. Cyrilovi a Metodějovi». В сб. «Na usvitu křest'anství», s. 99—100.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ G. L a b u d a. Fragmety dziejów..., s. 250—251. Cp. V. N o v o t n ý. České dějiny. Praha, 1913; d. I, 1, s. 434—435.

ми Чехии⁵¹ после распада Великой Моравии. Новым направлением в политике Вратислава было стремление закрепить позиции Чешского княжества с помощью союза с полабскими славянами. Этому способствовала женитьба Вратислава на представительнице племени стодорян — Драгомире⁵². Союз Чехии с полабскими славянами стал важным событием в международных отношениях Средней Европы: только на его основе Вратислав смог оказать давление на венгров и использовать сложившуюся обстановку против Саксонии, угрожавшей полабским славянам. Если ранее Вратислав выступал на стороне Баварии против венгров, то уже в 915 г. он поддерживает венгров против Саксонии. Правда, эта поддержка была в интересах Баварии — главной соперницы Саксонии⁵³, однако решающую роль в новой позиции должны были играть, конечно, интересы полабских славян, испытывавших натиск саксонских феодалов⁵⁴. К моменту образования раннефеодального германского государства (восшествие на престол Генриха I в 919 г.) чешское раннефеодальное государство занимало уже прочные внешнеполитические позиции. Самостоятельная внешняя политика чешского князя, его успешные акции по отношению к Моравии, венграм, Баварии и полабским славянам снискали ему авторитет сильного государя в Средней Европе. Современники нарекают его эпитетом «великий», «победоносный»⁵⁵. Чешское государство расширяет и укрепляет свои границы. Власть Вратислава I простиралась уже на часть Поодрья (о чем свидетельствует название города — Вратислава, позднее — г. Вроцлав), а к 914 г. и на Моравию⁵⁶.

Конец 10-х и 20-е гг. ознаменовались для Чехии борьбой за княжеский престол чешских феодалов с различной внешнеполитической ориентацией. Исход этой борьбы наложил отпечаток на характер германо-чешских отношений. Именно в это время происходит и становление гегемонии Саксонского герцогства в раннефеодальном германском (немецком) государстве⁵⁷.

После смерти Вратислава (916) по решению «чешских мужей» на чешский престол был возведен его старший сын Вацлав, тогда еще несовершеннолетний⁵⁸. Мать Вацлава — Драгомира — стремилась при Вацлаве продолжать политику своего покойного мужа. Верх взяла, однако, группа чешской знати, враждебная Драгомире. Эта группировка отстранила ее от власти и поручила воспитание Вацлава и регентство бабке Вацлава — Людмиле⁵⁹. Начавшаяся вражда и борьба двух группировок чешских феодалов в позднейших источниках (Житиях) отразилась как борьба христианства и язычества⁶⁰. И Драгомира и Людмила были христианками, поэтому для противопоставления их в религиозном плане нет оснований. В основе борьбы следует искать политические мотивы, о чем можно судить по отрывочным сведениям источников. После устранения Людмилы (убита в 920 г. в граде Тетин⁶¹) страной стала править Драгомира, причем есть основания полагать, что при ней союз Чехии с полабскими

⁵¹ Ср. Козьма Пражский. Чешская хроника, кн. I, гл. 14; стр. 57.

⁵² V. Novotný. Ibid., s. 450.

⁵³ H. I. Bartmuss. Die Geburt..., S. 210.

⁵⁴ G. Labuda. Fragmenty dziejów..., s. 248.

⁵⁵ L. Havlík. Ibid., s. 286 (см. указание на источники).

⁵⁶ V. Chaloupěcký. Prameny X století. «Svatovavřlavský sborník», d. II, 2. Praha, 1929, s. 61—62, 202.

⁵⁷ «Deutsche Geschichte». Bd. I. Berlin, 1962. Ср. А. И. Неусыхин. Проблемы европейского феодализма, стр. 239 и сл.

⁵⁸ «První stárolavanská legenda o sv. Vavřlavu». В сб. «Na usvitu křest'anství», s. 69.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ V. Chaloupěcký. Kniže svatý Václav, s. 20.

⁶¹ «Fuit in provincia Boemorum». В сб. «Na usvitu křest'anství», s. 62.

славянами был усилен и полабы продолжали получать поддержку Чехии в борьбе против саксонских феодалов⁶². Упомянув о славянах, «подвластных Оттону, великому королю Франкии и Саксии», Константин Парфигородный говорит, что славяне эти «остаются нехристиами», вступая в родственные связи и дружеские отношения с турками»⁶³ (под турками имеются в виду венгры). Можно полагать, что эту политику, в числе других славян, разделяли и чехи, что было в интересах полабских славян, так как венгры за предоставление им прохода через Чехию и за дружественное отношение не подвергали их разорению. Убийство Людмилы, надо полагать, было продиктовано стремлением закрепить прославянскую политику Вратислава при Вацлаве. Группировка Людмилы, однако, продолжала действовать и после ее гибели, пытаясь отстранить от власти Драгомиру. С этой целью на княжеский престол был возведен Вацлав (922—936?). Партия Драгомиры организовала заговор против него. Однако заговор был раскрыт, Драгомиру заточили в замок Будеч, а ее приверженцев подвергли репрессиям⁶⁴. Во внешней политике Чехии произошли изменения, чему способствовали также и изменения международной обстановки в Средней Европе в связи с борьбой Баварии и Саксонии за гегемонию в раннефеодальном германском государстве.

Политика баварского герцога Арнульфа (907—937) была резко антисаксонской. В противовес коронации саксонского герцога Генриха I королем баварцы избрали антикоролем Арнульфа (920 г.)⁶⁵. Хотя Арнульф и вынужден был отказаться от претензий на королевскую корону и Саксония утвердилась в роли гегемона восточнорейнских герцогств⁶⁶, тем не менее Бавария продолжала оставаться ареной антисаксонской оппозиции и заговоров⁶⁷. В борьбе против Саксонии баварские феодалы искали союза с венграми, поэтому прежние враждебные баваро-венгерские отношения после битвы у Инна (913) сменяются дружественными⁶⁸, что было закреплено женитьбой Арнульфа на венгерской принцессе. За свою поддержку баварского герцога венгры получили право беспрепятственного прохода через Баварию, что они использовали для своих выступлений против Саксонии и Тюрингии⁶⁹. Саксонский король Оттон I (936—973 гг.) сумел лишь на время (948—955 гг.) расстроить опасную баварско-венгерскую коалицию. Свои позиции Бавария стремилась усилить с помощью Чехии. Еще со времен присяги чешских князей в 895 г. баварский герцог стремился получить от восточнофранкского короля право фактического надзора за Чехией, чтобы затем выдвинуть претензии на власть над Чехией. Внешняя политика первых чешских князей, как мы видели, этому благоприятствовала.

О претензиях Баварии свидетельствует одна из грамот Арнульфа Баварского, в которой он назван «герцогом Баварии и прилегающей области» (имеется в виду Чехия)⁷⁰. Отец Арнульфа в другой грамоте назван даже «герцогом чехов» (*dux Boemorum*)⁷¹. Борьба враждебных феодальных

⁶² См. Козьма Пражский Чешская хроника, кн. I, гл. 15, стр. 58.

⁶³ «Constantine Parphyrogenetes. De administrando imperio». Ed. G. Morvcsik. Budapest. 1949, p. 142.

⁶⁴ В сб. «Na usvitu křest'anství», s. 69.

⁶⁵ «Annales Iuvanenses maxim». Ed. H. Breslau. MGSS in us. schol., XXX, p. 742.

⁶⁶ Н. I. B a r t m u s s. Ibid., S. 224 ff.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ R. H o l t z m a n n. Ibid., s 62.

⁶⁹ V. C h a l o u p e c k ý. Kniže statý Václav, s. 25 (см. указание на источники).

⁷⁰ Грамота относится ко времени 908—926. О ее датировке см. R i e z l e r. Geschichte Bayerns. Bd. I. Gotha, S. 314. Cp. V. C h a l o u p e c k ý. Kniže svatý Václav, s. 24.

⁷¹ Cp. V. C h a l o u p e c k ý. Kniže svatý Václav, s. 24.—

группировок в Чехии (партий Драгомиры и Людмилы) содействовала активизации политики Баварии по отношению к Чехии, тем более, что обострение борьбы за королевский престол в самой Германии ⁷² вынуждало Баварию укреплять свои позиции в Чехии. Именно этими соображениями и был, очевидно, продиктован поход Арнульфа Баварского против Чехии в 922 г. ⁷³, тем более, что активизация Саксонии (в 921 г. саксонский герцог Генрих I выступил против полабских славян ⁷⁴, а в 922 г. — против племени мильчан и подчинил их ⁷⁵) требовала укрепления Баварии в Чехии, союзником которой оставались полабы. Из племени мильчан происходила бабка Вацлава — Людмила. Видно, Арнульф Баварский рассчитывал опереться на приверженцев Людмилы в Чехии, поскольку они сыграли большую роль в возведении на престол Вацлава, воспитанного ею ⁷⁶. Поход Арнульфа Баварского, однако, не увенчался успехом.

В середине 20-х годов Саксония оказалась в трудной для нее международной обстановке из-за создания сильной антисаксонской коалиции, в которую входили: Бавария, Чехия, полабские славяне и венгры. Между ними были противоречия, но их объединяла антисаксонская платформа. Наиболее опасным звеном в этой коалиции становилась Чехия. Однако для решительной борьбы с ней саксонский герцог нуждался в концентрации сил. Заключение девятилетнего перемирия Генриха I с венграми ⁷⁷ укрепило Саксонскую державу ⁷⁸. Была одержана победа над стодорянами и сорбами, взяты их главные города — Бранибор и Гану (929) ⁷⁹.

Лишь после этого Генрих I смог выступить против Чехии. В 929 г. состоялся поход на Прагу, о чем имеется известное сообщение Видукинда ⁸⁰. Другой источник говорит, что в походе Генриха I против Чехии принял участие баварский герцог Арнульф ⁸¹. Это стало возможным в результате успешной политики Генриха I в отношении других герцогов, что обеспечило диктат и гегемонию Саксонии ⁸². Сообщение Видукинда о походе Генриха I на Прагу в 929 г. имеет нечеткую редакцию, что послужило поводом для различных гипотез ⁸³. Убедительна интерпретация историкомедиеведческого анализа этого текста современными чешскими и польскими медиевистами.

Соответствующий текст Хроники Видукинда получает смысл только при следующем прочтении: после похода на полабских славян Генрих I подошел к Праге, где ему подчинился чешский князь Вацлав. Наложив на чехов дань, Генрих I вернулся в Саксонию ⁸⁴.

Поясняя, что Вацлав был братом известного хронисту чешского князя Болеслава (который правил вслед за Вацлавом), Видукинд писал, что пока князь Вацлав был жив, он сохранял верность Гернику I. Об этом сви-

⁷² H. J. Bartmuss. Ibid., s. 210. ср. «Deutsche Geschichte», В. I, S. 127.

⁷³ «Annales Ratisbonensis». MGSS in us. schol., XVII, p. 583. Сводку сообщений анналов об этом походе см. V. Novotný. Ibid., d. I, zes 1. s. 454.

⁷⁴ «Continuator Reginoni ad anno 921». MGSS in us. schol., t. XVII.

⁷⁵ Титмар, кн. I, гл. 16, стр. 24.

⁷⁶ В сб. «Na usvitu křest'anství», s. 142.

⁷⁷ Видукинд, кн. I, гл. 32, стр. 144.

⁷⁸ R. Holtzmann. Ibid., s. 67 ff.

⁷⁹ О сопоставлении источников по этому вопросу и датировке событий см.

G. Labuda. Fragmenty dziejów, s. 252—253.

⁸⁰ См. подробнее: Видукинд, кн. I, гл. 35, стр. 147.

⁸¹ «Annales Ratisponenses». MGSS in us. schol., t. XVII.

⁸² Г. Э. Санчук. Политические взгляды Видукинда Корвейского. В сб. «Исследования по славяно-германским отношениям». М., 1971, стр. 269 и сл.

⁸³ Указание на литературу, в которой интерпретировался приведенный текст из «Деяний саксов» Видукинда, см. Z. Fiala. Vstah českého státu k Německé říši do poč. XIII století. В кн. «Slovník historický», Praha, 1959, s. 48.

⁸⁴ Z. Fiala. Ibid., s. 48. Особенно убедительно такой перевод аргументировал польский медиевист Г. Лабуда. G. Labuda. Fragmenty dziejów..., s. 256—258.

детельствует и «Житие и мученичество св. Вацлава и его бабки св. Людмилы», написанные Кристианом⁸⁵.

Отход Чехии от Баварии и зависимость ее от Саксонии привели к тому, что в стране стали почитать не баварского патрона Иммерама, а саксонского патрона Вита. В Житии св. Вацлава говорится о посещении Вацлавом двора Генриха I, который пожаловал ему реликвии св. Вита. Правда, Житие относится к XIII в., однако о достоверности этого сообщения свидетельствует тот факт, что выстроенная при Вацлаве церковь в Пражском граде была посвящена св. Виту⁸⁶.

Получение реликвий св. Вита Вацлавом от Генриха I связывалось в представлениях современников, очевидно, с усилением покровительства Саксонии и с ростом политической роли Чехии в международных отношениях, поскольку за обретением реликвий св. Вита следовало, по традиции, укрепление власти государя⁸⁷.

Поскольку Видукинд⁸⁸ впервые сообщает об установлении зависимости Чехии от раннефеодального германского государства, то следует уточнить, в чем состояла эта зависимость, как она была связана с каролингской традицией и каковы были ее последствия для чешско-германских отношений. Реальное содержание установленной подати не уточняется. Из другого источника известно, что во времена Франской империи на Чехию была наложена дань 500 гривен и 120 валов⁸⁹. На этом основании Ф. Палацкий сделал в свое время заключение, что Чехия со времен франкского государства вплоть до образования Саксонской державы Генриха I продолжала вносить дань в том виде, о котором говорит Козьма.

Для такого заключения источники не дают оснований — в них ничего не говорится о том, как соотносилась дань, установленная при Генрихе I, с данью, которую платили чехи франкам. Не сообщается и в чем выразилась зависимость Чехии от франков (Баварии), когда в 895 г. чешские князья Спитигнев и Вратислав, присягнули в Регенсбурге Баварии (т. е. Восточнофранкскому государству). Если присяга 895 г. и сопровождалась уплатой дани, то по условиям того времени это была лишь компенсация (выкуп) за освобождение Чехии от того урона, который могла бы ей нанести Бавария (т. е. это была своего рода плата за мир *tributum pacis*)⁹⁰.

Но даже если такая дань и была связана с присягой чешских князей, то, во-первых, она ничего общего не имела с данью франкам, о которой говорит Козьма Пражский, а, во-вторых, она не могла сохраниться в момент распада Восточнофранкского государства при Людовике Дитя (900—911). Выплата дани, в каком бы виде она ни была, должна была прекратиться, а следовательно, при установлении зависимости Чехии от Саксонии при Вацлаве I не могло быть преемственности. Кроме того, при Вацлаве I Чехия попала в зависимость от Саксонии после военного похода Генриха I на Прагу⁹¹, и поэтому установленную дань можно рассматривать только как плату за гарантию мира в дальнейшем. Видукинд говорит, что Вацлав оставался Генриху I «не только верным, но и полезным» (*imperatoris fidelis et utilis ma sit*)⁹². Генрих I должен был, видимо, компенсировать пользу, получаемую от Чехии⁹³.

⁸⁵ Život a umuceni svatého Václava a báby jeho svate Ludmý od Kristiana. В сб. «Na usvitu křesťanství», s. 120.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Видукинд, кн. I, гл. 33, стр. 144; гл. 34, стр. 145.

⁸⁸ Там же, кн. I, гл. 35, стр. 147.

⁸⁹ К о з ь м а П р а ж с к и й Чешская хроника, кн. II, гл. 8, стр. 113.

⁹⁰ См. V. V a n ě ě k. Stát Přemysloveů a středověká říše. Praha, 1945, s. 41.

⁹¹ На это обратил внимание З. Фиала (Z. F i a l a. Ibid., s. 48).

⁹² Видукинд, кн. I, гл. 35, стр. 142.

⁹³ V. C h a l o u p e s k ý. Kniže svatý Václav, s. 27.

Поэтому более правы исследователи, которые считают, что отношение Чехии к раннефеодальному германскому государству (во главе которого была Саксония) следует скорее уподобить чешско-германскому союзу и исключить одностороннюю зависимость Чехии от Германии⁹⁴. Надо при этом учитывать и тот факт, что внешнеполитическая ориентация Чехии, как мы видели, менялась. Ориентация на Саксонию (как ранее на Баварию) не была прочной и зависела не от Саксонии, а от соотношения внутренних сил в самой Чехии. Группировке, ориентирующейся на Саксонию (эту группировку возглавлял Вацлав), противостояла, как видно из источников, группировка во главе с Болеславом (братом Вацлава). В результате заговора Вацлав был убит (в 929 г., по другим данным в 936 г.). Положение осложнялось тем, что против чешского князя выступил сильный зличанский князь, нашедший поддержку в Саксонии⁹⁵. В этой ситуации Болеслав I, ставший во главе Чехии, возобновил союз с полабскими славянами (стодорянами и мильчанами), создав тем самым еще большую угрозу для Саксонии. Генрих I в свою очередь усилил наступление на ободритов и ротарей и частично подчинил их. Вскоре ротари и другие племена лютицкого союза восстали⁹⁶, и только после битвы у Ленцена⁹⁷ удалось восстановить полную зависимость большинства полабских племен от Саксонии. После этого Генриху I удалось обложить данью укров (восточное племя лютичей). Полабские славяне воспользовались затем сменой саксонских королей в 936 г. и в первый же год правления нового короля — Оттона I восстали против саксов. Во главе восстания стало племя ротарей⁹⁸.

Выступления полабских славян укрепляли позиции Чехии. Болеслав I воспользовался затруднениями нового саксонского короля Оттона I — союзника зличанского князя и нанес решительный удар по сепаратистскому центру: Зличанский град (Старый Коуржим) был сравнен с землей⁹⁹. Массовые выступления полабских славян против Саксонцев дали возможность Болеславу I активно противостоять попыткам Саксонии удержать Чехию в зависимости от германского государства. Только неспособностью Саксонии открыто выступить против Чехии можно объяснить поддержку саксами одного из племен¹⁰⁰, боровшегося против чешского князя.

После того как Болеслав I разбил мерзебургцев и уничтожил резиденцию «подкороля» (936) Чехия в течение 14 лет оказывала вооруженное сопротивление Германии¹⁰¹. Болеслав I отказался от просаксонской политики Вацлава I. Ни о каких податных отношениях Чехии и Германии в этот период уже не могло быть речи. Одновременно с началом многолетней германо-чешской войны (в 936 или 937 г.) начались военные действия Саксонии против полабославян.

Чехия сумела добиться независимости от Германии и стала играть выдающуюся роль в международных отношениях.

⁹⁴ Z. Fiala. Ibid., s. 48.

⁹⁵ Видукинд, кн. II, гл. 3, стр. 155.

⁹⁶ G. Labuda. Fragmenty dziejów, s. 259.

⁹⁷ Видукинд, кн. I, гл. 36, стр. 47. Битва у Ленцена, датировку которой Видукинд не дает, произошла в 929 г., о чем можно судить на основании сообщения анналов. См. «Annales Corbeiensis anno 292», MGSS, t. IV.

⁹⁸ Видукинд, кн. II, гл. 3, стр. 147. К вопросу о хронологии излагаемых у хрониста событий см. G. Labuda. Fragmenty dziejów, s. 270.

⁹⁹ Видукинд, кн. II, гл. 3, стр. 166. Об уничтожении центра Зличанского «племени» см. M. Šolc. Knižecí pohřebiště ve Staré Kouřimi. В сб. «Památky archeologické». Roč. L., č. 2. Praha, 1959, s. 480—484.

¹⁰⁰ Подробнее о мятежном племени см. I. V. Šimáková. Vicinus subregulus, r. 936. «Český časopis historický», 1921, № 27, s. 413 nasl.

¹⁰¹ V. Novotný. Ibid., d. I, zeš. 1, s. 484.

РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВУКА КАРАДЖИЧА — ПАМЯТНИК ДУБРОВНИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Среди книг Вука Караджича, хранящихся в Библиотеке Академии наук (Ленинград), находился рукописный сборник под инв. № 75127 (указан нам Л. И. Киселевой), переданный в настоящее время в Отдел рукописей (шифр — Q № 565). Сборник насчитывает 256 нумерованных страниц, из них 245 страниц хорватского текста, написанного в два столбца черными чернилами. На картонном переплете, обклеенном бумагой XVIII в., чернилами же, но другой рукой, обозначено название: «Pjesni razlike». Орфография сборника обычна для памятников далматинской литературы XVII—XVIII вв.: звуки хорватского языка передаются посредством итальянского алфавита (c—z; č—ch, chj; ċ — c, cc, cj; g — gh; d — dj, dh, dhj, gh; š — sc, scj; z — s; ž — sc, scj; lj — gli, glj; nj — gn); согласные b, d, f, g, l, t, z в положении между гласными часто удваиваются (nebbo, cuddo, neggo, uffagna, milla, etto, ozza); существительные часто пишутся с заглавной буквы; глагольные формы se, su пишутся слитно с предыдущим словом. Долгота гласной в конце слова обозначается иногда знаком ^ или прибавлением j. В дальнейшем, соблюдая в точности все языковые особенности подлинника, мы воспроизводим его, пользуясь современным латинским алфавитом сербскохорватского языка, как это принято в югославских научных изданиях дубровницкой литературы¹.

На обороте первого листа (ненумерованного) выписаны названия разделов сборника, не вполне точно, как увидим, отражающие действительное его содержание:

Ovdi se uzdaržu (sic! — В. Г.) sljedeća, tojes:	
Pjesni razlike Nika Barnje di Giorgi na listu	1
Početak parvogo Lib[ra] od Eneide po istomu	175
Početak Tragedie od Judite po istomu	189
Pjesni razlike Petra Kanavelića	203
Koronica Imena B. Djevice Marie po istomu	225
Skup začinaka po istomu	239

На титульный лист (стр. 1) вынесено название, относящееся по существу не ко всему сборнику, а лишь к той его части, которая содержит

¹ В настоящей статье мы ограничимся анализом состава сборника, с тем чтобы определить его место среди известных аналогичных рукописных сборников, оставляя в стороне текстологический анализ отдельных произведений, что могло бы быть предметом иной статьи.

стихотворения дубровницкого поэта Игњята Джорджича (1675—1735). Название сохраняет имя автора, какое он носил до пострижения в монахи, — Николай: «Pjesni Razlike složene po gosp[odin]u Niku Barnje di Giorgi Vlastelinu Dubrovačkomu» (Barnje — Бернад, имя отца Джорджича).

Вслед за большим разделом, не имеющим особого названия (стр. 3—74) и открывающимся стихотворным обращением к читателю, помещены элоги Джорджича — «Ekloge aliti Razgovori Pastjerski složene po istomu Pjesniku» (стр. 74—121) и цикл стихотворений, названный поэтом «Различные случаи несчастной любви» — «Razlike zgođe nesrečne Ljubavi složene po istomu Piensniku» (стр. 122—151).

За этими тремя разделами, к которым, собственно, и относится титульное название сборника, следуют два раздела анонимных, по представлению составителя, стихотворений: «Попевки, неизвестно кем сложенные» — «Pjesni Razlike, aliti Popjevke koje ne zna se po komu se bile složene» (стр. 151—166) и песенки, исполняемые на пиру, или «зачинки» — «Pjesni Pirne, aliti Začinke, koje bi običaj začinjati u Dubrovniku svakom Selu, i Nevjesti, i koje su priprosto spjevane za bit razumjene od svakoga»² (стр. 167—174).

После этих двух разделов снова помещены три разных произведения Джорджича с обозначением имени автора: стихотворение «Против ненавистника» — «Pjesan G. Nika Barnje Giorgi. Suprot Nenauidniku» (стр. 174—175), перевод части первой книги «Энеиды» Вергилия (стр. 176—186) и начало незавершенной автором трагедии «Judita» (стр. 189—199).

Вторую, меньшую часть сборника составили произведения другого дубровницкого поэта, старшего современника Джорджича, корчулянца по происхождению — Петара Канавеловича (1637—1719): различные стихотворения — «Pjesni Razlike Gosp[odina] Petra Kanavelovića vlastelina od Korčule» (стр. 203—226), «Paraphrasis in Salutationem Nominis Vm̃e Dei Genitvias Mariae...» (стр. 227—238) и собрание его песенок, распроспраненных в Дубровнике, — «Skup Začinaka rasparčanih po Dubrovniku a skladebih po Gosp[odin]u Petru Kanaveli Vlastelinu Korčuljanskomu» (стр. 239—249).

Таков состав сборника в целом.

Прежде чем анализировать его, необходимо сказать несколько слов об авторах произведений, в него входящих. Оба они — типичные представители последнего периода в истории хорватской литературы барокко, члены Дубровницкой академии (Akademija Ispraznih)³.

Канавелович (Канавелич) — автор лирических любовных стихотворений, поэмы «О святом Иване, трогирском епископе», написанной в стиле Тассо и Гундулича, нескольких драматических произведений («Muka Jzkrstova», «Andro Stitekica») и переводов с итальянского.

Игњят (Игнацио) Джорджич (Джурджевич) — особенно значительная фигура, автор многочисленных литературных и исторических сочинений в прозе и стихах, писал на латинском, итальянском и хорватском языках. Как лирик он завершает ту традицию в дубровницкой литературе, которая была заложена во второй половине XV в. Шишмундо Менчетичем и

² Začinka — песенка, začinjati — петь. См. «Runje i pahuljice. Pjesni ponajvječe Dubrovačke». Skupio ih Fran Kurelac. Zagreb, 1866—1868, s. 118; «Народне pjesme iz starijih najviše приморских записа». Skupio и на свијет издао В. Богшић. Књ. I. Београд, 1878, стр. 364.

³ См. М. Комбол. Povijst hrvatske književnosti do narodnog preporoda. Zagreb, 1961, s. 293—296, 307—322; «Zbornik stihova XVII stoljeća». Priredio R. Bogišić. Zagreb, 1967, s. 239—251 (там же см. библиографию); R. Богшић. О хорватским старим pjesnicima. Zagreb, 1968, s. 345—368; «Zbornik otoka Korčule», sv. 3. Korčula, 1973.

Джоре Држичем, а особенно ярко проявилась в творчестве выдающегося поэта Дживо Бунича-Вучича (1591—1658), автора анакреонтических стихов. Большую часть своих лирических произведений Джорджич написал в юности, до 23 лет, когда вследствие несчастной любви он покинул Дубровник и уехал в Рим (1697), где постригся в монахи и вступил в иезуитский орден. Возвратившись спустя семь лет в Дубровник и перейдя из ордена иезуитов в бенедиктинцы, был монахом и аббатом в монастыре св. Якова, аббатом на о. Млет, дважды уезжал в Италию, в конце жизни снова возвратился в Дубровник.

Перу Джорджича кроме любовной лирики принадлежат «баллады» по мотивам Боккаччо, переводы из Овидия и Ариосто. По образцу «Дервиша» дубровнического поэта первой трети XVII в. Стиепо Джорджича он написал шуточную поэму «Suze Magunkove» (1724), а подражая Гундуличу — цикл на модную тогда тему о жизни евангельской Марии Магдалины — «Uzdasi Mandalijene pokornice». Едва ли не самым значительным его произведением было переложение всех Давидовых псалмов — «Saltijer slovinski». Только два последних литературных произведения изданы при жизни поэта, первое — в 1728 г., второе — в 1729 г. Из своей лирики он сам напечатал лишь немногие, преимущественно религиозные стихотворения (всего — 48) в приложении к изданию «Uzdasi Mandalijene».

В связи с рассматриваемым сборником нас интересует в первую очередь лирика Джорджича. Дважды Джорджич засвидетельствовал, что большую часть своих любовных стихотворений он уничтожил перед первым отъездом из Дубровника. В предисловии к «Uzdasi Mandalijene», предуведомляя читателя о включенных им в книгу своих стихотворениях, автор писал: «В юности я сложил их гораздо больше, но идя в Рим <...> сжег все, что было при мне, однако <...> многие, сохранившиеся в чужих руках <...> и собранные другими в пучок (u kitu) ходят <...> по рукам с надписью: «Razlicijeh pjesni Nika Brnje Džordži vlastelina dubrovačkoga...»⁴. То же самое Джорджич повторил в стихотворении «Разумному читателю».

Издатель и исследователь произведений Джорджича М. Решетар подверг сомнению точность и искренность этого признания⁵ и, анализируя один из рукописных сборников, установил, что он был авторизован самим поэтом (некоторые тексты были исправлены его рукой, а некоторые изъяты). Решетар предположил, что Джорджич сам составил сборник своих юношеских стихов, дополнив позже некоторыми новыми, написанными по возвращении в Дубровник. Ссылаясь на одно сохранившееся письмо Наталича Алетича от 25 апреля 1716 г., Решетар приходит к выводу, что Джорджич первоначально, «в конце 1715 или в начале 1716 г. составил малый сборник „Pjesni razlike“, может быть лишь „Ljuvene Pjesni“ (первая часть полного собрания стихотворений поэта.— В. Г.), а лишь позднее <...>, может быть, в 1720 г. дополнил сборник, прибавив и новые стихи и целые новые группы стихов»⁶.

Полный, или «большой», рукописный сборник «Pjesni razlike» составлен, по Решетару, из трех малых рукописей: первая содержала любовные песни, эклоги, цикл «Различные случаи несчастной любви», стихи религиозного содержания; вторая рукопись объединяла «пирные» песенки и «попевки» под игру на смычковом инструменте («Porjevke za gudke»);

⁴ Цит. по: I. Đurđević. Pjesni razlike. Uzdasi Mandalijene pokornice. Saltijer slovinski. Priredio Franjo Svec. Zagreb, 1971, s. 261.

⁵ M. Rešetar. Život i rad Inacija Goržić (Đurđevića). В кн. Diela Ignacija Goržić (Ignata Đorđića). Za štampu priredio M. Rešetar. Knj. II(2). Zagreb, 1926, s. LXXII.

⁶ Ibid., s. LXXIV.

наконец, в качестве третьей части Джорджич включил рукопись переработанных им переводов Шимуна Златарича⁷.

Произведения Джорджича по названному «большому» рукописному сборнику, принадлежавшему тогда дубровницкому адвокату и писателю А. Казначичу, были изданы впервые Людевитом Гаем с предисловием Антуна Мажуранича⁸.

Позже Ф. Курелац издал по другой рукописи 11 песен («Začinaka»), где они обозначены именем Джорджича, из которых три (4, 7, 8) имеют соответствие в рукописи из Архиепископской библиотеки (поэтому в издании Л. Гая они оказались не в основной части, а в разделе «Dodatak», № 3, 4, 14)⁹.

Наиболее полным изданием произведений Джорджича, написанных на хорватском языке, являются три тома, вышедшие в Загребе в серии «Stari pisci hrvatski» (подготовлены к печати М. Решетаром): первый том содержит все стихотворения, включенные в авторизованный Джорджичем большой рукописный сборник, и некоторые другие¹⁰, второй том (в двух книгах) целиком заполнил «Saltijer slovinski»¹¹. Новейшим изданием является книга избранных произведений Джорджича, вышедшая в свет в юбилейной серии «Pet stoljeća hrvatske književnosti»¹².

Когда же был составлен рукописный сборник из библиотеки Караджича и как он соотносится с названными публикациями произведений Джорджича и с другими рукописными сборниками его произведений?

На титульном листе сборника то же характерное название, которое приводит Джорджич в цитированном предисловии к «Uzdasi Mandalijene», и, следовательно, он является одним из тех сборников, которые распространялись в Дубровнике при жизни поэта. Открывается сборник обращением автора к читателю «Razumnoj čitocu pjesan», совпадающим с опубликованным текстом.

Поскольку это обращение было предпослано Джорджичем к сборнику его стихотворений, составленному им самим или авторизованному им, то, следовательно, рассматриваемый сборник не мог появиться раньше «малого» сборника. Вместе с тем он не мог быть составлен позже 1720 г., когда появился «большой» сборник, как это будет ясно из последующего анализа. Что же касается времени создания самих произведений, вошедших в сборник, то большая часть их относится к раннему периоду творчества поэта, т. е. к концу XVIII в., а несколько стихотворений (песни, исполнявшиеся на пиру дубровчан, названных здесь поименно) датируются 1705, 1707 и 1708 годами¹³.

В сборнике отсутствует название первого раздела — «Ljuvene pjesni», встречающееся в некоторых других рукописных сборниках, а сам раздел содержит не 53, а 39 стихотворений. Количество эклог на одну меньше, чем в «большом» сборнике (а именно — 7), состав раздела «Razlike zgodje» совпадает с опубликованной Гаем и Решетаром рукописью (9). Песен

⁷ Ibid., s. LXXIV. Шимун Златарич — сын более известного поэта Доминика Златарича.

⁸ I. G j o r g j i ć. Pjesni razlike. Izdate po D-ru Ljudevitu Gaju, Zagreb, 1855.

⁹ «Runje i pahuljice. Pjesni ponajveć Dubrovačke», s. 43—52. В действительности часть этих песен принадлежит Канавеловичу (см. «Zbornik stihova XVII stoljeća», s. 239).

¹⁰ «Djela Ignácija Gorgi (Ignáta Đorđića)». Knj. I. Pjesni razlike i Uzdasi Mandalijene pokornice. Zagreb, 1948. Некоторые произведения Решетар ошибочно приписал Джорджичу.

¹¹ «Djela Ignácija Gorgi (Ignáta Đorđića)». Za štampu priredio M. Rešetar. Knj. II(1), Zagreb, 1922; knj. II(2), Zagreb, 1926.

¹² I. Đurđević. Pjesni razlike.

¹³ См. M. Rešetar. Ibid., s. LXXVI.

(«Pjesni pirne, aliti začinke») в сборнике 15, т. е. на три больше, чем в соответствующем разделе в изданиях Гая и Решетара, но это объясняется тем, что в «большом» сборнике они оказались в разделе «Ljuvene pjesni». Между тем по жанровой природе и функции они относятся именно к «пирным песням», и составитель рассматриваемого сборника «исправил» неточность составителя авторизованного Джорджичем сборника (или недосмотр самого Джорджича).

Характерной и отличительной особенностью описываемого сборника является то, что «пирные» песни («Začinke») не связываются с именем Джорджича, а, напротив, выделяются из его творчества и воспринимаются как бытовые песенки, о которых сказано, что «был обычай петь их в Дубровнике на каждой вечеринке (sélo) или невесте» в различные моменты свадьбы, они «пелись очень просто» и были «понятны каждому». В сборнике обстоятельно и точно указаны случаи и поводы, когда исполнялись эти песенки: «Za oca i matere kćere u večer od udadbe», т. е. отцу и матери невесты в свадебный вечер; «Za oca i za matere kćere kad zet dođe u kuću», т. е. отцу и матери невесты, когда зять придет в дом; «Bratučedce kad Zet dođe u kuću», т. е. двоюродной сестре по отцу, когда зять придет в дом; «Za oca i za matere kćeri sutradan po piru», т. е. отцу и матери невесты на следующий день после свадьбы и т. п.

Другой отличительной особенностью рассматриваемого сборника является наличие большого раздела из 15 стихотворений, или «попевок», авторство которых составителю, как он сам признается, не было известно («nezna se po komu bile složene»). Рассмотрение состава этого раздела и сличение его с «большим», авторизованным Джорджичем сборником позволяет сделать следующее наблюдение. Некоторые из этих песен, хотя и с разночтениями, содержатся в разных разделах авторизованного Джорджичем сборника: первая из них, о смерти Марка Кралевича, включена там в раздел первый (в издании Гая № 23, у Решетара — № 27); «попевки» 2, 3, 4, 5, 15 соответствуют пяти песням, составившим в «большом» сборнике раздел «Za gudke», но в иной последовательности (у Гая соответственно № 4, 3, 1, 2, 5, у Решетара — № 108, 107, 105, 106, 109). «Попевки» 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14 отсутствуют в «большом» сборнике, но соответствуют текстам в сборнике Архиепископской библиотеки, из которого Гай составил «Dodatak» в своем издании (соответственно № 15, 14, 7, 10, 6, 3, 4). Следовательно, стихотворения, составившие в рассматриваемом рукописном сборнике раздел анонимных «попевок», либо фактически также принадлежали Джорджичу, либо приписывались ему позднее.

Хотя сборник составлялся человеком, хорошо знавшим о принадлежности Джорджичу других произведений, характерно, что именно «зачинки» и «попевки» безоговорочно выделены им в качестве анонимных. Это не случайно, и позволяет убедиться не только в особом месте этих произведений в творчестве Джорджича (все они в большей или меньшей мере связаны с народной традицией, а некоторые из них даже стилистически — с народными песнями)¹⁴, но и в особом восприятии их современниками, в особом положении их в быту дубровчан. Независимо от того, действительно ли они принадлежали Джорджичу или только связывались с его именем, распространялись они в Дубровнике как анонимные произведения и были особенно популярны, поскольку отличались от других стихотворений Джорджича своей жанровой, именно — песенной, природой и бытовали не только как стихи, но и в качестве собственно песен, что

¹⁴ См. об этом: M. Rešetar. Ibid., s. LXXVIII—LXXIX; M. Kombol. Ibid., s. 310; F. Svelc. Ibid., s. 22—23.

подтверждается их наименованиями («попевки», «зачинки») и цитировавшимися примечаниями составителя. В этом состоит основное научное значение сборника из библиотеки Караджича, что позволяет по-новому взглянуть на судьбу произведений Джорджича.

Принимая во внимание все сказанное и основываясь на гипотезе Решетара о двух сборниках, составленных самим Джорджичем (или авторизованных им), мы приходим к выводу, что, во-первых, рассматриваемый «малый» и «большой» сборники ни по составу, ни по композиции и что, во-вторых, составлялся он независимо от этих двух сборников и предшествовал «большому» сборнику (иначе авторство многих произведений, содержащихся и в последнем, составителю было бы известно).

Какое же место сборник, принадлежавший Караджичу, занимает среди других рукописных сборников с произведениями Джорджича? М. Решетар во введении к первому тому сочинений поэта составил обстоятельное описание 26 аналогичных рукописных сборников и 30 рукописей, в которых встречаются отдельные произведения Джорджича¹⁵. Сопоставляя рассматриваемый сборник с этим описанием, нетрудно заметить, что он принадлежит к одному из двух типов, обозначенному Решетаром как группа АВТ, т. е. к типу, представленному прежде всего «большим» авторизованным Джорджичем сборником его произведений. В этой группе рассматриваемый сборник принадлежит к числу наиболее полных, уступая по количеству произведений только «большому» сборнику (в последнем — 107 текстов; в рассматриваемом — 89), но при этом он содержит семь песенных текстов («орјеvке»), отсутствующих в «большом» сборнике (они соответствуют, как сказано выше, текстам в сборнике из Архиепископской библиотеки). В отличие от «большого» сборника и от сборника из библиотеки Загребского университета (рукопись В в описании Решетара), рассматриваемый сборник не содержит раздела «боголюбных» песен (а в сборнике из библиотеки Загребского университета, в свою очередь, отсутствует раздел «зачинок»). Сборник из библиотеки Караджича ближе всего по составу произведений Джорджича к сборнику из Доминиканской библиотеки в Дубровнике (рукопись Т в описании Решетара), где, впрочем, называвшиеся разделы размещены в иной последовательности и не составляют одну целостную часть сборника, а количество произведений Джорджича несколько меньше (76). *Таким образом, сборник из библиотеки Караджича, не повторяя ни один из известных неопубликованных рукописных сборников произведений Джорджича и превосходя всех их по полноте, может считаться новым ценным источником для текстологического изучения наследия крупнейшего дубровницкого поэта эпохи барокко, оставшимся до сих пор не известным исследователям.*

И «большой» сборник и некоторые другие рукописные сборники, содержащие произведения Джорджича, включают также переводные произведения Ш. Златарича, переработанные Джорджичем, а иногда и стихи Д. Златарича, Гундулича и других дубровницких поэтов. Своеобразие сборника из библиотеки Караджича в том, что он, в отличие от всех остальных известных рукописных сборников, объединяет стихи Джорджича с произведениями наиболее близкого ему по духу поэта и современника — П. Канавеловича. Не случайно некоторые стихи последнего приписывались Джорджичу в рукописных сборниках. Объединение произведений этих двух поэтов в одном сборнике представляется особенно

¹⁵ «Djela Ignácja Gorđi (Ignata Đorđića)». Za štampu priredio M. Rešetar. Knj. I. Zagreb, 1918, Uvod, s. VI—XLI, XLII—XLVI.

органичным и свидетельствует о том, что он, вероятно, был составлен в среде, близкой к упоминавшейся Дубровницкой академии. Учитывая, что наследие Канавеловича и в рукописной традиции и особенно в публикациях известно и доступно в гораздо меньшей степени, это обстоятельство еще больше увеличивает ценность рассматриваемого сборника¹⁶.

Мы лишены возможности сопоставить эту часть сборника из библиотеки Караджича с неопубликованным наследием Канавеловича, в частности с рукописным сборником «Pjesni razlike i začinke», принадлежавшим М. Ристичу. Поскольку сборник содержит все «зачинки», известные по другим рукописям, ограничимся сообщением о составе раздела «Pijesni Razlike» с тем, чтобы югославские коллеги, которым доступна названная рукопись, могли определить полноту и ценность нового источника.

«Pjesni Razlike Gosp[odina] Petra Kanavelovića vlastelina od Korčule».

Pjesan I. Venere, Cupido, Marte, Elena i Pande (Ven[era]: «Ah, popravje srećno čudo...») (стр. 203).

Pjesan II. Nemoćnik na času od smarti («Usione varh ložnice...») (стр. 209a).

Pjesan III. Nije Pokoja, nego na Nebu. Gs. Fulvia Iesti («Onu iskru, ka ognjevi-ta...») (стр. 210 a).

Pjesan IV. Priatelju od kojega ne videći knjige posumni, da mu je zabraneno pisati («Ako je tebi zabranjeno meni pisati...») (стр. 212b).

Pjesan V. Ljubav sjedinjena («Pokle moja mene dvori...») (стр. 213a).

Pjesan VI. Pjesanik nade večer dva Priatelja, gde udarah u Kit... («Rakle kruno od radosti...») (стр. 213b).

Pjesan VII. Boj od Celova («Ljepa moja celivajmo...») (стр. 214a).

Pjesan VIII. Svojoj Verenici («Kad mi Sunce u Istoci...») (стр. 215a).

Pjesan IX. Istoj («Eto vedri zrak sunčani...») (стр. 215a).

Pjesan X. Istoj («Utasice sej vesela...») (стр. 215b).

Pjesan XI. Istoj («Zašto ijepa, vladaš koja...») (стр. 215b).

Pjesan XII. Istoj («Pokli sunce sred Zapada...») (стр. 216a).

Pjesan XIII. «Plam ljuveni, kij gospođ...» (стр. 216b).

Pjesan XIV. Istoj («Ako ljepos tva sunčana...») (стр. 216b).

Pjesan XV. Istoj («Pokli sveća blaga i mila...») (стр. 217).

Pjesan XVI. Istoj («Pod siēn carna oka tvoga...») (стр. 217a).

Pjesan XVII. Istoj («Pojte od mene sve žalosti...») (стр. 218).

Pjesan XVIII. Serenata učinjena Gospođi N. N. u tri glasa godiš. 1692 («Ah obrati ljepa, i mila...») (стр. 218a).

Pjesan XIX. Sumanse povrati Primaljetje («Što je bolje tužnu meni...») (стр. 218b).

Pjesan XX. Mre bez ufanja («Rakle kruno svih Gospođa...») (стр. 219a).

Pjesan XXI. «Parsi neka ove u moje...» (стр. 219b).

Pjesan XXII. Zelenko («Eto u vedroj Since diži...») (стр. 219b).

Pjesan XXIII. Budući G. Maro Rastić poslo kus kamena carna Petru Kanaveli, da čini vidjeti od škarponika Šarpi je li mramor, i naredio nješto ličine zavarše, odgovori, da kami ne valja, a ličine da nije («Razumio sam koi Šarpa...») (стр. 220a).

Pjesan XXIV. Molitva kralja Davida «Deus judicium tuom Regi» da istomačena u naški («Kralju, tvoj sud podaj Bože...») (стр. 221a).

Pjesan XXV. Druga molitva kralja Davida «Mirabilija testimonija tua, ideo sevutata» da prinesena u naški («Svjedočanstva gospodine...») (стр. 222a).

Pjesan XXVI. Molitva Ieremije Proroka «Recordare Domina» da prinesena u jezik slovinski («Spomeni se Gospodine...») (стр. 224a).

Pjesan XXVII. Pjesan, aliti Responsorio S. Antuna od Padve «Si queris» da prinesena u naški («Ako išteš znati čuda...») (стр. 225b).

Paraphrasis in Salutationem Nominis Bm̃e Dei Ginitvias Mariae... (стр. 227)¹⁷.

И во второй части сборника, как и в первой, наше внимание привлекают «зачинки» — песенки, которые, по оригинальному выражению составителя, были «раздроблены» в Дубровнике, т. е., утратив свою цикличность и оторвавшись от автора, бытовали каждая в отдельности в качестве анонимных произведений. Однако в данном случае, в отличие от

¹⁶ Перечень опубликованных произведений см. в кн. «Zbornik stihova XVII stoljeća Priredio R. Bogišić». Zagreb, 1967, s. 239. По сообщению Ф. Швельца автору статьи известно по рукописям 15 «зачинок» Канавеловича, из них 9 опубликовано.

¹⁷ Предисловие датировано: «Na parvi Maggia 1689».

проблемы авторства «зачинок» Джорджича, составитель проявляет осведомленность и восстанавливает авторство Канавеловича. Независимо от этого, само указание на популярность этих «зачинок» в быту дубровчан представляет принципиальный интерес. Важно также указание на то, что две из «зачинок» исполнялись в «коло», т. е. сопровождали коллективный народный танец (стр. 248—249).

В целом сборник из библиотеки Караджича дает ценный материал не только для исследователей творчества Джорджича и Канавеловича, но и для историков городской культуры Дубровника конца XVII — начала XVIII в.

В заключение остается высказать предположение, когда и каким образом сборник оказался в библиотеке Караджича. К сожалению, известная нам литература и переписка Караджича не дают прямого ответа на этот вопрос. О знакомстве Караджича с далматинскими поэтами, и в частности с Джорджичем, свидетельствуют его письма П. Шафарыку от 10 декабря 1826 г. и А. Брличу от 22 ноября 1830 г.¹⁸

В последнем письме, в частности, Караджич высоко оценивает «Uzdasi Mandalijene», хотя тут же несколько проницательно отзывается о языке и стиле поэта. О стихах и песнях Джорджича и Канавеловича Караджич нигде не упоминает. Рукописный сборник с их произведениями он мог получить позднее, во время одного из своих путешествий по Далмации (1834, 1835, 1838, 1841, 1863), вероятно во время своего самого продолжительного (около пяти месяцев) пребывания в Дубровнике зимой 1834/35 г., где он близко сошелся с писателем А. Казначичем и историком дубровницкой литературы Ф. М. Аппендини. Оба собирали и исследовали произведения дубровницких писателей, и именно Казначич обладал тем «большим» сборником, который впервые был опубликован Гаем.

Интерес Караджича к рукописному сборнику был вызван, очевидно, не столько именами дубровницких поэтов, сколько содержащимися в нем песенными произведениями. Умолчание же о них может быть объяснено тем, что Караджича привлекала не столько городская культура Дубровника, сколько традиционный фольклор его окраин и окрестностей, и это даже вызывало недовольство и нарекания дубровчан¹⁹. Заинтересовавшись при первом знакомстве со сборником анонимными «зачинками» и «попевками», Караджич легко мог установить хотя бы с помощью того же Казначича их авторство. Поскольку для фольклорно-этнографических занятий Караджича такой материал уже не представлял большого интереса, он, естественно, нигде не использовал его, но сохранил сборник в своей библиотеке, понимая его историко-литературную ценность.

¹⁸ «Вукова преписка», кн. 4. Београд, 1909; стр. 632; кн. 5. Београд, 1910, стр. 140.

¹⁹ См. об этом: М. Поповић. Вук Стеф. Караџић (1787—1864). Београд, 1964, стр. 274.

С. Б. БЕРНШТЕЙН, Г. П. КЛЕПИКОВА

ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА КАРПАТАХ И «ОБЩЕКАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС»

Контакты между родственными и между неродственными языками изучаются со времени возникновения научного языковедения. Это совершенно естественно, так как каждый язык в той или иной степени содержит как исконные элементы, так и элементы, проникшие из других языков. Один из существенных недостатков древнеиндийских грамматиков В. Гумбольдт видел в том, что они отрицали возможность влияния одного языка на другой. Он писал, что «они принимали свой язык за первобытный и не допускали даже возможности заимствований из других языков с течением времени. То и другое, без сомнения, ложно»¹.

Формы языковых контактов очень разнообразны, они были предметом всестороннего разбора и классификации. Значительно позже появился интерес к вопросам билингвизма как одной из наиболее сложных форм контактирования языков. Здесь можно вспомнить работы Г. Шухардта, И. А. Бодуэна-де-Куртене и ряда других известных лингвистов прошлого. В XX в. эти проблемы получили еще более глубокое освещение в теории «языковых союзов», которая была разработана прежде всего на материале балканских языков (работы Н. С. Трубецкого, Р. Якобсона, Б. Гавранека и других). Получила значительное развитие и теория субстрата в ее различных модификациях. Теория языковых контактов существенно обогатилась в послевоенном языковедении, главным образом в связи с работами Э. Хаугена, У. Вайнрайха, Д. Гринберга и др. В настоящее время можно уже говорить о существовании особой теории интерференции языков, которая представляет собой новый этап в развитии теории субстрата. Прежде схематичное противопоставление в процессах языкового взаимодействия субстрата и суперстрата привело к тому, что очень сложные и разнохарактерные процессы языкового взаимодействия были механически расчленены без учета реальных путей и результатов их развития. Кроме того, сторонники классической теории субстрата не учитывали творческой энергии субстрата, который отражался в новом языке не пассивно, а существенно преобразовывал закономерности в н у т р е н н е г о развития возникшего на его базе языка. Прежняя альтернатива — субстрат или внутренние законы языка — в настоящее время должна быть признана несостоятельной. Взаимодействие языков имеет гораздо более сложный характер. Простым методом вычленения черты субстрата

¹ В. Гумбольдт. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859, стр. 106.

установить невозможно, так как они отражаются в значительно трансформированном виде. Следует учитывать, что многие явления ассимилированного языка подчиняются закономерностям суперстрата. Хорошо известно во многих славянских языках явление неразличения *s* и *š* (так называемое «цокание»). Всюду оно представляет собой результат влияния иноязычного субстрата (в русском — угро-финского, в польском и нижне-лужицком — балтийского и т. д.). Однако эта черта могла утвердиться в указанных языках только потому, что противопоставление *s* и *š* в славянских языках представляет собой слабое звено фонологической системы. Аналогичные примеры могут быть приведены из грамматики и лексики. Современная теория интерференции языков значительно глубже трактует проблемы взаимодействия языковых структур, нежели теория субстрата довоенного периода.

Теория интерференции разрабатывается на материале различных языков и диалектов Европы, Азии, Африки, Америки. Она развивается настолько быстро и интенсивно, что, например, работа У. Вайнрайха («Languages in Contact. Findings and problems», изд. I — 1953 г.), которая в свое время произвела сильное впечатление, теперь в каких-то частях уже устарела. Ведутся исследования ряда важных и сложных явлений, совершенствуется методика. Так, например, представляется плодотворным понятие изограмматизма, очень важное для уяснения природы языковых контактов, делаются первые опыты в построении грамматической модели языка-посредника, учитываются многие новые идеи из области универсалий и т. д. Обогащаются и формы исследования интерференции и языковых контактов. Новаторский характер, например, носят работы Э. Петровича, посвященные взаимодействию фонологических систем балканских языков. В последние годы явление интерференции языков начинает изучаться и с помощью лингвистического картографирования. Примером этого может быть подготовляемый в настоящее время «Общекарпатский диалектологический атлас» (ОКДА). Этой работе, в качестве предварительной стадии, предшествовало создание многочисленных атласов языков карпатского ареала — атласов национальных², региональных³ и специальных⁴.

ОКДА опирается на все указанные атласы и тем не менее имеет существенные отличия от них, даже от «Карпатского диалектологического атласа» (КДА). Перед составителями КДА была поставлена задача выявить так называемые южнославянизмы в карпатских диалектах, прежде всего в юго-западных украинских говорах, на наличие которых указывали В. Погорелов, И. Панькевич и другие исследователи. Атлас вскрыл большое число лексико-семантических схождений между карпатоукраинскими говорами и говорами южнославянских языков. Была определена территория этих «южнославянизмов», всестороннее изучена их семантика. Атлас, как и предполагалось, дал весьма ценный материал для истории южнославянских языков⁵.

² «Mały atlas gwar polskich», I—XIII. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1957—1970; «Atlas slovenského jazyka», I—II. Bratislava, 1968, 1974; «Atlasul lingvistic român». Serie nouă. I—VI. Cluj, 1956—1969; «Атласул лингвистик молдовенеск», I, II. Кишинэу, 1968—1970, 1972; «Атлас української мови», I, II (в печати).

³ M. Małeckі, K. Nitsch. Atlas językowy Polskiego Podkarpacka. Kraków, 1934; A. Zagraba. Atlas językowy Śląska. I—IV. Kraków, 1969—1974; Й. О. Дзєндєлєвськїй. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР. I, II. Ужгород, 1958, 1960 и др.

⁴ С. Б. Бернштейн и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967 (ротапонт).

⁵ См. рецензию П. Ивича в: «Зборник за филологију и лингвистику», XIII/I. Нови Сад, 1970, стр. 276 и сл.

Всестороннее исследование материала, однако, показало, ограниченность поставленной задачи, неправомочность — в ряде случаев — определения общих элементов в диалектах карпатского ареала как «южнославянизмов». Выяснилось, в частности, что на территории Карпат мы имеем дело с особым языковым «миром», где обычные классификационные критерии для отдельных языков являются несостоятельными. Стало очевидным, что все эти общие элементы имеют более глубокую основу, что они разнообразнее, чем это считалось ранее, а их интерпретация должна учитывать данные диалектов западно- и восточнославянских языков, порой далеко отстоящих от карпатской зоны.

«Карпатский диалектологический атлас» сыграл большую роль в усилении интереса к изучению общих явлений в языках и диалектах карпатского ареала. Появился целый ряд специальных работ, трактующих различные проблемы карпатского языкознания.

Такова предыстория возникновения идеи создания «Общекарпатского диалектологического атласа», которая была активно поддержана многими ведущими диалектологами ряда славянских стран — Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии. Широкое обсуждение и решение важных теоретических, методических и организационных вопросов проводились на международных конференциях в Москве (1973), Братиславе (1974), Кишиневе (1975); в 1976 г. предстоят подобные конференции в Ужгороде и Кракове. Полным ходом идет работа над составлением вопросника ОЖДА, он должен быть готов в 1976 г. Предполагается, что уже в 1977 г. начнется полевая работа, которая продолжится три года. Завершение атласа и сдача его в печать планируется на 1982 год.

В практике европейской лингвгеографии хорошо известны атласы, содержащие материал диалектов различных языков. Если говорить о славянских, то можно указать на атлас М. Малэцкого и К. Нича, который строится на материале, собранном в 35 пунктах с польским населением и в 5 пунктах — с непольским. В нашем случае мы имеем принципиально отличный атлас: в ОЖДА различные языки ареала находятся в равном правовом положении; кроме того, изучаемые в нем элементы характеризуют данные языки и диалекты как карпатские, а не как славянские, романские, венгерские и т. д. В этом смысле ОЖДА может быть назван атласом нового типа. Таким же атласом будет и «Балканский языковой атлас», работа над которым, к сожалению, еще не начата⁶.

Учитывая сказанное выше, ясно, что составление вопросника ОЖДА представляет особые трудности, с которыми не сталкивались составители вопросников обычных атласов. Здесь необходим строгий отбор элементов, подлежащих изучению. В этом случае надо исходить из двух посылок: 1) особое внимание должно быть обращено на те стороны языка, которые отражают специфику жизни и традиционного быта населения Карпат, 2) общие элементы, выбранные для вопросника (и затем отраженные на картах) должны быть представлены в диалектах по меньшей мере двух языков ареала.

Единицами, с которыми в данном случае имеет дело исследователь, являются карпатизмы, т. е. специфические элементы, общие для всего ареала и отдельных его зон. Генетически эти карпатизмы могут быть различного происхождения и формироваться в разное время. С диахронической точки зрения можно выделить две основные группы — собственно карпатизмы, т. е. общие элементы местного происхождения и так назы-

⁶ Т. В. Цивьян. О возможности применения ареально-типологических методов для исследования балканского языкового союза. (К построению лингвистического атласа балканского языкового союза). «Советское славяноведение», 1966, № 3, стр. 45—54.

ваемые балканизмы — общие элементы, проникшие к северу от Дуная в результате многочисленных миграционных процессов, особенно после турецкого завоевания Балканского полуострова. Это разграничение представляется существенно важным при изучении истории языков и диалектов карпатского ареала, когда стоит задача стратификации различных пластов лексики. Таким образом, учет этого плана особенно важен в историко-этимологических исследованиях⁷. В практике лингвогеографических исследований указанная выше дифференциация терминов не представляется существенной. Здесь под термином «карпатизм» следует понимать в с е общие элементы, характерные для диалектов карпатской зоны на современном этапе их развития.

Специфическая общность языков и диалектов карпатского ареала прежде всего — и это вполне естественно — проявляется в лексико-семантической сфере. Должен учитываться обширный комплекс терминов, связанных с особенностями рельефа Карпат, их растительным и животным миром, с особыми формами хозяйствования (высокогорное скотоводство, земледелие), с орудиями труда, жилищем, одеждой, пищей, украшениями, средствами передвижения, а также с характерными народными верованиями и народным творчеством. Конечно, в ОҚДА непременно будет представлена и «абстрактная» лексика. В полной мере следует собрать топонимический (и прежде всего микротопонимический) материал. Было бы целесообразно обратить внимание на карпатскую антропонимику, однако отсутствие предварительных исследований затрудняет в настоящее время составление реестра антропонимов, антропонимических моделей, которые подлежали бы изучению. Совершенно очевидно, что большинство лексем в вопроснике будет относиться к именам, однако значительное место в нем займут и глаголы; скромно будут представлены другие части речи (наречия, частицы и под.). Естественно, изучение противоставлений в области лексики невозможно без самого пристального внимания к словообразованию. Это в первую очередь относится к именному словообразованию. Во многих случаях только словообразовательные признаки могут оказаться релевантными. Перед составителями вопросника ОҚДА стоит сложная задача выявления употребления дериватов не только в стилистически нейтральной, но и в экспрессивной речи.

Одной из главных задач (и, пожалуй, наиболее трудной), стоящей перед составителями ОҚДА, является такой сбор материала, при котором было бы обеспечено составление семантических карт. Если мы обратимся к большинству опубликованных атласов (и не только славянских), то увидим, что таких карт почти нет. Так, в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957) находим только три семантические карты, в первом томе «Болгарского диалектологического атласа» («Български диалектен атлас». София, 1964) — только две такие карты. Объясняется это тем, что существующие программы-вопросники не обеспечивают надежного сбора основных и второстепенных (переносных) значений той или иной лексемы. Мы ставим перед собой задачу возможно полнее отразить семантические различия в языках и диалектах карпатского ареала, хотя в полной мере отдаем себе отчет в тех трудностях, которые коллективу составителей ОҚДА нужно будет преодолеть. Для этой цели вопросник при каждом вопросе должен содержать по возможности полный набор семем, что поможет собирателям материала установить семантическую амплитуду лексемы. Кроме того, для

⁷ Подробнее о карпатизмах и балканизмах см. С. В. Бернштейн. Карпатский диалектологический атлас. «Вопросы языкознания», 1963, № 4; е г о ж е. Проблемы интерференции языков Карпато-Дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. «Славянское языкознание». М., 1973; ср. и «Предисловие» к КДА.

уточнения границ семантического объема лексем в каждом вопросе необходимо предусмотреть широкое использование методики «семантического микрополя»⁸. Получение на практике материала, на основе которого можно было бы построить строгие семантические карты, дело трудное, однако участие в экспедициях по ОКДА только высококвалифицированных специалистов, имеющих большой опыт создания национальных и региональных атласов, позволяет надеяться, что атлас с богатым набором семантических карт в конце концов будет создан.

В отличие от существующих славянских атласов ОКДА не будет содержать карт по грамматике и фонетике, несмотря на то что имеются некоторые специфические особенности, которые могут быть рассмотрены как карпатизмы (ср., например, употребление краткого местоимения дат. падежа в функции притяжательного местоимения, образование степеней сравнения прилагательных и наречий и др.). Данный аспект языка исключается не по принципиальным соображениям, а лишь вследствие того, что до сих пор слабо выявлены эти общие черты и не разработана методика сбора подобных явлений в языках столь различного грамматического строя, какими являются, например, славянские и венгерский. Отказались мы от сбора и картографирования фонетических явлений, хотя в будущем, при специальных исследованиях, несомненно будут установлены фонетические особенности, которые имело бы смысл картографировать. Этот вопрос широко обсуждался на Братиславском совещании по ОКДА, и принято решение исключить грамматический и фонетические аспекты из вопросника ОКДА.

Территория карпатского ареала не является замкнутой. Она тесно связана с другими зонами, особенно с Балканским полуостровом. Это объясняется тем, что в древности Карпаты были заселены южнославянскими племенами, часть из которых перешла за Дунай лишь в VI—VII вв. н. э. Значительная же часть этого населения в карпатской зоне сохранялась длительное время, а позднее была ассимилирована романским и венгерским этническим элементом. Роль древнего южнославянского пласта в языках карпатского ареала чрезвычайно велика. Именно этим объясняется близость лингвистического, этнографического и археологического материала Карпат и Балкан. Конечно, истоки этой общности восходят еще к античным временам. Археологи говорят об общности культуры этих территорий с эпохи бронзы. Все это заставляет с особым вниманием относиться в работе над ОКДА к южнославянскому языковому континууму, который органически тесно связан с карпатской зоной. Это обстоятельство делает необходимым широкое привлечение диалектного материала болгарского и сербского языков и обследование, по вопроснику ОКДА, ряда пунктов на южнославянской территории. Изучение древних карпатизмов может дать очень ценную информацию о начальных периодах истории южнославянских языков. Поэтому совершенно естественно, что в создании ОКДА самое активное участие принимают болгаристы как из самой Болгарии, так и из других стран. Предполагается участие и югославских ученых.

Четкое ограничение карпатской языковой зоны от иных зон, расположенных севернее, требует проведения контрольных наблюдений на украинской территории к северу и востоку от Днестра. Аналогичную работу следует провести и в Польше, ибо исследования польских диалектологов последних лет обнаружили так называемые южнославянизмы далеко за пределами карпатской зоны, например в кашубских говорах.

⁸ Изложение этой методики находим в статье: Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1.

Как сказано выше, основное внимание составителей ОКДА будет обращено на отражение в языке явлений карпатского быта и культуры. Отсюда естественно вытекает необходимость всестороннего и глубокого изучения соответствующих реалий. Нет никакого сомнения в том, что полноценный лингвистический атлас может быть создан лишь при тщательном учете материалов по народной культуре Карпат, которая сохраняет черты глубокой древности: «Судя по этнографическим материалам, население Карпат сохранило чуть ли не до наших дней элементы праславянской культуры...»⁹. Данное положение дало основание некоторым лингвистам активно защищать положение, согласно которому необходимо создать не диалектологический, а лингво-этнографический атлас Карпат, который должен отражать не только явления в области языка, но одновременно и в области народного быта¹⁰. С этим взглядом согласиться трудно. Сторонники его часто ссылаются на опыт зарубежной, особенно романской, лингвогеографии. Однако принятые в некоторых странах названия типа «лингвистический и этнографический атлас» (*linguistique et ethnographique*), «лингво-этнографический» и под. не должны вводить в заблуждение относительно реальности создания подобного «комплексного» труда. Следует иметь в виду, что во всех обозначенных таким образом атласах (например, серия «Новых региональных атласов Франции», атлас К. Яберга и И. Юда — K. Jaberg, J. Jud. Sprach — und Sachatlas Italiens und der Südschweiz. Bd. 1—8. Zolingen, 1928—1940) этнографический аспект играет подчиненную роль, он выступает лишь в качестве информации — с необходимой и достаточной только для лингвистов степенью детализации. Подлинных лингво-этнографических, этно-лингвистических и т. д. атласов не существует, и это закономерно, поскольку перед лингвистами и этнографами стоят совершенно разные задачи, они пользуются совершенно различными методами сбора материала, на иных основаниях, принципах строятся карты, когда возникает необходимость представить те или иные явления в пространственной проекции. То, что может быть важным для этнографических исследований и этнографического картографирования, сплошь и рядом оказывается несущественным для лингвистов. В частности, в этнографических описаниях видное место занимает техника изготовления реалий. Во всех подобных случаях для лингвистов противопоставления по этому признаку важны только тогда, когда они находят выражение и в языке, ибо лингвист на народный быт смотрит через язык, и только через язык. Не правомерно в лингвистических работах говорить об «этнографическом аспекте». Этнография — это не народный быт или народная культура, а наука о народном быте, о народной культуре, которая имеет свои задачи и свою специфику. Вот почему в лингвистических трудах правомернее говорить об отражении народного быта (и шире — народной культуры), а не об «этнографическом аспекте», не об этнографии.

При сборе материала для ОКДА, разумеется, следует самым тщательным образом учитывать, в какой мере различиям внелингвистического плана — детали внешнего вида реалий, отличия в материале и технике изготовления и т. п. — соответствуют различия языковые, т. е. каково соотношение внутри(внешне)языковой и внеязыковой сегментации действительности. Все несходства «этнографического» характера, не получившие отражения в сфере языка, должны рассматриваться как лингви-

⁹ Ю. В. Бромлей, Н. Н. Грацианская. Этнографические аспекты карпатоведения. «Советское славяноведение», 1973, № 6, стр. 65.

¹⁰ И. А. Дзензелевский. К вопросу о лингвистическо-этнографическом атласе культуры Карпат. «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии», Л., 1974, стр. 107 и сл.

стически нерелевантные. Вместе с тем надо признать крайне желательным, чтобы собиратели включали в картотеки-анкеты по возможности полные описания реалий, названия которых предусмотрены в вопросе; помимо прочего эти описания будут косвенным свидетельством надежности собственно лингвистического материала. Но естественно, при обработке последнего данные о народном быте, о явлениях народной культуры могут попасть лишь в комментарии.

Конечно, все стороны процесса взаимодействия языков и диалектов на территории Карпат нельзя изучить только методом лингвистического картографирования. Перед исследователями сложной языковой ситуации на Карпатах стоят разнообразные задачи, которые будут решаться разными методами. Бесспорно, однако, что на современном этапе развития карпатского языкознания лингвогеографический аспект является главным, прежде всего потому, что он выявит состав карпатизмов и покажет территорию их распространения. На этой основе в дальнейшем возможны различные лингвистические (этимологические, исторические, типологические и т. д.) и историко-культурные исследования. Самостоятельной и важной проблемой является изучение карпатских элементов в памятниках древней славянской письменности.

С. А. АВЕРИНА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Исследование памятника переводной древнеславянской письменности со стороны лексического состава имеет свои специфические особенности, свои сложности. В ходе такого исследования может быть собран богатейший материал, характеризующий лексико-семантическую систему как языка переводящего (т. е. древнеславянского литературно-письменного языка), так и языка, с которого осуществлен перевод (греческого, латинского и т. д.). В иных случаях представляется возможным решить вопрос о происхождении перевода и об этнической принадлежности переводчика. Как правило, подобные исследования проводятся в основном на уровне стратиграфии рукописи¹, что также немаловажно и дает свои положительные результаты. Однако в отношении памятников переводной литературы только указанный аспект исследования представляется явно недостаточным. Необходим анализ лексико-семантической и лексико-стилистической характеристик языка переводного текста (и оригинала) с целью установления «реальных взаимосвязей»² древнеславянских лексем, их семантической и стилистической прикрепленности, а также раскрытия самого механизма перевода (влияние исходного и переводящего языков на выбор слова, роль индивидуального фактора и т. д.)³.

Настоящая статья посвящена рассмотрению лексико-семантической стороны языка одного из памятников древнеславянской переводной литературы — «Жития Епифания Кипрского» (далее — ЖЕ), дошедшего до наших дней в ряде древних списков, из которых наиболее полный и интересный в отношении языка (XIII в.) находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Соф. 1326)⁴.

¹ См. об этом: Р. М. Цейтлин. Лексика старославянского языка (Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв.). Автореферат докторской диссертации. М., 1973, стр. 6.

² Там же, стр. 15.

³ Ср. Е. М. В е р е щ а г и н. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, стр. 70—71; е г о ж е. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972, гл. II.

⁴ Материал ЖЕ дается по рукописи Соф. 1326. Греческий и латинский текст приводим по изданию: J.-P. M i g n e. Patrologiae cursus completus. Series graeca, vol. 41. Paris, 1863, p. 23—113. Кроме того, в работе используются данные следующих списков, содержащих текст древнеславянского перевода ЖЕ: XII—XIII вв. — Син. 1063/4, ГИМ (по изданию: «Успенский сборник XII—XIII вв.» под ред. С. И. Коткова. М., «Наука», 1971); XIV в. — $\frac{\text{ф } 304}{745}$, ГБЛ; к. XIV в. — Пог. 71^б, ГПБ; $\frac{\text{ф } 304}{34}$, ГБЛ; к. XIV—XV в. — $\frac{\text{ф } 304}{712}$, ГБЛ; XVI в. — Соф. 1321, Соф. 1357; Соф. 1375 (все ГПБ).

В связи со сказанным в составе лексики перевода выделяются те слова, которые, согласно филологической традиции, было принято определять как характерные для переводов кирилло-мефодиевского периода славянской письменности, а также для так называемой симеоновской эпохи, т. е. периода ранней болгарской письменности.

Анализ выявленных греко-славянских параллелей ЖЕ проводится в сопоставлении с соответствующим лексическим материалом ряда древнейших южнославянских и древнерусских переводных и оригинальных текстов.

Как показывает извлеченный из ЖЕ материал, причины и характер использования вариантов кирилло-мефодиевских или симеоновских переводов в каждом конкретном случае различны и обусловлены рядом факторов (лексическая сочетаемость и принцип актуализации сем в определенном контексте, учет окружения в греческом контексте, особенности передачи полисемных греческих слов и др.).

Рассмотрим некоторые наиболее выразительные примеры⁵.

1. ἀριστερός: шюуи ∞ лѣкз; о лѣкѣма 75в, лѣкою 11б, шюута 11а; (ἐξ ἀριστερόν) ошюуи 38в, 63г, (ἐξ ἐξωνόμων) ошюуе 82а.

Для греч. ἀριστερός 'левый; также роковой, зловещий' (в славянском тексте ЖЕ актуализируется только первая сема), ἐξ ἀριστερόν 'по левую сторону, слева' характерно одинаково свободное использование в качестве эквивалентов слав. шюуи и лѣкз, известное уже значительному кругу древнейших текстов южнославянского и восточнославянского происхождения: паркое взарт на стскацадо шшюую дигака иже махало глосужбаное ддржааше. 63г. (слева, с левой стороны); нередко в своеобразном противопоставлении: и отъкразе га емоу дегное ско иоанз же молааше га и о лѣкѣма. 75б-в. В данном случае варьирование не удаётся объяснить какими-либо семантическими причинами, поскольку речь идет об абсолютных синонимах (семантическое тождество указанных лексем очевидно). Соответствующий выбор мог быть обусловлен стилистическими задачами переводчика. Интересно явно стилистическое совмещение обеих лексем на одном обороте листа: егда взстоути на парькии степеня храма гпаде емоу ошюутѣл шюута и сгы его. семоу же взстоупашюу лѣкою да сугварадитѣ и дегноую ногсу его. 11б (ἐξέτερον τοῦ ἀριστεροῦ πόδος αὐτοῦ... τὸ ὑπόδιον τοῦ δὲ ἐπιβάντος τῷ ἀριστερῷ, р. 32)⁶.

Указанное соотношение лексем лѣкз — шюуи сохраняется и в остальных списках ЖЕ; лишь в одном случае отмечаем иное словообразование в Соф. 1326: и оузарт г моужа вѣлы одежа имоуца стотца и држаца епифана единого одегно (ост. сп.: одегноую). а дроугаго ошюуе (ост. сп.: ошюую) а третиаго г прѣданюу страноу. 81г — 82а.

2. ζῆλος: иго скармаз, превега; (τὸ ὑποζῆλον) подзижаникоу 5а, подармиче (зв. п.) 5а (в РГ нет).

Лексический материал ЖЕ, касающийся данной синонимической пары, представлен единственной цитатой; клеоки же рече кз подзижаникоу [подзижаникоу] тебе гау подзармиче класкога вецинига напгазнене.

⁵ Лексический материал приводится в следующем порядке: за греческим эквивалентом через тильду указываются варианты кирилло-мефодиевского и симеоновского переводов, через точку с запятой следует материал из ЖЕ.

⁶ Стилистическими причинами объясняются, например, варьирование шшюую ∞ ошюую в Вукановом евангелии. См. Р. М. Цейтлин. Из наблюдений над лексикой Вуканова евангелия (сравнительно со старославянскими памятниками). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972, стр. 266—267.

· зане же кѣсхотѣ господина своего оуморити · кѣ има распатого ꙗс хѣ. 5а. (...πρός τὸ ὑποζύγιον, р. 28) ⁷.

В приведенном контексте встречаются оба славянских варианта (иго — тарамъ) для передачи многозначного греческого ζύγος 'ярмо, иго; перен. иго, время; поперечный брус или рычаг; весы' и т. д. ⁸. Правда, здесь они выступают только в качестве компонентов существительных подъяжаникъ и подъяраманикъ, передающих греч. ὑποζύγιον ⁹. Вторая лексема в тексте греческого оригинала отсутствует, являясь частью глоссы славянского переводчика.

Соответствующий материал ряда списков ЖЕ XII—XIII вв. свидетельствует о стремлении последующих переписчиков и справщиков к различного рода уточнениям и заменам, связанным с лексемой подъяжаникоу и, по-видимому, вызванным необходимостью пояснить оказавшееся малопонятным слово.

Ср.: клекии же рече к подъяжаникоу · тебе гла подъяраманиче (Син. 1063/4, Пог. 71б), но клекии же рече к подъяжаникоу шлати к тебе гла подъяремниче... ($\frac{\text{ф } 304}{712}$, $\frac{\text{ф } 304}{735}$) и даже клекии же рече к шлати тебе гла подъяремниче (Соф. 1321, Соф. 1357, Соф. 1375); рече же клекии · тебе гла подъяремниче ($\frac{\text{ф } 304}{34}$).

Характерно, что лексема подъяраманикъ, наряду с более распространенным шлати (для греч. ὑποζύγιον), известна довольно значительному кругу древнеславянских переводов и оригинальных текстов, тогда как образование подъяжаникъ отмечено нами только в Пандектах Антиоха XI в.

3. ζωή: жикотъ ѿ житие; жикота (р. п.) 11в, 13г, 66б, 104в; жикотоу 42б, 54а, житие 65г; ср.: (βίος) житие 79б, 89в, 94г, 108г, житиа (р. п.) 3в, 9в, отъ житиа 13б, 82г, житиема 7в, 9б, 64г, 87в, 96а, 98а, къ житии 16б, 83г, 104а, 107г, къ житиистѣма 7б; (ἐπι κατοικησία) на житие 30б, 55а.

Для передачи греч. ζωή 'жизнь, средства к жизни, средства пропитания; образ жизни; имущество, достояние' в соответствии со славянской переводческой традицией могли использоваться одинаково свободно обе славянские лексемы жикотъ, житие, но никогда жикотъ. Свободное варьирование этих слов в границах одного памятника было отмечено исследователями уже для первых славянских переводов Евангелия ¹⁰.

⁷ Вариант подъяжаникоу в Соф. 1326 считаем опiscoй, так как остальные списки (Син. 1063/4, XII—XIII вв.; Пог. 71^б, к. XIV в.; $\frac{\text{ф } 304}{745}$, XIV в.; $\frac{\text{ф } 304}{34}$, к. XIV в.; $\frac{\text{ф } 304}{712}$, к. XIV—XV в. и списки XVI в.: Соф. 1321, Соф. 1357, Соф. 1375) дают форму подъяжаникоу.

⁸ Семантическая двуплановость греч. ζύγος на славянской почве отразилась в передаче славянскими сочтениями дѣти жикъ (3г.) и пасица на мѣрѣ (31г) однокоренных греческих глаголов ζυγίζω 'сопрягать, сочзгать, соединять, связывать, сочетать браком', ζυγίζω 'сопрягать ярмо, запрягать, впрягать; соединять, сочетать (браком); связывать, скреплять' и т. д.

⁹ Указанные примѣры единичны. Обычно греч. ὑποζύγιον 'вьючное или подъяремное животное, рабочий скот' передается в ЖЕ слв. шлати (19 случаев) и клека (2 случая) (ἐπίουλος, ἐπίουλος 'жеребенок, лошадь, конь').

¹⁰ См. V. J a g i š. Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, S. 287; E. M. В е р е щ а г и н. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование..., стр. 63; А. С. Л ь в о в. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 107 и сл.

Значительная семантическая близость лексем ζωή, βίος в греческом языке допускала, в свою очередь, использование в тексте славянского перевода обеих лексем и для передачи греч. βίος 'жизнь, образ жизни; средства к жизни' и т. д., что нашло отражение в ряде древнеславянских переводных произведений (восточнославянского и южнославянского происхождения).

Между тем, как показывает материал, для ЖЕ характерно несколько иное соотношение между греческими лексемами и соответствующими им славянскими эквивалентами. Славянский переводчик ЖЕ для передачи греч. ζωή обычно пользуется лексемой жикотъ (как правило, только в значении 'жизнь, срок жизни, продолжительность, определенный период жизни', причем в составе устойчивой формулы *каса мѣта жикота*...); ни *инста свсучѣли рачивзвѣбѣци на нозѣ екси · каса мѣта жикота* *скоего*. 11в (жизнь, срок жизни); ...*ѣко да каса мѣта жикота епифана съ нимъ пребоудеши* 66б (жизнь, продолжительность жизни) и др.

Укажем единственный случай употребления для греч. ζωή славянской лексемы житие: *слава дакцоумоу намъ жити е боу каѣтѣхъ. и [славацемоу] славацама и · ѣко же [рече] вѣссласкене се слоко · славацама ма прславию...* 65г. ... *парѣхонтѣ то ζήν...*, р. 73).

Данный контекст позволяет толковать значение слишком широко: 'жизнь, существование, средства к жизни, средства пропитания'. В латинском тексте имеем: *Gloria Deo nobis praebet ut vivamus...* (р. 73), т. е.: 'Слава Богу, который дает нам жизнь (существование)', но возможно 'питание, средства к жизни', поскольку в латинском языке глагол *vivēre* характеризуется целым набором сем: 1) жить (существовать); 2) пользоваться жизнью, благоденствовать; 3) жить, проживать, обитать; 4) жить чем-либо, питаться, кормиться, — из которых в нашем примере с одинаковой вероятностью могли актуализироваться и первая, и четвертая семы.

Семантический диапазон греч. βίος 'жизнь, продолжительность, определенный период, срок жизни; период существования человека', но также 'образ жизни', 'средства к жизни' и т. д. оказался значительно шире, чем у греч. ζωή. Это соотношение, отраженное в тексте греческого оригинала, сохранено славянским переводчиком ЖЕ. В качестве славянского эквивалента используется исключительно лексема житие: ...*псдаета во вѣ питани вѣа вѣ житии семѣ*. 83в-г ('жизнь, существование человека'): ...*всудѣта чѣнца вѣскрѣсени · и не печалсучи [с] вѣхсдацкѣхъ стъ житиѣ семѣ*. 82г. ('жизнь, противоположное смерти; земная жизнь'); и по *тѣтѣхъ днахъ сѣтаки житиѣ*. 89б ('земная, телесная, жизнь в противоположность духовной') и т. д. Аналогично в ряде сочетаний *чѣрмачкѣсе, исчѣкѣсе житиѣ; дсврсѣ, прѣвѣдѣсе житиѣ* (для обозначения определенного образа жизни и понятий, связанных с благочестивой, соответствующей религиозным правилам жизнью): *не можеша чѣдо · сѣтрсѣ сию имѣи · чѣ рѣна чѣска житиѣ сѣвѣсти · нѣ ѡдажа ю мѣжу · и дѣжа еи тѣтѣскѣни дсвѣдѣнѣ*. 9в ('монашеский образ жизни'); ...*хсцсѣ же крѣстѣмъ бѣчи · и инсчѣскама житиѣма псжити*. 96в ('иноческий, монашеский образ жизни'); ...*нѣ мѣжуа чѣты · инсчѣма житиѣма жѣксѣца · и вѣсвѣца искушѣнѣа*. 64г ('иноческий, монашеский образ жизни') и др., или: ...*гсѣла архидѣка ексего мѣжуа речика · прѣвѣма житиѣма сѣтрсѣна · имѣнама еучсѣхитѣ*. 98а ('благочестивый, основанный на правде, справедливости, в соответствии с религиозными правилами образ жизни'); *вѣше же етѣрѣ дѣкѣ вѣ епѣни имѣнама сѣвѣнѣ · сумѣта кѣнига дсвѣтѣ пѣати крѣстѣкѣ вѣло и прѣвѣма житиѣма*

оустроенъ. 876-в ('благочестивый, в соответствии с религиозными правилами образ жизни'); *кѣсхотѣша чаранаци быти и шадѣше къ поустыню вѣдоху вѣс лица мнѣга · жити ема добрѣма оутвареми*. 95г—96а ('образ жизни справедливый, честный; служащий примером для других') и т. д.

Как явствует из приведенного материала, в славянском тексте ЖЕ лексема *жити* достаточно многозначна: несмотря на то что актуализировались фактически только две из нескольких ее сем, наблюдается своеобразное «дробление» и дальнейшая семантическая дифференциация.

Также славянской лексемой *жити* переданы в ЖЕ понятия, выражаемые греч. *πολίτεια* 'гражданский образ жизни; гражданские права, гражданство; государственное дело, государственное устройство' и т. д., *διαγωγή* 'условия, образ жизни; времяпрепровождение; развитие' 'κατοικησία' 'жилище, местопребывание'; 'местопребывание, жительство; жилище', но возможно и 'жизнь, существование человека': иди *къ ламинию чдо · обрацещи мѣсто на жити е тамо*. 55а (*ἐπί κατοικησία*); *рѣчарти сию землю · и стѣкори из нѣа кодѣ истѣкати · на жити е вѣрнѣхъ члвкъ*. 30б (*ἐπί κατοικησία*); 'условия, образ жизни': *видѣвъ же философъ жити е и обычаи епифановы зѣло къзюми и*. 36в (*διαγωγή*); 'образ жизни, гражданский образ жизни': *се жити е избара и дрѣждаше епифанъ кѣса лѣта жикота своего*. 13г (*ταύτην τὴν πολιτείαν... ἅπαντα τοῦ χρόνου τῆς ζωῆς αὐτοῦ*, р. 33).

В последнем примере удачное стилистическое совмещение *жикотъ* — *жити* наглядно иллюстрирует характерную тенденцию переводчика ЖЕ — четкое разграничение в употреблении обеих лексем (*жикотъ* — только 'жизнь; срок, период жизни'; *жити* — 'образ, условия жизни; средства к жизни; жилище, местопребывание' и др.).

Представленный материал позволяет сделать некоторые заключения о характере использования самим славянским переводчиком ЖЕ лексем *жикотъ*, *жити*, повлиявшем на выбор при переводе в каждом конкретном случае определенной лексемы, а также обусловившем своеобразное семантическое «перераспределение» между обоими славянскими эквивалентами для греч. *ζωή* и *βίος*. Очевидно стремление переводчика к четкой семантической дифференциации славянских лексем (с учетом особенностей семантики их греческих эквивалентов) и закреплению за каждой из них определенного (единственного) значения. Таким образом, произошло сужение семантического диапазона лексемы *жикотъ* (за ней закрепляется только значение 'жизнь') и расширение семантической сферы у лексемы *жити* ('жизнь, образ жизни, условия жизни; средства к жизни; жилище, местопребывание' и т. д.). Четкое и последовательно проведенное переводчиком ЖЕ разграничение семантических сфер славянских лексем *жикотъ* — *жити* (семантическое объяснение вариативности следует исключить, поскольку речь идет о контекстуальных синонимах)¹¹ позволяет усматривать здесь отражение одного из его основных переводческих принципов — стремления к лаконичности перевода, четкости, ясности изложения, потребовавшего устранения нежелательной в данном случае многозначности обеих лексем в славянском тексте с помощью соответствующей перегруппировки некоторых членов их общего семантического ряда.

Материал других списков ЖЕ не приводится, поскольку интересующие нас чтения почти полностью совпадают в них с соответствующими чтениями Соф. 1326. Отметим лишь ... да вы скорее мимо шала *жити* и оумарла (Соф. 1321, Соф. 1375); ... да вы скорее оумарла (Соф.

¹¹ Е. М. Верещагин. Там же, стр. 63.

1357) при ... да бы скорее мимо шала житие се. 796 (Соф. 1326, Син. 1063/4, Пог. 71⁶); и оца бо мси изиде жития члччаска оумаре (Соф. 1321, Соф. 1375), оца бо мои оумаре (Соф. 1357) при оца бо мои изиде жития члччаска. Зв (Соф. 1326, Син. 1063/4, Пог. 71⁶)¹².

4. *χρονος*: жикотъ со лѣто, житие; лѣто 63а, 91в, 96б-в, лѣта 11в, 13г, 66б, 80б, лѣтѣхъ 72б, лѣтоу 5г; году (д. п.) 16в; вѣтма 16а, 89в.

Результатом последовательного устранения полисемии лексем в тексте славянского перевода могло явиться и сознательное ограничение возможности выбора соответствующих славянских эквивалентов при передаче греч. *χρονος*. Для передачи греч. *χρονος*, обозначающего понятие времени вообще, также 'бесконечное время', 'пора' и т. д., из трех имевшихся славянских эквивалентов выбирается единственный — лѣто¹³.

Возможно, лексемы жикотъ и житие из числа допустимых вариантов исключаются, чтобы избежать появления нежелательной многозначности, осложняющей восприятие славянского текста. В таком случае решение переводчика следует признать в известной мере спорным, поскольку употребление жикотъ, житие в указанном значении (для передачи понятий, связанных со временем *χρονος* в определенном контексте, как кажется, не могло привести к сколько-нибудь серьезным затруднениям семантического плана.

Приведем соответствующий материал ЖЕ. В значении 'время (вообще); длительный, неопределенный промежуток времени' славянская лексема лѣто встретилась только в сочетаниях *кѣл лѣта жикста* (кскего) (11в, 13г, 66б), *кѣл (чкста) лѣта* (80б): ... ни инста бссутѣли рачи кзвкѣтци на нозѣ кси кѣл лѣта жикста кскего... 11в; ... имѣи на оумѣ непрѣстаннѣ сего (Бога) и бсудета ти стѣна кз кѣл тѣста лѣта. 80б.

Обычно лѣто употребляется в славянском тексте в значении 'год, определенный промежуток времени, срок' для передачи греч. *χρονος*, а также в сложных конструкциях типа *τριητός χρονος πενταετός* ('χρονος: лѣтоу же минуокзшоу рече мѣи епифанска кз немюу... 5г. (речь идет о том, что спустя год после смерти отца мать отдает Епифания на обучение законоучителю по имени Трифон); тзгда аркадз и енори придоста кз римз и прѣвѣмѣта е лѣт оу неа. 91в (... πενταετη χρονον..., р. 96); стзтвори же кз ккснсмѣткѣт г лѣта. 96б (... τριετη χρονος, р. 100).

Дважды в ЖЕ зафиксирована лексема вѣтма для передачи греч. *χρονος* (в качестве характерного варианта обеих переводческих школ вѣтма известно для греч. *καιρός*) всегда только в составе греческих сочетаний типа *τριμηνιαίος χρονος* ('трехмесячный промежуток времени'), *επταμηνιαίος χρονος* ('семимесячный промежуток времени'): епифанюу же трие мѣи вѣтма. вѣтма имз хсдащемз кзстззаше на отз ксего безоумна. 16а; ... и вѣт же лежа на сдрѣ вѣтма з мѣд. 89в.

Строго говоря, с точки зрения соотношения сем греч. *χρονος* и слав. лѣто (в плане их содержания и взаимного распределения в греческом и славянском языках) этот выбор не может считаться абсолютно точным (в славянском переводе для греч. *χρονος* более удачным эквивалентом

¹² В дальнейшем, в тех случаях, когда привлекаемые для сопоставления списки ЖЕ обнаруживают полное совпадение в определенных чтениях с Соф. 1326 (что позволило оперировать при анализе соответствующего лексического материала только данными Соф. 1326), показания сопоставляемых списков не приводятся. ■ ■

¹³ Вопрос об использовании в качестве эквивалента для греч. *χρονος* славянской лексемы годъ и некоторых других рассматривается нами в специальной работе.

следует признать лексему $\kappa\rho\acute{\iota}\mu\alpha$ 'время (вообще); неопределенное время, срок', однако он вполне оправдан и произведен в полном соответствии с требованиями нормы древнеславянского литературно-письменного языка (в славянском тексте было бы невозможно: $\rho\sigma\upsilon\kappa\alpha$ же ей в $\beta\acute{\alpha}\tau\eta\sigma\epsilon$ ослаблена: $\cdot\iota\cdot\tau\omicron\sigma\epsilon$ к $\rho\acute{\iota}\mu\alpha$ и под.).

Очевидно исключительное внимание славянского переводчика ЖЕ к смысловой стороне перевода. Именно этим обусловлен выбор соответствующих славянских слов (и, в зависимости от этого, установление определенного соотношения между греческими лексемами и их славянскими эквивалентами) при передаче группы греческих лексем, обозначающих время и связанные с ним понятия ($\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ $\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$, $\acute{\epsilon}\nu\lambda\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$). Так, за греч. $\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$ 'год, определенный промежуток времени'; также 'возраст' закрепляется славянская лексема $\mu\acute{\epsilon}\tau\omicron$ с общим значением 'год, определенный период времени; возраст': ... $\kappa\alpha\tilde{\iota}\nu\iota\delta\omicron\chi\omicron\upsilon\kappa\acute{\alpha}\tau\cdot\eta\alpha\kappa\omicron\upsilon\kappa\omicron\mu\acute{\alpha}\cdot$ и $\rho\acute{\tau}\beta\eta\chi\omicron\upsilon\kappa\acute{\alpha}\tau\ \tau\omicron\upsilon\cdot\tilde{\alpha}\cdot\mu\acute{\epsilon}\tau\cdot$ 47а (год; определенный период времени); нечистыми же $\alpha\chi\zeta$ кричалище великимъ гламъ епифане женещи ма отъ мѣста своего кѣ лѣтѣ ма. 17г (т. е. по прошествии двенадцати лет; ср. греч.: ... $\delta\iota\omega\chi\epsilon\iota\varsigma$ $\mu\epsilon\tau\ \dots$ $\delta\iota\alpha\ \chi\beta'$ $\acute{\epsilon}\tau\omega\nu$ ... р. 37); о возрасте: вѣташе же епифанъ кѣ и гѣ лѣтѣ егда сѧ постръже. 12г. и т. д.

Для передачи греч. $\acute{\epsilon}\nu\lambda\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ 'год: цикл времени, век' слав. $\mu\acute{\epsilon}\tau\omicron$ употребляется только в значении 'год, определенный промежуток времени': сего мѣнаахоу имоуща къ епискоупастѣтѣ ѿ ѿ ѿ лѣтѣ. 56б; $\rho\acute{\tau}\beta\eta$ же епифанъ лѣтѣ чѣло къ мирѣ [Вар.: къ римѣ] 83б и др.

В таком значении обе славянские лексемы известны значительному кругу текстов восточнославянского и южнославянского происхождения.

5. $\chi\omega\rho\alpha$ земля (земля) $\sigma\tau\rho\alpha\mu\alpha$; къ земли 94г, землю 18г, земля (р. п.) 95б, на землю 27в, 37в.

Для передачи греч. $\chi\omega\rho\alpha$ 'пространство; промежуток, расстояние; место, местоположение'; также 'область, край, страна' и т. д. используется слав. земля (характерный вариант переводов кирилло-мефодиевского периода древнеславянской письменности): глачъ епифану къ црѣ поиди црѣ сѧ кон скоими прокода ны на землю нашю. 27в ('край, территория'); вѣахоу же ны къ купрѣстѣи земли ераги ѿже соуга сѧ сакелитанане офистане... 94г ('страна, область') и т. д.

Лексема $\sigma\tau\rho\alpha\mu\alpha$ употреблена переводчиком только для греч. $\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ 'часть, доля; сторона; личность'; перен. 'часть, отношение'; рл. 'пределы, территория': ... и оумысликъ огакиги мѣсто то и иги на страны егуптаскага. 41г (край, страна, территория); идоучемъ же нѣма къшанѣга страны фикаиды срѣте на единѣ чарозраца. 43в ('территория, часть?'). Как видно, в этом случае переводчик достаточно четко разграничивает семантические сферы каждой из лексем и стремится не допустить какого-либо их пересечения.

В тех немногих случаях, когда решение переводчика может представляться недостаточно обоснованным, оказывается, что он следовал за греческим оригиналом. Ср.: $\chi\omega\rho\alpha$ къ выгѣ отѣ на землю фулкинскоу [ити] и поискаги епифана. 37в-г) ... $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\eta\ \chi\omega\rho\alpha\ \tau\omicron\nu\ \Phi\upsilon\lambda\iota\kappa\omicron\nu$ ... , р. 52) и ... и оумысликъ огакиги мѣсто то и иги на страны егуптаскага. 41г (св. Елифаній, не имеющий покоя из-за множества приходящих в монастырь людей, решает покинуть это место и отправиться в Египетскую землю; ... $\acute{\epsilon}\pi\iota\ \tau\acute{\alpha}\ \mu\acute{\epsilon}\rho\eta\ \text{'}\text{A}\gamma\acute{\iota}\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \dots$, р. 56).

Во втором примере тоже следовало бы ожидать лексемы *земла* 'страна, земля; край', однако здесь переводчик в соответствии с греческим текстом предпочел употребить слав. *страна*. К нарушению семантических связей это не привело, поскольку в число характерных сем для греч. *μέρος* входит и сема 'территория (край, земля)'.

Между тем лексема *земла* в ЖЕ передает также различные оттенки многозначного греч. *γῆ* 'земля; земля как стихия и вещество; земля, суша, почва; страна, край, земля; земельное владение' и т. д.; 'земля, почва (поверхность, верхний слой коры планеты)': *επιφανη* же лежаше на зѣмли плача *са* и не могъи *кзстати*. 4г и др.; 'земля, почва (как объект землевладения)': и помоли *ба* да не^кз^ли *дас^та* *дзжда* на зѣмлю да *сзткорит^а* зѣмла *иношениа* *сста*. 51а; 'земля, земельное владение': оуже зѣмла наша *праздана* *сста*. ни оутѣшениа *намз* ни коего же *отгз* *неа* *сста*. 5г—6а (имеется в виду земельный участок, поле); 'земля как стихия, вещество, твердая субстанция, суша': не *кзкрасноути* *сеи* *плати*... а и *ксеи* зѣмли [вар.: *сеи* *кз* зѣмли] *раздросушигн* *са*... зѣмла *сеи*. и *кз* зѣмлю *идеши* 44г; 'страна, край': *слабана* же бы^т *επιφана* *кз* *ксеи* зѣмли *εγυπταст^а* 49г.

Таким образом, определенное наложение семантических полей у лексем *земла* (1), *земла* (2) и *страна* (имеем в виду только их роль в качестве эквивалентов для греч. *γῆ*, *χώρα*, *μέρος*) все же произошло, что привело к некоторому нарушению известного принципа переводчика ЖЕ — устранения многозначности лексем в тексте славянского перевода. Наглядной иллюстрацией сказанного может служить следующая цитата: и *поискажше* *касю* зѣмлю (*χώρα*) *финичаскоу* не *обратоса*... *оки* же *отгз* *нихз*... *Ако* *прелогати* и *касю* зѣмлю (*γῆ*) *финичаскоюу* *лоуками* *сзгладати*... *хогаце*. 18г.

С точки зрения нормы древнеславянского литературно-письменного языка предлагаемый выбор может считаться безупречным (стилистические и семантические требования соблюдены полностью). Лексема *земла* являлась для переводчика основным (и, по сути дела, единственным) славянским эквивалентом при передаче и греч. *χώρα* и греч. *γῆ*. Но семы греческих лексем *χώρα* и *γῆ* совпадают между собой только частично, и можно полагать, что и в тексте оригинала семантическая дифференциация *τῆν χώραν τῶν Φοινίκων* и *τῆν γῆν*... *τῆν Φοινίκων* несомненно ощущалась. В славянском переводе перед нами одна и та же лексема — для передачи двух различных греческих, что, по-видимому, отражает существовавшую полисемию.

Подобные отступления от основного переводческого принципа невозможно объяснить внутренними закономерностями переводящего языка. Полагаем, что в нашем случае соответствующее распределение лексем *земла* — *страна* следует мотивировать исключительно индивидуальным решением переводчика. Как известно, неадекватные решения переводчика для каждого конкретного случая обусловлены своими конкретными причинами. Приведенный материал (и некоторые другие случаи) с несомненностью свидетельствует об известном стремлении переводчика ЖЕ избежать употребления некоторых славянских лексем (в определенном значении). В свою очередь, вероятность выбора слова из нескольких возможных зависит от ряда факторов (в том числе и внелингвистического характера)¹⁴, связанных с индивидуальностью самого переводчика.

¹⁴ Специально этого] вопроса мы здесь не рассматриваем. См. об этом: Е. М. В е р е щ а г и н. Психологическая программа действия и лингвистическая модель: их связь. В кн. Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969, стр. 93 и др.

Использование в ЖЕ в качестве эквивалента к греч. *χώρα* славянской лексемы земля находит соответствие во многих южнославянских и древнерусских переводных и оригинальных памятниках. Употребление лексемы страна в указанном значении отмечаем в Остромировом евангелии 1056—1057 гг. и Пандектах Антиоха XI в.

6. *τράχηλος*: *кыи ѿ шиа*, *кыи*; на *кыю* 67б, 107г; *αὐχὴν* *кыю* 23в, 69в, 70в; *кыи* 23в (в РГ нет).

Для передачи греч. *τράχηλος* 'шея, шейка', также *αὐχὴν* 'шея, затылок; горло; ущелье, лощина; перешеек; пролив; разветвление' переводчик ЖЕ пользуется только славянской лексемой *кыи* 'шея'. Все конструкции, как правило, однотипны: и *нападѣ епифанѣ на кыю исаню · плака са и обласвыза и.* 67б. ... и *нападѣша на кыю его азѣ и исакѣ · плакаховѣ са горацѣ.* 107г; а также: ... *тсмуу вртѣдѣ изиде и скрочи емсу вѣсу кыю и судаки и · и сумаре.* 69в; *епифанѣ же пристѣпи и ксесу са сдрѣ · и кыю потѣра отрскоу.* ... 70в.

Известно, что в более ранних памятниках (имеются в виду прежде всего старославянские памятники)¹⁵ лексема *шиа* встречается достаточно редко, так что в некотором смысле она может считаться для них *haraх legomenon*¹⁶; полагают, что последующая замена общеупотребительного *кыи* на *шиа* была произведена уже в памятниках восточноболгарской редакции¹⁷ (ср., например, Супрасльская рукопись XI в., Пандекты Антиоха XI в., XIII слов Григория Богослова XI в. и некоторые другие).

Лексический материал, извлеченный из древнеславянских переводных и оригинальных памятников XI—XIII вв., свидетельствует о достаточно свободном употреблении слав. *кыи* и *шиа*, причем *шиа* соответствует обычно греч. *τράχηλος*.

Указать возможные причины, определившие соответствующий выбор переводчика ЖЕ (*кыи* вместо *шиа*), представляется весьма затруднительным. Не исключено, что подобное решение переводчика обусловлено характером функционирования лексемы *кыи* в языковой среде, связанной с возникновением перевода (данная лексема могла быть непонятна в конкретной языковой среде или вообще неизвестна).

7. *ἀνίστημι*: *кѣскраснѣти ѿ кѣстѣти*; *кѣскраснѣти* 44г, не *кѣскраснѣти* 45б; *кѣскраснѣти* — 83а, *кѣстѣти* 4г, *кѣстѣни* (пов. н.) 18а, 20г, 21б, 24г, 46г, 58б и т. д.; *кѣста* 22а, 28г, 46г, 69а и т. д., *кѣстаха* 71г, *кѣстанѣта* 83б, *кѣстѣта* 79в, *кѣстѣша* 51г, *кѣстанѣта* 81а, *кѣстѣта* 18а, 26г.

Семантическая многоплановость греч. *ἀνίστημι* не только повлияла на семантическую структуру и взаимное распределение сем у имеющих славянских эквивалентов, но и способствовала значительному расширению круга допустимых в качестве эквивалентов славянских лексем.

Для передачи греческого глагола *ἀνίστημι* 'поднимать, помогать или велеть встать; поднимать от сна, будить; пробуждать, воскрешать; воздвигать, возводить, сооружать' и т. д. в ЖЕ используются слав. *кѣскраснѣти*, *кѣстѣти* и *кѣскраснѣти*, *кѣстѣкити*. Последняя лексема известна в соответствующем значении, по-видимому, менее широкому кругу древнеславянских памятников, чем характерные варианты кирилло-мефодиевских и симоновских переводов *кѣскраснѣти* (*кѣскраснѣти*) и *кѣстѣти*.

Пары *кѣскраснѣти*—*кѣстѣти* и *кѣскраснѣти*—*кѣстѣкити* характеризуют различные субъектно-объектные отношения. Глаголы первой группы пе-

¹⁵ Ассеманиево, Остромирово, Мариинское, Зографское евангелия, Саввина книга, Клопов сборник, Синайская псалтырь и др.

¹⁶ См. Р. М. Цейтлин. Из наблюдений над лексикой..., стр. 263.

¹⁷ А. С. Львов. Исследование «Речи философа». В кн. Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, стр. 361.

редают действие, производимое обычно самим субъектом. У глаголов второй группы соответствующей глагольной лексемой выражено действие, совершаемое субъектом и направленное на конкретный объект.

Глагол *кзскраснѹти* употреблен в ЖЕ только в значении 'воскреснуть, сделаться вновь живым, ожить': *пришадз же о кзскрасени сзпокѣдати глааше о пазти како не кзскраснетъ. 45б. аще бо хѣ помошника имоуще кз хѣ свѣткосте сѧ. имамз бо инзгда мѣртво быкъшее. и кзскраснѹе кз приштз бѣтъ. 82г—83а, и т. д.*

Лексема *кзстати* обычно передает значение 'встать, подняться (с земли)': *епифанз же неистокѣсткзма ослаате кржонз кз бедроу скон лежаше на земли плача сѧ. и не могын кзстати 4в-г; ... отъ страха же кзсташа вси отъ трапезы... 51г; епифанѹ же идоущи кз оустрои. приде близъ цѣра. онз же кзстакз отъ престола. положи цѣстко на земли. 26г. и мн. др. Но ср.: ... рече кз чкорошнмоу сѧ мѣртѹеу. кзстани рече брате... 76а-б ('вновь стать живым, воскреснуть'); также: а фаустрианз падз ница и бы^с како мѣрткз. пристоуплз епифанз кз фаустрианѹ. иа и за роукоу гла кзстани рече чадо... иди сздравз кз дсма скон. 78а ('стать здоровым; ожить, воскреснуть?'), где соответствующий контекст предполагает для указанной лексемы иное семантическое наполнение. Лексема *кзстати* служит для передачи определенного лексического значения, связанного с понятием оживления, воскрешения из мертвых (в религиозно-мистических представлениях), и в этом употреблении синонимична слав. *кзскрасити*.*

Лексема *кзскрасити* используется в значении 'воскресить, оживить, вновь сделать живым': *... рѣста же цѣра кз епифанѹ аще кзскрасиши дѣтица. кѣроуекѣ и крѣстикѣ сѧ. 81а; ... видѣкъша же цѣра как кзскраси епифанз мѣткою. отрока. молиста епифана... 81б.*

В том же значении, что и *кзскрасити*, употребляется славянский глагол *кзстакити*: *сне бжии рекам. иже четкаряданеканого лазора из мѣрткых кзстаки. ты кзстаки мѣрткыца сѧ. 28в-г ('оживить, вновь сделать живым'); ... да сѧ помозиши о снѣ его. како да оумаре. да бы кзстакилз. 70а ('воскресить, оживить'); [и видѣкъз и мѣрткѣ рече кз себѣ] се да текоу и покѣта странѹмоу кинѣ. да и кзстакитѣ. 76б ('оживить, воскресить') и т. д.*

Лишь дважды лексема *кзстакити* встретилась в значении 'поднять с земли, помочь встать' и под.: и егда кзниде еписз. падоста ница и мсласта сѧ да бы а проскѣтилз. и наоучикз а безз обнокления. покѣтѣ кзстакити а. 10г—11а; епифанз же... лежаше на земли плача сѧ. и не мсгын кзстати клескии же пристоуплз кз епифанки. и имз за бедроу его... и прекрѣстикыи тришадз. абие кзстаки и. 4г—5а.

Следует отметить использование славянских глаголов *кзскрасити*, *кзстакити* для передачи греч. *ἐγείρω* 'будить, пробуждать; воскрешать', перен. 'восстанавливать, отстраивать; побуждать, подгонять; воздвигать, строить' и т. д. Семантическая близость греческих лексем *ἀνίστημι* и *ἐγείρω* делает такой выбор славянского переводчика вполне допустимым.

... *пришадз великын епифанз. да бы кзстакилз отрока... 69г ('вновь сделать живым, воскресить'); речь идет о воскрешении умершего подростка); ... крѣсти же сѧ самз и жена его. и [снз] его же кзстаки оумарзша епифанз. 71а ('оживить, воскресить'); се бо сѧ его же видиши оумарзшаго злодѣтима. еста оуморенз. нз; кз мои прѣтаженын на дрѣтѣ сего кзскраситѣ предз лицама кѣстхз. вѣсз. 28в ('сделать вновь живым, оживить').*

Интересен пример: ... помоли са оче о отрѣцѣ. да бы възтавилъ жикѣ мѣри своѣи. 80г, где наблюдается своеобразная контаминация слав. възтавити и въздати жикѣ 'оживить, воскресить' (для греч. ἀνίστημι). Часть позднейших списков ЖЕ отразила чтение Соф. 1326: възтавилъ жикѣ (Соф. 1321, Соф. 1375), в других представлено чтение Син. 1063/4: въздалъ жикѣ (Соф. 1357).

Вопрос о том, какое из чтений передает чтение протографа, а какое могло явиться в результате последующей правки, требует предварительного текстологического анализа. Мы не касаемся здесь вопросов текстологического плана, связанных с выявлением первоначальных чтений и характером позднейших замен, поскольку это не обусловлено задачами данного исследования. Для наших целей исключительно важной является сама возможность подобной замены, с несомненностью свидетельствующей о значительной семантической близости обоих членов лексического ряда.

8. νῆσος: отскъ съ отскъ; къ отскъ 44а, къ отскѣ 95в, изъ отска 95а, б, в; къ отска 49г (в РГ нет).

В качестве славянского эквивалента для греч. νῆσος 'остров', выступает лексема отскъ: иди къ купраскини отсрокъ и кърми скача на одежу. 44а; ... иже са не покорища · то дѣне отгъгнани баша изъ отсрока. 95в; ... иже оца епифана... не послушаега... то да изидега изъ отсрока. 95б; ... да на бы повелениема цркъма отгъгнала изъ отсрока. 95а; ... да жикутѣ къ отсворѣ оучими свѣцима оцма епифанма... 95в.

Как показывает представленный в ЖЕ иллюстративный материал, лексема отскъ употребляется в однотипных конструкциях, сходных контекстах. Согласно филологической традиции, славянскую лексему отсрокъ принято считать характерной чертой текств восточноболгарского происхождения¹⁸, таких, как Супрасльская рукопись, Пандекты Антиоха, Изборник 1073 г., Откровения Мефодия Патарского и т. д. Это положение нуждается в некотором уточнении. Действительно, лексема отсрокъ зафиксирована в текстах восточноболгарского происхождения. Однако и в русских памятниках отмечается обилие примеров употребления указанной лексемы, тогда как отокъ 'остров' в них не встречается.

Таким образом, при решении вопроса о происхождении текста необходимо учитывать характер употребления и соотношение эквивалентов отскъ — отсрокъ) для греч. νῆσος, а также определенный выбор в пользу (той или иной лексемы в совокупности с другим материалом подобного рода.

9. διατρέφω: (прѣ)питѣти съ (прѣ)кърмити; прекърмитѣ 1в; пскърмити 73а; покърмити са 2а (πρὸς διατρέφην χρεῖαν); питѣти 83г.

Для многозначного греческого глагола διατρέφω 'прокармливать, питать, содержать; кормиться чем-либо' используются славянские лексемы (по)кърмити, прекърмити: тоужаше же мѣти его · како прекърмитѣ блженнаго епифана... 1в-г ('кормить, содержать'). ... поими оцла се... и шѣдѣ на тѣрѣга продажа е · да на бѣдетѣ чима покърмити са 2а ('питаться, кормиться чем-либо' и т. д.).

Такое употребление обоих славянских глаголов для передачи греч. διατρέφω отмечается в большинстве древнерусских и южнославянских памятников.

Впрочем, переводчику мог быть известен и характерный вариант переводов кирилло-мефодиевского периода древнеславянской письменнос-

¹⁸ См. А. С. Лвов. Очерки по лексике..., стр. 206.

ти: ...подаѣтъ бо бѣ питати кса кз житии семѣ. 83г ('кормить, содержать, питать').

При передаче греческих отглагольных существительных *διατροφή* 'пропитание, средства к жизни', *ἀποτροφή* 'пропитание (пища)' выбор делается также в пользу лексем, наиболее употребительных в текстах симеоновского периода древнеславянской письменности (конструкции чаще всего однотипные): ...даждь оубо... друуже добрыи · пшеницю на прѣкзрмление члвкма... 84в и далее: ...да ти дастъ пшеницю · на прѣкзрмление друугъ твоихъ. 84г ('средства к жизни, пропитание'); да... коупатъ пшеницю · на кзрмлю домоу скоемоу. 86а ('пропитание'); ...остати же женѣ феогноци едино сельце отъ него же кзрмлю имѣаше. 97в ('средства к жизни, пропитание'); ...сзвирѣхоу пшеницю кз скору храмы · на прѣкзрмление · мѣта кѣтго. 87а ('пропитание?'); ...и кздрасги земля много земли на наслаждение и пищуу нашуу. 30г (*εἰς ἀπόλαυσιν καὶ διατροφήν...*, р. 45, где *ἀπόλαυσις* '(ис)пользование, потребление; вкушение', также 'наслаждение, удовольствие'). В последнем случае употребление лексем *наслаждение*, *пища* в одном контексте (возможность такого сопоставления обусловлена в известной мере характером сочетаемости лексем) приводит к своеобразному перераспределению семантических акцентов, в результате чего в слав. *пища* (для греч. *διατροφή*) актуализируется сема 'пропитание'.

Закрепление за греч. *διατροφή*, *ἀποτροφή* в качестве эквивалентов именно *кзрмля*, *прѣкзрмление* (лексема *пища* служит для передачи многозначного греч. *τροφή* 'еда, пища, средства пропитания; образ жизни, поведение' и т. д.), возможно, связано с известным стремлением переводчика ЖЕ избежать на славянской почве многозначности лексем, нередко возникающей в процессе перевода¹⁹.

Таким образом, проведенный анализ лексического материала ЖЕ (представлена только часть выявленных лексических вариантов и их греческих эквивалентов) позволил обнаружить существование в работе славянского переводчика основных переводческих принципов, раскрывающих механизм древнеславянского перевода вообще, а также выявить некоторые закономерности перевода, характеризующие творческую манеру славянского переводчика ЖЕ.

Внимательное отношение к греческому тексту (особенно при переводе полисемных слов), а также учет широкого контекста в славянском, присущие славянскому переводчику, отразились и на качестве совершенного им перевода. Придерживаясь в основном характерного для древнеславянских переводов пословного принципа перевода²⁰, славянский переводчик ЖЕ (там, где это оказалось необходимым) последовательно, хотя и достаточно осторожно (всегда в соответствии с внутренними закономерностями славянской языковой нормы) пытается избежать появления нежелательной многозначности в тексте славянского перевода.

О высоком профессиональном уровне переводчика свидетельствует и выбор славянских эквивалентов для соответствующих греческих лексем. Особенно показательна в этом отношении группа так называемых

¹⁹ Ср. также своеобразную дифференциацию значений греческих лексем и их славянских эквивалентов при переводе: *βρώμα* 'еда, пища; наслаждение' — *вранине, жито* (но не *пища, еда*), *βρώσις* 'пища' — *еда* (но не *пища*); также *ἐδωδία* 'съестные припасы, продовольствие' — только *еда*.

²⁰ Термин заимствован у Е. М. Верещагина. См. Е. М. Верещагин. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование..., стр. 25 и след. Там же дано определение этого принципа.

персональных элементов перевода²¹ (те случаи, когда выбор в пользу того или иного слова мотивирован исключительно личным решением переводчика). Если в качестве славянского эквивалента (для соответствующей греческой лексемы) выступает в ряду возможных лексем, одинаково известная в текстах кирилло-мефодиевских и симеоновских переводов, выбор делается переводчиком всегда в пользу такой лексемы. Использование вариантов обеих переводящих школ, очевидно, наиболее убедительно можно объяснить учетом определенных стилистических требований перевода (устранение монотонности, тавтологичности греческого источника и проч.). Стремление избежать употребления одних лексем и известное тяготение к использованию других, вероятно, следует рассценивать как отражение в языке переводчика ЖЕ специфических черт, присущих определенной языковой среде, связанной с возникновением перевода. Характер использования указанных славянских лексем в качестве эквивалентов для соответствующих греческих лексем, а также принципы актуализации тех или иных сем (в зависимости от контекста) и некоторые другие особенности перевода позволяют говорить об известной близости ЖЕ к группе памятников южнославянского происхождения, таких, как Супрасльская рукопись XI в., Пандекты Антиоха XI в., Изборник 1073 г., XIII слов Григория Богослова и т. д. Однако окончательное решение этой проблемы представляется возможным только в результате специального исследования как семантико-стилистических особенностей словоупотребления, так и специфических черт, характеризующих фонетико-морфологическую и синтаксическую стороны перевода.

---

²¹ Там же, стр. 86—111, 173.

ПУБЛИКАЦИИ

Л. С. КИШКИН

ЗНАКОМСТВО И ПЕРЕПИСКА ФРАНТИШЕКА ПАЛАЦКОГО С В. А. ЖУКОВСКИМ

История чешско-русских культурных связей эпохи чешского национального Возрождения может быть пополнена некоторыми новыми интересными фактическими данными. Это позволяют сделать обнаруженные в Ленинграде и Праге письма известного чешского историка Франтишека Палацкого к поэту В. А. Жуковскому и Жуковского к Палацкому. Письма относятся к концу 20-х годов прошлого века, когда молодой Палацкий активно участвовал не только в научной и общественно-политической жизни Чехии (как это было позже), но и в литературной. Из переписки Палацкого с Жуковским следует, что они были лично знакомы, что Палацкий, будучи основателем и первым редактором «Журнала Чешского музея» (первоначальное название «Casopis společnosti vlasteneckého Muzeum v Sěchach»), настоятельно стремился к тому, чтобы это издание, в котором печатались не только научные статьи, но и художественные произведения, было известно русским читателям. В то же время переписка со всей очевидностью свидетельствует и о живом интересе русского поэта к чешской литературе, а также о благожелательном отношении с его стороны к начатому по инициативе Палацкого книжному обмену. Обо всем этом, насколько нам известно, в существующей литературе о чешско-русских культурных отношениях в начале XIX в. упоминаний не содержится¹.

Письмо Палацкого к Жуковскому написано на немецком языке². Приводим его текст с сохранением особенностей оригинала.

Hochwohlgeborener
Hochverehrter Herr

Als ich vor einem Jahre in Leipzig bei dem Hrn. Generalkonsul v. Freygang das Glück hatte, Ew. Hochwohlgeboren persönliche Bekanntschaft zu machen, übergab ich Ihnen die bis dahin erschienenen Hefte der bei den von mir redigierten Zeitschriften des böhmischen Nationalmuseums, und verordnete zugleich die künftige Zusendung der Fortsetzungen durch die Brockhaus'sische Buchhandlung in Leipzig an Sie nach S. Petersburg. Die Theilnahme und Aufmerksamkeit, welche Sie Unsern literarischen Bestrebungen schenkten, läßt mich hoffen, dass es Ihnen nicht unangenehm seyn werde,

¹ См., в частности, работы: В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902; J. Jirasek. Rusko a my, d. 1—4. Praha — Brno, 1945—1946.

² Оригинал находится в Ленинграде в Отделе рукописей ИРЛИ (Пушкинский дом), шифр 28193 ССПб. 93.

аuch vorzeitig von dem, was wir zu leisten uns bemühen, Kenntniss zu erhalten. Allein ich besorge sehr, dass die von hier abgesendeten Exemplare den weiten Weg nach Petersburg vielleicht nicht finden und ihre Bestimmung verfehlen.

Es würde mich daher ausserordentlich freuen, wenn Ew. Hochwohlgeboren die Güte haben wollten, mich mit einigen Worten zu unterrichten, ob und welche Hefte der böhmischen Museumsblätter bei Ihnen angelangt sind. Bewährt Sich die Verlässlichkeit dieses Transportweges, so wird es mir ein grosses Vergnügen seyn, Ihnen künftig auch andere vorzüglichere Producte der neuesten böhmischen Literatur zukommen zu lassen. Leider ist die Zahl derselben nicht so beträchtlich, dass ihr Transport deshalb anstand finden könnte. Ew. Hochwohlgeboren ausgezeichnete Verdienste, so wie die mir bewiesene freundlich wohlwollende Gesinnung, erregen meinen lebhaften Wunsch, dass Sie dieses vom Gefühle der reinsten Dankbarkeit eingegebene Anerbieten, wie auch die Versicherung der innigsten Verehrung, gütig aufnehmen möchten, womit ich die Ehre habe Zu beharren

Ew. Hochwohlgeboren

Prag, den 23 April, 1828

ergebenster
Franz Palacky
böhm. ständischer
Historiograph und
Redacteur der
Zeitschriften des b.
Museums

Высокородный глубокоуважаемый господин!

Когда год назад я имел счастье лично познакомиться с вашим высокоородием в Лейпциге у господина генерального консула фон Фрейганга, я передал Вам вышедшие к тому времени тетради обоих редактируемых мною журналов Чешского национального музея³ и при этом обещал пересылку последующих изданий к Вам в Петербург через Брокгаузовскую книготорговлю в Лейпциге. Участие и внимание, которые Вы проявили к нашим литературным стремлениям, позволяют мне надеяться, что Вам не будет неприятно наше намерение своевременно поставить Вас в известность о том, чего мы достигли. Однако я очень озабочен тем, что посланные отсюда экземпляры на далеком пути в Петербург могут задержаться и утратить свое значение.

Меня поэтому чрезвычайно обрадовало бы, если бы, Ваше высокородие, были бы так добры и сообщили мне в нескольких словах, пришли ли и какие именно тетради изданий Чешского музея. Если этот транспортный путь будет надежным, то для меня было бы большим удовольствием послать Вам в будущем и другие превосходные произведения новейшей чешской литературы. К сожалению, их число не столь значительно и пересылка не составит затруднения. Вашему высокородию принадлежит большая заслуга, что Вы проявили дружеское расположение к моим горячим желанием, что Вы с ответным чувством благодарности поддер-

³ Первоначально «Журнал Чешского музея» выходил в двух вариантах, на чешском и немецком языках. Помимо упомянутого выше чешского издания, до 1831 г. одновременно выходило еще и немецкое — «Monatsschrift der Gesellschaft des Vaterländischen Museums in Böhmen». Поскольку оба названных журнала начали выходить в 1827 г., а Жуковский находился в одной из своих заграничных поездок с 1826 по 1827 г., можно думать, что встреча Палацкого с Жуковским состоялась в середине или второй половине 1827 г.

живаєте мое предложение ⁴. Примите так же любезно уверения в глубочайшем уважении, в котором к Вам прибывает
вашего высокородия

Прага, 23 апреля 1828

покорный слуга Франц Палацкий,
чеш. сословный историограф и редактор
«Журнала Чешского музея»

Посланные Палацким экземпляры «Журнала Чешского музея», по-видимому, действительно долго шли в Петербург. Жуковский ответил ему лишь более года спустя — на французском языке ⁵:

Monsieur,

Il n'y a pas bien longtemps que j'ai eu le plaisir de recevoir le paquet que vous avez eu la bonté de m'envoyer. Agréé, je vous prie, mes sincères remerciements pour votre aimable souvenir, et pour la jouissance que m'a apporté grâce à vous la lecture de votre journal. Cette activité qu'il règne chez vous un grand mouvement dans la littérature et que vous êtes riches en hommes de mérite qui la feront fleurir et la soutiendront. Il m'aurait été très agréable de pouvoir vous payer par quelque chose qui put avoir autant de valeur que ce que vous m'avez envoyé. Mais le genre de mes occupations présentes m'a presque rendu étranger à tout travail littéraire: mes propres poésies ne sont pour moi qu'une ancienne tradition. Je vous en ai promis un exemplaire et il me serait très agréable de vous l'envoyer. Veuillez je vous prie m'indiquer un moyen sûr pour effectuer cet envoi: n'avez vous pas quelque correspondant à Pétersbourg auquel je puisse m'adresser.

Recevez je vous prie les assurances de la sincère considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très humble serviteur

Joukoffsky

à $\frac{12}{24}$ octobr. 1829

S. P.-bourgs.

Сударь!

Недавно я имел удовольствие получить пакет, который Вы соблагволили послать мне. Прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за Вашу любезность и за радость, доставленную мне Вашим журналом. Знакомство с ним убедило меня, что у Вас в литературе царит большое оживление, что у Вас очень много достойных людей, которые смогут содействовать ее расцвету. Мне было бы очень приятно ответить Вам тем же — отправить Вам несколько вещей, которые, возможно, представляли бы такую же ценность, как и те, что Вы прислали мне. Однако мои теперешние занятия меня почти целиком оторвали от всякого литературного труда ⁶: мои собственные стихотворения стали для меня далеким прошлым. Я обещал Вам один экземпляр и мне будет приятно отправить Вам

⁴ Как это очевидно из контекста обоих публикуемых писем, во время встречи в Лейпциге Палацкий беседовал с Жуковским о книжном обмене, взаимной литературной информации, иными словами о литературном сотрудничестве.

⁵ Оригинал письма находится в Праге в Рукописном отделе Музея чешской литературы (Rossica, 1020).

⁶ В 1826 г. Жуковский был назначен воспитателем наследника (будущего царя Александра II), что мешало его литературным занятиям.

его⁷. Сблаговолите указать мне средство осуществления этого. Может быть, у Вас в Петербурге есть лицо, с которым Вы поддерживаете отношения, или каким-нибудь иным путем.

Примите, сударь, выражение моего самого искреннего уважения,

имею честь быть Вашим покорным слугой

12/24 октября 1829

С. Петербург

Жуковский

Переписка Палацкого с Жуковским дополняет собой общую картину чешско-русских литературных отношений в 20-е годы прошлого столетия. И хотя мы не знаем, какие именно выпуски «Журнала Чешского музея» читал Жуковский, тем не менее с достаточной степенью достоверности можно предположить, что среди них были первые выпуски, в том числе и тот, что содержал статью Палацкого «Эстетика или О красоте и искусстве»⁸ (1827), которая была одной из первых чешских работ по эстетике. В ней нашли отражение взгляды, характерные для чешской литературы периода перехода от классицизма к романтизму. Существенно еще и то, что в конце 20-х годов «Журнал Чешского музея», или как его часто называют «Музейник», был основным репрезентантом не только литературной и научной Чехии, но и всей чешской культуры эпохи национального Возрождения. Трудно представить себе, чтобы, знакомясь с чешским журналом, Жуковский ни с кем не делился своими впечатлениями о прочитанном. А ведь в конце 20-х — начале 30-х годов он встречался со многими видными представителями литературного Петербурга (Пушкин, Гоголь, Вяземский и др.). Таким образом, перед нами открывается еще один возможный источник распространения сведений о чешской литературе в России. К сожалению, Жуковский в письме к Палацкому не назвал тех «достойных людей», которые «смогут содействовать» расцвету чешской литературы. Но он их знал и, очевидно, говорил о них со своими русскими современниками.

В связи с публикуемыми письмами хочется обратить внимание на то, что документация чешско-русских литературных отношений первой половины XIX в. еще не вполне обследована, что мы далеко не все знаем о литературных связях того времени. Работа по исследованию связей между чешской и русской литературой в эпоху чешского национального Возрождения заслуживает продолжения.

⁷ Очевидно, здесь имеется в виду обещание, данное во время беседы с Палацким в Лейпциге. Книгой, которую намеревался послать ему Жуковский, скорее всего были «Стихотворения В. Жуковского» (1824).

⁸ «Krasověda čili O kráse a umění» (ССМ, 1827).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАУЧНАЯ СЕРИЯ «ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН СОЦИАЛИЗМА»

Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР выпустил в 1974—1975 гг. десять монографий серии «Экономика и политика зарубежных стран социализма»¹. В них освещается исторический путь и опыт социалистического строительства в отдельных странах на протяжении почти трех десятилетий. Монографии имеют почти одинаковую структуру. Они состоят в основном из четырех глав: в первой — рассматриваются этапы исторического развития социалистических стран, во второй — раскрываются вопросы общественно-политического развития, социальной структуры общества, политического и государственного устройства, в третьей — показаны итоги развития народного хозяйства и в четвертой — страна в системе современных международных отношений.

Подобная структура позволила авторам монографий раскрыть основные вопросы внутренней жизни и внешней политики социалистических стран.

Одно из достоинств монографий состоит в том, что они дают большой материал для сравнительного анализа, для выявления общего и национально-специфического в развитии социалистических стран. Общим в их развитии по пути к социализму является историческая ситуация, сложившаяся в мире в результате разгрома фашистской Германии и японского милитаризма и открывшая перспективы для социального и национального обновления, для прогресса. Решающую роль в этом сыграл Советский Союз. На-

роды Польши, Болгарии, Чехословакии, Монголии и других стран внесли свой вклад в победу над фашизмом. Их борьба против фашизма, приведшая к новой расстановке классовых сил в странах, переросла в широкое народно-демократическое движение, ставящее перед собой цель национального обновления, ликвидации господства буржуазии. Победа над японским милитаризмом позволила прогрессивным силам Вьетнама и Кореи развернуть борьбу за освобождение своих стран от японского и французского колониализма.

Это было начало политического поражения буржуазии как класса, лишение ее вотума доверия. Экспроприация буржуазной собственности и передача ее в национальное достояние было воспринято в странах народной демократии как закономерный шаг в отстранении буржуазии от власти. Этот процесс проходил в странах по-разному, но по своей сути, по своей направленности он имел однозначный характер. Национализация средств производства подорвала экономическую и социальную базу реакции, выдвинула на передовые позиции в обществе рабочий класс как основную социальную силу в дальнейших общественных преобразованиях.

В монографиях показываются маневры буржуазии и ее ставленников, стремившихся замедлить процесс демократических преобразований, вернуть утраченные позиции и восстановить свое господство в той или иной форме. В ряде случаев она пошла на раскол стран (Германия, Корея, Вьетнам). Острое классовое противостояние, характеризующееся поляризацией классовых сил в странах, длилось на протяжении нескольких лет. Становление народной власти было сложным и противоречивым процессом, ход и темпы которого определялись общей политической обстановкой в странах и во всем мире.

Рассматривая этот этап в жизни социалистических стран с позиций сегодняшнего дня, нельзя не отметить стратегическую ясность и тактическую мудрость марксистско-ленинских партий, осуществляющих политическое руководство дея-

¹ «Германская Демократическая Республика», «Республика Куба», «Польская Народная Республика», «Народная Республика Болгария», «Венгерская Народная Республика», «Монгольская Народная Республика», «Социалистическая Республика Румыния», «Чехословацкая Социалистическая Республика», «Демократическая Республика Вьетнам», «Корейская Народно-Демократическая Республика». Главная редакция серии: О. Т. Богомолов (главный редактор), И. И. Орлик, Ю. А. Пекшев, О. В. Рахманин, Я. Б. Шмераль, Л. С. Ягодский.

тельностью рабочего класса и других слоев трудящихся. Воспитанные Коминтерном, накопившие опыт руководства массами в борьбе против фашизма и японского милитаризма, они умело применяли общие принципы марксизма-ленинизма к конкретной обстановке, находили пути и методы, соответствующие условиям развития каждой страны.

На рубеже 1948—1949 гг. в большинстве стран народной демократии закончился один из этапов их развития — рабочий класс завоевал всю полноту политической власти, ставленники буржуазии окончательно были отстранены от руководства обществом.

Исторические условия породили новую форму диктатуры пролетариата — народную демократию. Опыт стран народной демократии вновь подтвердил правильность положения В. И. Ленина о тесном сближении демократических, национально-освободительных и социалистических задач, о возможности перерастания демократической революции в социалистическую. Важными элементами этого процесса явились объединение коммунистических и социал-демократических партий (в НРБ, ЧССР, КНДР, ПНР, ГДР, СРР, ВНР) на принципах марксизма-ленинизма, преодоление раскола в рабочем движении, что не могло не сказаться на укреплении позиций рабочего класса в обществе; борьба марксистских партий за политическую консолидацию всех прогрессивных сил, что привело к укреплению народно-демократического фронта, сложившегося в ряде стран в ходе второй мировой войны, или к образованию блока демократических партий (как, например, в ГДР, КНДР, ДРВ, СРР).

Важным итогом революционных преобразований в странах Европы и Азии было образование мировой системы социализма. Империализм старался затормозить этот процесс, развязав войну в Корею в 1950 г. Изменение соотношения сил в пользу социализма в мире явилось, по словам Ф. Кастро, основным и решающим фактором того, что кубинская революция смогла противостоять империалистической блокаде.

Переход власти в этих странах в руки народа произошел мирным путем, без гражданской войны, с использованием конституционных институтов, путем последовательного отстранения и изоляции буржуазных и буржуазно-помещичьих партий и группировок. Ослабление буржуазии в мировом масштабе избавило страны народной демократии от интервенции со стороны капиталистических государств, использовавших любую возможность, любой повод для вмешательства в их внутренние дела.

Многообразие форм перехода от капитализма к социализму объективно обусловлено неравномерным развитием капита-

лизма в отдельных странах. В. И. Ленин, открывший закон неравномерного развития капитализма, обратил внимание марксистских партий на необходимость учета этого обстоятельства в определении конкретных форм переходного периода. Объективные и субъективные предпосылки, внутренние и внешние условия обусловили многообразие форм перехода к социализму, в том числе, минуя капиталистическую стадию развития (МНР, ДРВ).

Анализируемый в монографиях опыт перехода к социализму убедительно доказывает несостоятельность буржуазных концепций о «привнесении социализма» в страны народной демократии, о том, что мировая система социализма есть результат «субъективной воли» руководителей коммунистических партий. В монографиях хорошо показано единство объективных и субъективных условий и предпосылок для перехода ряда стран Европы и Азии к социализму. И это, кстати, опровергает и еще одну буржуазную «теорию» — о «тоталитаризме» социализма.

Установление в странах народной демократии диктатуры пролетариата выдвинуло на повестку дня проведение коренных общественных преобразований с целью решения задачи исторического значения: создания основ социализма.

Общим для всех стран, кроме ГДР и Чехословакии, являлись многоукладность экономики, малая доля промышленности и, напротив, большой удельный вес сельского хозяйства. В национальном доходе Польши, например, удельный вес промышленности составлял 37% (1950), Болгарии — 15 (1939), Венгрии около 20 (1938), Румынии — 38,1% (1938). В Монголии первые национальные промышленные предприятия были построены с помощью СССР к началу 30-х годов. Крайне отсталым было народное хозяйство ДРВ, КНДР.

Странам, приступившим к строительству основ социализма, предстояло решить комплекс задач: провести индустриализацию, кооперирование сельского хозяйства, осуществить культурную революцию, вовлечь в социалистическое строительство мелкие и средние слои буржуазии. Большинство стран из аграрных и аграрно-индустриальных превратились в индустриально-аграрные. И в последующие годы возрастал удельный вес промышленности в производстве национального дохода. В ГДР и ЧССР, имевших высоко развитую экономику, происходила перестройка производственного аппарата, ликвидация отдельных диспропорций, совершенствование отраслевой структуры.

К числу общих центральных задач относилось социалистическое преобразование сельского хозяйства, осуществлявшееся в соответствии с ленинским кооперативным планом и с учетом нацио-

нальных особенностей. В Болгарии и Румынии кооперация проводилась без предварительной национализации земли, успешно создавались кооперативы в Венгрии, завершала социалистические преобразования в сельском хозяйстве Монголия. В ДРВ и КНДР кооперирование предшествовало индустриализации.

В конце 50-х — начале 60-х годов процесс коллективизации в социалистических странах в основном был завершен. Это означало качественный сдвиг в их социально-экономической структуре. Социалистические производственные отношения одержали полную победу. Мировая система социализма в связи с этим вступила в новый этап своего развития. Социалистический сектор производил в Венгрии почти 96% национального дохода (1962), в ГДР 85,5% всего совокупного общественного производства приходилось на социалистический сектор народного хозяйства, в Болгарии — 99,1%.

Идеология марксизма-ленинизма стала господствующей. Культурная революция способствовала просвещению и повышению уровня образования трудящихся масс, формировалась социалистическая интеллигенция.

Монографии содержат разнообразный материал, дающий довольно полное представление о социально-классовых изменениях в странах социализма. Был ликвидирован класс крупной и средней буржуазии, в некоторых странах оставалась мелкая буржуазия (например, в ПНР, ГДР). В ряде стран, имевших ранее незначительную промышленность, появился довольно многочисленный рабочий класс. Образовался класс кооперированного крестьянства. Интеллигенция теперь формируется в основном из рабочих и крестьян.

Авторы монографий подчеркивают новые условия формирования материально-технической базы социализма. Страны могли опереться на помощь друг друга и огромную по объему и разнообразию по формам помощь Советского Союза. Приводятся интересные, неизвестные прежде данные о роли этой помощи в создании материальной базы социализма.

«60-е годы, — говорил на международном Советании коммунистических и рабочих партий тов. Л. И. Брежнев, — займут в истории мирового социализма особое место. Именно в это десятилетие многие братские страны завершили создание основ социализма и перешли к строительству развитого социалистического общества»². Переход в социалистическом строительстве от одного этапа к другому всегда требует от правящей коммунистической партии тщательного анализа стоящих на новом этапе задач и определения

методов их решения, углубления идеологической работы с тем, чтобы довести до сознания масс новые задачи. Переоценка достигнутого уровня общественного развития, забегание вперед таят в себе серьезные опасности.

Подтверждением этой мысли служит общественно-политический кризис в Чехословакии в середине 60-х годов, вылившийся в контрреволюционное выступление против социализма. В монографии «Чехословацкая Социалистическая Республика» дается подробный анализ причин этого кризиса, раскрывается борьба партии против ревизионизма и правого оппортунизма, показывается сложность процесса консолидации в партии и в обществе. Компартия Чехословакии в документе «Уроки кризисного развития в компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» оценила вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию как акт интернациональной солидарности, подчеркнув, что «любое другое решение, которое не предусматривало бы оказание внешней непосредственной помощи со стороны СССР и других наших союзников в условиях, когда деятельность партии была парализована, а государственный строй в Чехословакии оказался на грани разложения, не имело бы никаких шансов на успех, так как оно не привело бы к спасению социализма в ЧССР»³.

В монографиях раскрывается содержание тех задач, которые ставятся коммунистическими и рабочими партиями в связи со строительством развитого социализма в своих странах. Опыт СССР и других стран, строящих развитый социализм, позволяет выделить некоторые основные черты этого этапа: укрепление социалистических начал во всех сферах экономической, социально-политической и культурной жизни, полное использование возможностей, заложенных в самом социалистическом строе, соединение его преимуществ с достижениями научно-технической революции. Коммунистические и рабочие партии ставят задачу укрепления и совершенствования материально-технической базы социализма, развития устойчивыми темпами производственных сил, дальнейшей интенсификации экономики. Сейчас социалистические страны располагают значительными производственными фондами в промышленности, в сельском хозяйстве, успешно развиваются наука и культура.

В монографиях подробно характеризуется развитие народного хозяйства на этапе строительства развитого социализма, рассматриваются основные проблемы социально-экономического развития стран, отмечаются достигнутые успехи

² Л. И. Брежнев в Ленинском курорте, т. 2, М., 1970, стр. 373.

³ «Уроки кризисного развития в компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, стр. 45—46.

в области электрификации, химизации, машиностроения, сельского хозяйства. В работах развенчиваются взгляды буржуазных идеологов, считающих высокие темпы промышленного развития социалистических стран результатом низкого исходного уровня. Однако сравнение темпов развития Венгрии после первой мировой войны (в условиях помещичье-капиталистической Венгрии) и после освобождения страны (в условиях народной власти) показывает, что среднегодовые темпы роста промышленного производства составили после 1913 г. чуть выше 1%, а за 1950—1970 гг. — 8,7%. Сложным был путь развития ДРВ и КНДР. Первая в течение 23 лет вынуждена была вести борьбу против империалистической агрессии. Дважды восстанавливала экономику КНДР.

Читатель найдет много интересных данных о социально-экономическом развитии социалистических стран, ознакомится с совершенствованием системы планирования и управления народным хозяйством. В монографиях показано, как реализуется в странах основной закон социализма, обеспечивается непрерывный рост благосостояния трудящихся, создаются условия для всестороннего развития личности.

Анализ социально-классовой структуры выделен в самостоятельный раздел только в двух монографиях («Польская Народная Республика», «Социалистическая Республика Румыния»).

В ПНР численность рабочего класса по сравнению с довоенным периодом увеличилась примерно в два раза, составив в 1970 г. около 7 млн. человек, в Румынии — до 4,2 млн. в 1972 г. по сравнению с 1,2 млн. в 1950 г. Отмечается концентрация рабочих — в Польше, например, 83% рабочих заняты на предприятиях с количеством работающих свыше 500 человек.

Вырос общеобразовательный и профессиональный уровень рабочих. В Польше, отмечают авторы, изменились источники формирования рядов рабочего класса. В 50-е годы он пополнялся в основном представителями непролетарских слоев, прежде всего крестьян, не имеющих ни классовой закалки, ни профессиональной подготовки. Складывание рабочего класса в ПНР и СРР отражает специфическую черту развития стран ранее отсталых, с преобладанием в них мелкого сельскохозяйственного производства.

Специальная глава посвящается в монографиях вопросам совершенствования политической организации общества и развития социалистической демократии. Глава состоит из трех параграфов: в одном дается характеристика коммунистической и рабочей партии как руководящей и направляющей силы общества, во втором рассматриваются вопросы развития социалистической государственности, в

третьем — общественно-политические организации трудящихся.

Руководящая роль коммунистических и рабочих партий в условиях строительства развитого социализма возрастает, как подчеркивается в монографиях, что является закономерностью развития стран по этому пути, фактором, обеспечивающим их общественный прогресс.

Весьма важно при этом, что авторы выделяют прежде всего центральный элемент руководящей деятельности партии — политическое руководство, так как управление общественными процессами при социализме имеет политический характер. Партия разрабатывает политический курс, определяет формы и методы его реализации. Специфические задачи в условиях раскола страны и войны решала Партия трудящихся Вьетнама.

Значительное место в монографиях отведено показу того, как партии разрабатывают теорию научного социализма, расширяют и обогащают научные основы управления обществом, строят на научных основах идеологическую работу. Большое внимание уделяется также системе партийных кадров, партийной учебе. При этом можно отметить, что в социалистических странах сложилась стройная система подготовки и повышения квалификации партийных кадров.

Социальный состав партии свидетельствует о том, что коммунистические и рабочие партии являются авангардом и передовым отрядом рабочих, а также крестьян-кооператоров и других слоев трудящихся. Среди членов ВКП в 1971 г. было 40% рабочих, 26 — крестьян-кооператоров, 28 — служащих; в ПОРП (1973): 39,6 — рабочих, 10,5 — крестьян, 43,6 — работников умственного труда; в СЕПГ (1973) рабочие составляли 56,6, крестьяне-кооператоры — 5,7, представители интеллигенции — 17,9%. Увеличивается удельный вес рабочих в КПЧ. В МНРП в 1971 г. рабочие составляли 30%, члены сельхозобъединений — 20,4, служащие и интеллигенция — 49,6% ее членов. Приводятся данные, свидетельствующие о высоком уровне образования членов партий, об увеличении в их рядах молодежи.

Общим для социалистических стран является то, что государство в них олицетворяет политическую власть трудящихся, является основным инструментом осуществления этой власти. В ряде социалистических стран в 60-е годы родился такой орган как Государственный совет (ГДР, НРБ, СРР), Центральный народный комитет в КНДР, в ЧССР функции главы государства осуществляет президент, в 1974 г. пост президента был учрежден в СРР, а также в КНДР. В монографиях называются все законодательные и исполнительные органы государственной власти, перечисляются их функции, рассматривается их соподчинение.

Характерной чертой, присущей всем странам, является развитие принципа демократического централизма в государственной практике, широкое привлечение трудящихся к управлению страной. В монографиях дается краткая характеристика основных направлений развития социалистической демократии.

На этапе строительства развитого социализма возрастает роль общественных и массовых организаций трудящихся: профсоюзов, союзов молодежи, женских организаций, обществ дружбы, творческих союзов. В ГДР, ПНР, НРБ функционирует многопартийная система, в ряде стран важной формой объединения различных слоев трудящихся являются Отечественный народный фронт (ВНР, НРБ, ДРВ), Фронт единства народа (ПНР), Демократический блок (ГДР), Национальный фронт (ЧССР). Наличие таких организаций отражает некоторые особенности перехода этих стран к социализму. Эти организации играют активную роль в общественно-политической жизни стран, в строительстве развитого социализма. В монографиях содержатся сведения о составе, функциях и основных направлениях деятельности массовых и общественных организаций и объединений трудящихся. Коммунистические и рабочие партии оказывают им всемерную поддержку.

Большое внимание в монографиях уделяется рассмотрению места социалистических стран в системе международных отношений. Фиксируются переломные моменты, качественные изменения во внешней политике и экономике. Подчеркивается, что дружба и сотрудничество с СССР является основой международных отношений нового типа. В лице первой страны социализма молодая народная демократия нашла опору и поддержку, защиту от посягательств со стороны империалистических держав. Важную роль выполняли при этом первые договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, которые затем, в новых условиях (в конце 60-х — начале 70-х годов) были обновлены. Эти договоры прошли проверку практикой международной жизни, доказали свою эффективность.

Признание ФРГ западных границ ГДР и ПНР, урегулирование отношений ЧССР и ФРГ подвели черту под итогами второй мировой войны. Мирное наступление социалистических государств, развернутое на базе Программы мира, принятой на XXIV съезде КПСС, укрепило позиции отдельных стран и мирового социализма в целом. Победа Вьетнама усилила позиции социализма в Юго-Восточной Азии. Страна решает задачи восстановления и развития народного хозяйства, объединения Северного и Южного Вьетнама. Социалистические государства проводят активную внешнюю политику, стремясь обеспечить благопри-

ятные внешние условия для социалистического строительства. Их внешнеполитическая деятельность оказывает все более сильное воздействие на мировое развитие.

В монографиях раскрывается широкая панорама внешнеэкономической деятельности стран социализма. Анализируются прежде всего торговые отношения стран друг с другом, с СССР, показывается место этих стран в международном разделении труда. Ныне на взаимную торговлю, например, стран — членов СЭВ приходится большая часть их внешнеторгового оборота. А в 1937 г. их доля во внешнем обороте Чехословакии составляла лишь 16,3%, доля СССР — менее процента, в Болгарии в 1939 г. — всего 0,4%.

Ныне на социалистические страны приходится более 70% внешнеторгового оборота в ГДР (1972), 69,4 — в ЧССР, в том числе 65,2 — на страны СЭВ (1973), в Польше — 60, а на страны СЭВ — 95% оборота, в Болгарии — 78,1, на страны СЭВ (1972), в Румынии — 53,7 (1972), на страны СЭВ — 46,6, в Венгрии — 66 и 63, в Монголии — 95 и 99, в ДРВ — 95 и 51,8% соответственно. Эти показатели убедительно свидетельствуют о широких взаимных торгово-экономических связях социалистических стран, особенно участниц Совета Экономической Взаимопомощи. Однако, что хорошо показывается в монографиях, внешней торговле стран социализма чуждо явление самоизоляции от мировой торговли, от международного разделения труда. Приведенные в связи с этим данные показывают расширение связей с молодыми развивающимися странами Азии, Африки, Латинской Америки, с капиталистическими странами.

СССР удовлетворяет многие потребности социалистических стран. На долю СССР во внешнеторговом обороте ГДР приходится 37% (1972), ЧССР — 30,8 (1973), ПНР — 35, НРБ — 55 (1972), ВНР — 66, МНР — 85%. СССР является важным поставщиком изделий машиностроения, сырья, топлива. Ряд стран имеют небольшие собственные запасы топлива и сырья. Например, Чехословакия за счет собственных источников покрывает лишь 11% потребностей в железной руде, 8 — в цинке, 2% — в нефти. СССР составляет этой стране 95% нефти, 100 — газа, 99 — чугуна, 87% — железной руды.

Поставки из СССР нефти, газа, железной руды и других видов сырья в социалистические страны обеспечивают стабильность развития их народного хозяйства, выгодны по сравнению с закупками на других рынках.

Во внешней торговле социалистических стран, как в зеркале, отражаются те изменения, которые произошли в структуре их народного хозяйства. В 1939 г. из Болгарии, например, вывозились исклю-

чительно сельскохозяйственные товары (99,77% экспорта). В 1971 г. экспорт промышленных изделий равнялся уже 48,9%.

В монографиях освещаются формы интернационального сотрудничества социалистических стран. Хорошо показана интернациональная помощь социалистических стран Вьетнаму, Корею. Подчеркивается, что после принятия коммунистическими и рабочими партиями Комплексной программы экономической интеграции все более укрепляется сотрудничество стран — членов СЭВ, происходит сближение и взаимопереплетение их народных хозяйств.

Монографии хорошо оформлены, написаны хорошим литературным языком, что делает их доступными для широких кругов читателей. Изданием «Экономика и политика зарубежных социалистических стран» сделан важный шаг в обобщении опыта социалистического строительства, в раскрытии интернационального содержания социализма, сотрудничества социалистических стран, в показе их огромных достижений в самых различных областях общественной жизни.

Л. Н. Клепацкий

EUZEBIUSZ BASIŃSKI, TADEUSZ WALICHNOWSKI. Stosunki polsko-radzieckie. 1944—1974. Warszawa, 1974

ЭУЗЭБИУШ БАСИŃСКИЙ, ТАДЕУШ ВАЛИХНОВСКИЙ. Польско-советские отношения. 1944—1974

Эта небольшая по объему книга содержит яркие факты, убедительно раскрывающие историю советско-польских отношений на протяжении послевоенного 30-летия.

Отправным пунктом для авторов послужило исключительно важное в истории польского народа событие — начало изгнания с польской территории фашистских оккупантов и образование 21 июля 1944 г. Польского комитета национального освобождения — первого в истории польского народа правительства рабочих и крестьян. В книге убедительно показано перерастание советско-польского братства по оружию, рожденного в совместной освободительной борьбе с гитлеровской Германией, в тесный союз и братскую дружбу между нашими народами и государствами в послевоенный период.

Авторы подчеркивают огромное значение для Польши Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанного Правительством СССР и Временным правительством Польши 21 апреля 1945 г. Освещая события конца второй мировой войны и вопросы послевоенного урегулирования, авторы подробно рассказывают о борьбе Советского правительства на Потсдамской конференции за неуклонное проведение в жизнь постановлений Крымской конференции относительно западных границ Польши на Одере и Нисе Лужицкой.

Война и фашистская оккупация нанесли Польше исключительно большой ущерб. Фабрики, заводы и целые города были разрушены, в руины превращена Варшава. Нужны были огромные усилия, чтобы залечить тяжелые раны, нанесенные стране. На помощь польскому народу

пришли народы Советского Союза. На большом количестве фактов авторами показана большая и зачастую безвозмездная помощь СССР в восстановлении народного хозяйства Польши, ликвидации дефицита продовольствия, зерна, промышленного сырья, в налаживании финансового хозяйства страны. Особенно большое место в советских поставках занимали промышленное оборудование, строительные материалы, потребительские товары. Торговый оборот между Польшей и СССР уже в 1945 г. в семь раз превышал оборот между странами в довоенном 1938 г. Польский импорт из СССР в 1945 г. составил 90,6% всего польского импорта (стр. 64). В дальнейшем абсолютные цифры роста польско-советского товарооборота удваивались и даже утраивались по сравнению с каждым предыдущим годом.

Опираясь на техническую и финансовую помощь СССР, трудящиеся Польши под руководством ПОРП уже в начале 50-х годов приступили к решению грандиозных задач социалистической индустриализации страны, к строительству основ социализма. Один за другим стали возводиться такие гиганты индустрии, как металлургический комбинат имени Ленина в Новой Гуте, судостроительные верфи в Гданьске, предприятия автомобильной, тракторной, авиационной и других отраслей промышленности, которые возникли в ходе выполнения шестилетнего плана. Авторы подчеркивают, что «благодаря финансовой и научно-технической помощи СССР в Польше в период шестилетнего плана сооружено около восьмидесяти крупных промышленных предприятий» (стр. 114).

В результате социалистической индустриализации народная Польша превратилась из аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную, развивающую торговые-экономические связи с большинством стран мира. Особенно широкие и разносторонние контакты Польша имеет со странами социалистического содружества. При этом, как подчеркивается в книге, самым крупным партнером Польши остается Советский Союз. Авторы отмечают, что польско-советские экономические связи, выражавшиеся в первые послевоенные годы по преимуществу в односторонней советской помощи и поставках различных товаров в кредит, с каждым последующим годом приобретали характер равноценного партнерства как по импорту, так и по экспорту. С развитием польской промышленности ее продукция во все возрастающих размерах поступала на обширный советский рынок. Если в 1950 г. польский экспорт в СССР составлял 613,3 млн валютных злотых, то уже через пять лет, в 1955 г., он достиг 1122 млн валютных злотых (стр. 116). Одновременно изменялась структура польского экспорта за счет постоянного возрастания доли машин и оборудования (стр. 117). Польша, кроме того, экспортирует в СССР большое количество морских судов, железнодорожного подвижного состава и т. д.

Касаясь развития торгово-экономических связей между Польшей и Советским Союзом в последние годы, авторы отмечают неуклонный рост взаимных поставок, а также дальнейшее возрастание в польском экспорте доли продукции польского машиностроения. В настоящее время на советский рынок идет более половины машин и оборудования, экспортируемого Польшей в другие страны. Произшло многократное расширение ассортимента товаров и в советском экспорте в Польшу. К традиционным поставкам оборудования для предприятий машиностроительной, электротехнической, текстильной и других отраслей промышленности добавились такие товары, как автомобили, мотоциклы, радиоприемники, холодильники, телевизоры и т. д.

На обширном фактическом материале в книге рассматривается развитие таких форм экономического сотрудничества, как совместное сооружение промышленных предприятий, поставки комплектного оборудования — на двусторонней основе и в различных формах кооперирования, осуществляемого в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Особенно это относится к совместной разведке и разработке природных богатств СССР, строительству газо- и нефтепроводов и т. д.

Широко освещено развитие польско-советского научно-технического сотрудничества, особенно такие его формы, как обмен технической документацией, взаимные консультации специалистов при со-

оружении и освоении новых промышленных объектов, стажировка специалистов и т. д. Отмечено постоянное расширение научных контактов между академиями наук, научно-исследовательскими институтами, между учеными СССР и Польши, что благотворно влияет на развитие науки обеих стран.

Не обойден в книге и вопрос о развитии культурных связей между обеими странами. Взаимное тяготение наших народов к обмену культурными ценностями долгие годы наталкивалось на всевозможные преграды, чинимые властями буржуазной Польши. Народная власть открыла польскому народу широкие возможности культурных контактов с народами Советского Союза. Они осуществляются в самых разнообразных формах и достигли истинно огромных масштабов. Авторы рассказывают об огромной популярности в Польше советского театрального искусства, о постоянных контактах между театральными деятелями, о ставших хорошей традицией ежегодных обменах художественными коллективами, концертными ансамблями, о взаимных гастролях выдающихся деятелей искусства. В частности, отмечено, что только за последние 25 лет на польской сцене состоялось около 900 премьер спектаклей русских и советских авторов (стр. 187). В книге говорится об огромном интересе польских читателей к советской литературе — художественной, политической, научной. За первые 25 лет народной власти в Польше издано в переводе на польский язык 9924 названия книг советских авторов общим тиражом 154,4 млн экземпляров. Сочинения В. И. Ленина за это время издавались 217 раз, а общий тираж составил 9,1 млн экз. Массовыми тиражами издаются в Польше произведения классиков русской и советской художественной литературы (стр. 186). В Советском Союзе за период с 1918 по 1969 г. издано в переводе на 38 языков народов СССР 1122 названия книг польских авторов общим тиражом 44,8 млн экз. Произведения классика польской литературы Генрика Сенкевича издавались 45 раз общим тиражом 4,5 млн экз.; сочинения Болеслава Пруса — тиражом 3,9 млн экз., Адама Мицкевича — 1,8 млн экз., Элизы Ожешко — 2,3 млн экз. и т. д.

Специальные разделы книги посвящены польско-советскому сотрудничеству на международной арене на различных этапах послевоенного периода. Рассматриваются такие совместные акции дипломатии обеих государств, как взаимодействие при разработке мирных договоров для стран — бывших союзников фашистской Германии во время второй мировой войны, последовательная борьба СССР и стран народной демократии против ремигитаризации Западной Германии, сплоченные действия стран социалистического содружества перед угрозой новой войны

в связи с созданием империалистами западных держав агрессивного Североатлантического блока и т. д. Подчеркивается выдающаяся роль Польши и Советского Союза в подготовке конференции восьми европейских социалистических государств в мае 1955 г., результатом которой было подписание Варшавского договора, имевшего огромное значение для обеспечения мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Читатель найдет интересный материал о развитии и постоянном углублении братских связей и контактов между Коммунистической партией Советского Союза и Польской объединенной рабочей партией, между профсоюзами и другими об-

щественными организациями обеих стран, о межправительственных контактах, обменах делегациями на высшем уровне.

Приходится сожалеть, что в некоторых разделах авторам не удалось избежать сухости и некоторой хроникальности в изложении материала. Не всюду выдерживается принятая в начале книги хронологическая последовательность освещения событий.

Несмотря на эти мелкие шероховатости, работа является весьма ценным пособием по истории развития и постоянного углубления братской советско-польской дружбы и сотрудничества.

П. Н. Ольшанский

НОВЫЙ ТРУД О НАЧАЛЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА УКРАИНЕ

Судьбы славянского книгопечатания кирилловским шрифтом тесно связаны с историей польско-литовского государства. Вспомним, что первые кирилловские книги появились в 1491 г. в Кракове. Франциск Скорина около 1523 г. основал в столице Великого княжества Литовского первую типографию на территории нашей страны. На белорусских и украинских землях были напечатаны 9 из известных в настоящее время 11 изданий великого первопечатника Ивана Федорова.

Я. Д. Исаевич, автор новой монографии о начале украинского книгопечатания¹, рассматривает факты жизни и деятельности Ивана Федорова на фоне социально-политической и общекультурной истории польско-литовского государства, а выпущенные им здесь книги — в общем русле книжного дела славянских народов. Комплексность рассмотрения книговедческих проблем в широком историческом контексте, как это отметил недавно Д. С. Лихачев, — очевидное достижение советской историографии². Работа Я. Д. Исаевича в этом смысле представляется закономерным развитием традиций нашего книговедения.

Книга открывается коротким введением, содержащим лаконичное изложение историографии вопроса. Перечень имен и

фактов достаточно подробен и обстоятелен. Но нам было досадно не найти здесь имени И. С. Свентицкого, автора монографии «Начало книгопечатания на землях Украины» (Жовква, 1924), и прославленных каталогов и описей старопечатных и рукописных книг. Уместно было бы подвергнуть критике антиисторические построения И. Огиенко.

Первая глава монографии посвящена предпосылкам возникновения книгопечатания на Украине. Рассмотрены социально-политические условия, в которых протекала деятельность Ивана Федорова. Я. Д. Исаевич подчеркивает важность реформаторского движения в культурной жизни Украины и Белоруссии, указывая вместе с тем на его противоречивый характер. Элементы передовой гуманистической культуры сыграли немалую роль в подготовке почвы для появления печатного станка на украинских землях. Идет речь и о материально-технических предпосылках, в числе которых названы литейное производство, ювелирное мастерство, изготовление монет, переплетное дело. Я. Д. Исаевич обращает внимание на то, что гравюра на дереве существовала на Украине до приезда Ивана Федорова. Говорится и о рукописной книге, но мимоходом, в двух-трех абзацах. Об этом следовало бы сказать подробнее, ибо именно в рукописных мастерских были выработаны формы, приемы и методы, которые впоследствии старались имитировать первые типографы.

Во второй главе идет речь о первых кирилловских типографиях и их значении для Украины. Подробен и обстоятелен рассказ о первом славянском печатнике Швайпольте Фиоле, о прослав-

¹ Я. Д. Исаевич. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975.

² См. Д. С. Лихачев. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной. В кн. «Рукописная и печатная книга». М., 1975, стр. 6—7.

ленном белорусском просветителе Франциске Скорине. Я. Д. Исаевич приводит интересные материалы о распространении на украинских землях изданий Скорины как в оригиналах, так и в рукописных копиях. Вместе с тем он считает сомнительной анекдотическую версию М. Гембаровича о пребывании Скорины в Кременце и Львове и о тождестве вывезенного Скориной из Кенигсберга врача-еврея с кременецким раввином Авраамом, упоминаемым в акте 1537 г.

Рассказывая о возникновении книгопечатания в России, Я. Д. Исаевич знакомит читателей с работой так называемой Анонимной типографии и с книгопечатной деятельностью Ивана Федорова в Москве. Основанный на новейших исследованиях советских ученых раздел этот не вызывает каких-либо сомнений — за исключением одного: Я. Д. Исаевич считает возможным, что одно из изданий Анонимной типографии — Среднеширифтное Четвероевангелие — напечатано не в Москве, а на Украине. В качестве доказательств приводится, например, наличие в тексте книги среднеболгарских правописных норм, а также тот факт, что книга напечатана на немецкой бумаге, в то время как остальные издания Анонимной типографии — на французской. Доводы не представляются нам убедительными. Среднеболгарские правописные нормы были распространены и в московской книжности. Бумага немецкого происхождения широко встречается в рукописях московского происхождения. На такой же бумаге, что и Среднеширифтное Четвероевангелие, написан первый том лицевого летописного свода Ивана Грозного (ГИМ, Муз. № 358). Не следует забывать и об общности гравированной орнаментики и шрифтов изданий Анонимной типографии. Одна из заставок Среднеширифтного Четвероевангелия отпечатана с той же доски, что и в вышедшем ранее Узкоширифтном и в вышедшем позднее Широкоширифтном Четвероевангелии. Если стать на точку зрения Я. Д. Исаевича, который не отрицает московского происхождения двух последних изданий, то получается, что упомянутую доску использовали в Москве, затем повезли на Украину, а потом опять вернули в Москву. Нельзя забывать и о том, что шрифтом Среднеширифтного Четвероевангелия позднее и опять-таки в Москве отпечатана Среднеширифтная Псалтырь, в которой встречаются и некоторые инициалы из первой книги.

Обстоятельна и интересна третья глава, посвященная львовской типографии Ивана Федорова. Я. Д. Исаевич тщательно восстанавливает украинское окружение первопечатника, сыгравшее немалую роль в создании первой львовской типографии. С привлечением новых архивных документов рассказывается о Семене Калинковиче по прозвищу Сед-

ляр, ссудившем Ивану Федорову 700 злотых. Используя данные, недавно опубликованные Э. И. Ружицким, Я. Д. Исаевич указывает местонахождение первой украинской типографии. Подробно описаны издаваемые здесь книги — Апостол и Азбука 1574 года. Уместно вспомнить, что именно Я. Д. Исаевич ввел в научный оборот ряд экземпляров Апостола: два из них были обнаружены им в Польше, один в Венгрии, еще один был найден в украинском селе Верхняя Билка. Описание книги достаточно подробное и точное, хотя в него могут быть внесены некоторые коррективы. Следует, например, уточнить количество досок, с которых отпечатаны концовки. Издательский знак Ивана Федорова, который появляется в Апостоле и Азбуке, Я. Д. Исаевич считает не шляхетским гербом, а гербом. Этому противоречит тот факт, что указанный знак под короной изображен и на личной печатке мастера, которой запечатано его письмо к саксонскому курфюрсту Августу, недавно найденное в Дрездене.

В четвертой главе книги идет речь о типографской деятельности Ивана Федорова в Остроге. Подробно характеризуется культурно-просветительная деятельность князя К. К. Острожского, делается попытка восстановить его окружение. Подробно описаны острожские издания. Азбуку 1578 г., недавно обнаруженную в ГДР, Я. Д. Исаевич считает одним изданием, а не двумя, как это утверждают, например, Дж. Симмонс и А. П. Запаско.

Рассказывая о «Книжке, собрании вещей нужнейших» — первом алфавитно-предметном указателе в истории отечественной документалистики, Я. Д. Исаевич выявляет социальный смысл рубрикации, предложенной составителем «Книжки...» Тимофеем Михайловичем. Выводы автора убедительны, новы и представляют значительный интерес.

Обстоятелен раздел, посвященный знаменитой Острожской Библии. Я. Д. Исаевич предлагает нашему вниманию формальное описание книги, ее шрифтов и художественного убранства. Идет речь о сохранившихся экземплярах книги (их более 200), приведены наиболее интересные вкладные и владельческие записи. Текстологическое изучение Острожской Библии только-только начинается, и в этой области можно ждать самых неожиданных открытий.

Пятая глава посвящена последним годам жизни и деятельности Ивана Федорова. Я. Д. Исаевич рассказывает о поездках типографа в Краков и Вену, знакомит нас с судьбой его типографского оборудования. Заключает книгу глава о продолжателях дела Ивана Федорова на украинских землях. Научный аппарат ограничен списком сокращений и тщательно составленными примечаниями. Указа-

телей, столь облегчающих работу с монографическими трудами, к сожалению, нет.

В целом труд Я. Д. Исаевича представляется заметным явлением в области

истории славянской книги, области, которую советские ученые обогатили первоклассными исследованиями.

Е. Л. Немировский

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ КОРОЛЕВСКОГО ЗАМКА В ВАРШАВЕ

В польском научном издательстве вышла книга «Королевский Замок в Варшаве»¹, написанная коллективом авторов под общей редакцией А. Гейштора. Она посвящена почти 700-летней истории Королевского Замка в Варшаве — созданию его архитектурного ансамбля, а также тем людям и событиям, которые были с ним связаны. Настоящее издание — второе, дополненное в основном данными о ходе восстановительных работ в Замке за последние годы.

Королевский Замок — один из ценнейших памятников польской архитектуры. Исследование развития этого архитектурного ансамбля от Пястов и Ягеллонов до наших дней представляет значительный интерес. История Замка прослеживается авторами в строго хронологическом порядке и увязывается с политическими событиями соответствующего исторического периода.

История Королевского Замка началась с конца XIII в. Важное значение для его судьбы имело перенесение Сигизмундом III столицы Польши из Кракова в Варшаву в конце XVI в. Замок кардинально перестраивался в связи с необходимостью размещения в нем многочисленного королевского двора и центральных государственных учреждений, в нем сосредотачивались многие ценные произведения живописи, скульптуры, предметы прикладного искусства, в частности, коллекция фламандских тканей и восточных ковров, картинная галерея. В Замке происходили различные придворные церемонии, балы, замечательные театральные и оперные представления, приводившие в восхищение иностранных дипломатов. Бурная художественная и научная жизнь Польши была прервана шведским нашествием в 1655 г., в результате которого пострадал и Замок — из него было вывезено много художественных ценностей.

Подробно и интересно рассказывают авторы о фундаментальной реконструкции фасадов и интерьеров Замка в последней четверти XVIII в. при короле Станисла-

ве Августе Понятовском и о влиянии на нее идейно-эстетической программы Просвещения — были построены помещения, необходимые для картинной галереи, библиотеки, театра, залы украшались картинами на темы из истории Польши, портретами знаменитых поляков.

В книге отмечается, что с установлением прусского владычества после третьего раздела Польши в 1795 г. здание пришло в упадок. После Венского конгресса в 1815 г. русские цари, приняв титул польских королей, сделали Замок своей резиденцией. Для боровшихся за национальную независимость поляков Замок, занимаемый царскими властями, стал символом угнетения.

Авторы подчеркивают, что с образованием независимого польского государства в 1918 г. Замок вернул свое прежнее значение. Он вновь стал резиденцией польских властей, местом проведения государственных церемоний. Были предприняты реставрационные работы, позволяющие открыть Замок как музей и исторический памятник для посетителей.

В книге рассказывается о трагической судьбе Замка в период второй мировой войны. 17 сентября 1939 г. в результате усиленного обстрела Замок загорелся, и лишь частично удалось вывезти из него наиболее ценные картины, скульптуры, мебель, а в декабре 1944 г. Замок был взорван фашистами. В первые послевоенные годы проводились лишь отдельные работы по восстановлению Замка, и только в начале 70-х годов появилась возможность вплотную заняться его реставрацией.

Ходу реставрационных работ уделяется большое внимание в книге, поскольку ее авторы — А. Гейштор, Ст. Хербст, Ст. Лоренц, Вл. Томкевич и Я. Захватович — принимают непосредственное участие в этой работе. Реставрация осуществляется на строго научной основе: Замок возвращается его прежний, оригинальный вид. Это относится прежде всего к западному фасаду, готическим стенам и башням XVII в., саксонским фасадам со стороны Вислы, интерьерам помещений времен Станислава Августа, залу, где была принята Конституция 3 мая 1791 г. Проектом реставрации преду-

¹ A. Gieysztor, S. Herbst, S. Lorentz, W. Tomkiewicz, J. Zachwatowicz. Zamek Królewski w Warszawie. Architektura. Ludzie. Historia, Wyd. II. Warszawa 1973, 324 s.

смачивается, что по восстановлении Замок будет служить различным целям: здесь разместится музей коллекций огромной ценности, будут происходить торжественные церемонии, собрания, концерты. Замок станет центром активной культурной жизни, вновь обретет свое место среди памятников национальной польской культуры.

Рассматриваемая книга носит научно-популярный характер. Она содержит рисунки планов постройки Замка в различные периоды, а также большое количество иллюстраций (около 150), которые воспроизводят виды Замка, фасады отдельных зданий, интерьеры помещений

в разные годы, портреты польских королей, а также исторические события, происходившие в Замке. Это удачно дополняет изложенные материалы, облегчая восприятие архитектурных форм замкового ансамбля. Издание, несомненно, привлечет внимание самого широкого круга читателей, интересующихся польской историей и архитектурой. Приведенное в конце книги резюме на английском и французском языках расширяет круг ее читателей. В книге дана подробная библиография по рассматриваемой теме.

О. Семенова

ВТОРОЙ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЙ СБОРНИК

Вышел в свет второй том сборника «Кириллометодианум» под редакцией профессора Университета в Салониках А. Э. Тахиаоса¹. Он посвящен, как указано на титульном листе, исследованию в области истории греко-славянских связей и содержит статьи по балканистике ученых США, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Израиля, а также Греции.

А. Достал (стр. 1—6) исследует византийскую традицию в церковно-славянской литературе, точнее, в литературе Великой Моравии. Американский ученый утверждает, что и язык и алфавит были заимствованы славянами Великой Моравии из Византии и в это время носили межславянский характер. Христианизацию моравян он связывает не с восточной, а с западной традицией. Христианизация была лишь завершена византийской миссией. Изобретение и усовершенствование славянского алфавита (глаголицы) автор рассматривает как личную заслугу двух солунских братьев, посланных в Моравию византийским правительством. Дальнейшая история славянских литературных памятников в IX в. и в симеоновской Болгарии представляется А. Досталу как процесс девизантизации, т. е. отдаление славянских переводных текстов от их греческих оригиналов и создание собственных литературных школ в Моравии и Болгарии.

Утверждение в X в. латинской культуры в Богемии А. Достал рассматривает как шаг назад в историко-культурном восприятии мира. Американский ученый поддерживает мысль Р. Пиккьо о таком же благотворном влиянии старославянской литературы и языка на Россию.

Е. К. Хрисос (стр. 7—13) рассматривает вопрос об основании Первого Болгарско-

го государства в VII в. на фоне событий европейской истории того времени. Греческий ученый рассматривает договор 681 г., подписанный Болгарией и Византией, в духе принципов традиционной византийской политики. Он приходит к выводу, что признание Византией Первого Болгарского государства было некоторым отступлением от традиционных принципов непризнания «варваров» и их суверенных государств. Это было признанием реальной военной мощи болгарского государства.

Чешский историк Л. Е. Гавлик (стр. 14—22) пишет о «римском универсализме» и Моравии IX в., когда европейский мир был разделен на две сферы: империю Каролингов и Византию. Ученый доказывает, что политические теории «Запада» и «Востока» имели между собой много общего и основывались на так называемом «универсализме мира», провозглашенном еще Старым Римом. Центром этой идеи в IX в. стала Моравия, а носителями идеи — Кирилл и Мефодий и их ученики. Однако византийский вариант «универсализма мира» не победил: он был вынужден уступить Риму, отстаивавшему этот «универсализм» в более чистой форме.

Румынский палеограф Д. П. Богдан (стр. 23—43) приводит ценный фактический материал по рукописям, свидетельствующий о развитии разных видов славянского полууставного письма у румын в XIV—XVI вв. Здесь прослеживается конкретное развитие в написании отдельных букв в почерках разных изводов и разных скрипториев на протяжении веков. Статья снабжена 17 фототипическими воспроизведениями с рукописей.

И. Тарнидес (стр. 43—60), изучив связи Досифея Обрадовича с греческим миром, приводит немало интересных и малоизвестных фактов. Ф. Малингудиса (стр. 61—76) занимает институт жупан-

¹ «Cyrilmethodianum», t. II. Thessalonique, 1972—1973, 216 p.

ства как терминологическая и историческая проблемы раннеславянской истории. Комментируется богатый фактический материал, начиная с VIII в. Х. К. Папастатис (стр. 77—85) рассказывает о Паисие Лигариде и его роли в истории государства и церкви в России в XVII в. В своих посланиях к царю Алексею Михайловичу и патриарху Никону хиосский грек утверждал главенство государства над церковью, аргументируя это ссылками на священное писание, а также на законы и практику Византии.

Румынский ученый П. Нэстурел (стр. 86—97) пишет об очень интересном молдавском епитрахиле со славянской надписью, изготовленном между 1558—1560 гг. по приказу великого воеводы Молдавии Иона Мотоца. А. Э. Тахиаос (стр. 98—140) подробно рассматривает давнюю спорную проблему о происхождении Кирилла и Мефодия. Основной пафос его статьи: утверждение греческого происхождения первоучителей.

Болгарский ученый Х. Кодов (стр. 141—153) предлагает заметки по некоторым литературно-историческим и текстологическим проблемам византийско-славянских взаимосвязей. Он ставит важнейшую проблему: привлечение старославянских переводов для восстановления утраченных византийских текстов, прежде всего, цикла сочинений Константина-Кирилла Философа о Клименте Римском, написанных первоначально на греческом языке, но сохранившихся только в древнерусском изводе, затем сочинений Константинопольского патриарха Никифора, Георгия Скилицы, Григория Паламы, Григория Синаита и др. Х. Кодов призывает славистов и византинистов к совместной работе.

В разделе «Сообщения» напечатана статья Х. К. Папастатиса о переводчике Шатобриана на греческий язык Григоре Прличеве (стр. 155—159). Опубликован двуязычный текст баллад о Лотреке и

Дабэн-амете. Здесь же помещены статьи И. Тарнавидеса (стр. 160—164) об извести, содержащемся в «Кратких хрониках», о взятии турками Белграда в 1521 г.; И. Пападрианова (стр. 165—169) — о сербском деспоте Джурдже Бранковиче в 1451—1452 гг.; К. К. Харлампидиса (стр. 170—175) — о служанке, изображенной на стенописи храма XII в. Рождества богородицы в Нережи (возле Скопье); М. Альтбауэра (стр. 176—177) — об одной греко-славянской надписи Синайского монастыря св. Екатерины; М. Нистазопулу-Пелекидиса (стр. 178—186) — по поводу трех статей И. Стоянова, касающихся некоторых болгарских рукописей с греческими элементами в них. Специальная информационная заметка рассказывает о симпозиуме «Шесть веков Крушеваца» 4—9 октября 1971 г.

В разделе «Библиографические заметки» обстоятельно и серьезно прорецензированы сборники «Варяжские проблемы» и «Србляк» (1970), статьи и книги — Д. Петкановой-Тотеовой, В. К. Мэдлина и К. К. Патринелис, Е. Э. Гранстрем, А. С. Львова, Д. Оболенского, Ф. Загибы, Э. Турдеану, И. Пападрианоса, А. Ставриду-Зафрака, М. В. Стояновича, А. Э. Вакалопулоса, Д. Трифуновича, Т. П. Иохаласа, Н. Дановой, К. К. Папулидиса, издание «Орфелинова Жития Петра Великого». В конце сборника помещен некролог чешского слависта И. Курца (стр. 214—215).

Из настоящего обзора видно, что в этом солидном сборнике ведущее положение занимают греческие слависты и в центре их работы — Византия, Греция и ее международные связи. Это естественно. Остается только пожелать, чтобы международная представительность этого почти периодического издания росла, круг проблем расширился и методология уточнялась.

Ю. К. Бегунов

БОЛЬШОЙ СИНОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЕРБСКОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА

Интерес к синонимам, вероятно, так же древен, как древни опыты теоретического описания и осмысления языка. Наблюдения над синонимами и попытки их лексикографической фиксации мы находим у ряда греческих и латинских авторов, у знаменитого римского оратора Цицерона, рассуждавшего о сходстве и разности слов *dolor* ('страдание') и *labor* ('болезнь'), у средневековых эллинистов и латинистов. Новое европейское языковедение обогатилось в начале XVIII в. французским синонимическим

словарем аббата Г. Жирара *Synonymes françois, leur différentes significations, et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse*, Paris (изд. 1 1718, изд. 2 1736). Этот солидный труд Жирара, равно как и труды его последователей Рубо и Бозе, побудил многих писателей и филологов заниматься синонимическими штудиями своего родного языка. Среди славянских народов — особенно русские в конце XVIII в. и в начале XIX в. увлеклись рассмотрением «сослов», как тогда калькировали греческое *συν + ὄνομα*

«соимья, соименное слово». Д. И. Фонвизин выпустил в свет в 1783 г. небольшой «Опыт российского сословника», а вслед за ним синонимами занимались и А. С. Шишков, и П. Ф. Калайдович, и многие другие. П. Ф. Калайдович в введении к своему «Опыту словаря русских синонимов» (М., 1818) дал такое определение интересующего нас явления: «Понятия о вещах выражаются словами; но ежели каждую вещь можно рассматривать со всех сторон, в отношении и связи ее с другими вещами, то и понятия о ней могут иметь разные образы выражения, а выражения сии разные степени знаменования, так же как один цвет может иметь многоразличные оттенки. От сего рассматривания вещей произошли в каждом языке синонимы» (стр. 7). Дефиниция эта звучит довольно современно и в наши дни, хотя наука о синонимах с тех пор прошла долгий путь: велась работа над стилистической функцией синонимов, создавались соответственные лексикографические труды. У славян, однако, до недавнего времени не было больших, охватывающих весь словарный состав, синонимических словарей. Лишь в послевоенные годы славистика получила польский словарь, составленный коллективом авторов под редакцией С. Скорупки; русский словарь, выполненный также авторским коллективом под редакцией А. П. Евгеньевой, и рецензируемый сербскохорватский словарь М. С. Лалевича¹. Каждый из названных словарей имеет свое специфическое лицо, свой принцип подачи и классификации материала, свои практические цели. Сравнительный анализ этих трех словарей был бы очень полезен, но занял бы слишком много места, а потому ограничимся лишь кратким изложением структуры последнего.

Словарь М. С. Лалевича называется «Синонимы и родственные слова в сербскохорватском языке». Это означает, что он отражает не только синонимические

¹ «Słownik wyrazów bliskoznacznych». Pod red. Dr. S. Skorupki. Warszawa, 1957, 408 s. (1—е изд.) (около 3000 словарных статей, объединяющих около 30 000 слов); «Словарь синонимов русского языка». В двух томах. Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., т. I, 1970; т. II, 1971, 680 + 856 стр.; M. S. L a l e v i ć. Sinonimi i srodne reči srpskohrvatskoga jezika. Beograd, 1974, 1111 s.

Не так давно вышло два тома чешского словаря, построенного по идеографическо-синонимическому принципу (том I — Вселенная, Земля и природа, растения, животные; том II — человек, его тело, здоровье, характер, деятельность и жизненные потребности): «Ceský slovník vespů a synonymický», zpracoval J. Haller. Praha. t. I, 1969, t. II, 1974 (2 тома — 2325 стр.).

отношения сербскохорватского языка, но и отношения более широкие, отношения родо-видовые (типа **ветар** — олуја, **кошава**, **северац**, **север**, **исток** и т. д.), семантически смежные и т. п. Словарь содержит 24 573 сербскохорватских слова, сгруппированных в статьи, число которых приближается к 4000. В словарной статье выделяется заглавное слово как наиболее обобщающее, как соответствующее несколько абстрагированному понятию, обычно как лишенное детализирующих семантических дифференциальных признаков, сем. Например:

животица — общее название для всех живых существ, кроме человека (а уничтожительно и о человеке): *Човече, јео сам траву као животиња* (А. Исаковић). *Али после сам само хтео да одрешим ону животињу* (Р. Константиновић). **Стока** — общее название для четвероногих домашних животных (овец, коз, крупного домашнего скота, лошадей). **Брав** — название для овец, коз и свиней: *Злу браву зла паша не гине*. **Марва** — принятое иностранное заимствование для скота. **Скот** означает животное, чаще всего домашнее, которое котится: *Дове тако човеку да пљуне, дове да прокуне: мајку му милу што ме укути скота* (Ј. Каштелан). **Звер** — дикое, чаще всего кровожадное животное. **Четвороножац** — все живое, что движется на четырех ногах. **Бестија**, **бештија** — принятое иностранное слово, означающее зверя, свирепое животное. **Хајван** — иностранное слово, означающее скот. **Живинче**, **животиња**, **марвинче**, **зверка** — названия с тем значением, что и однокоренные слова, но относятся к молодым разным животным и к тому, что мелкорослое. *Одлучујем да певам, можда песми ми зверке не одолевају* (Д. Ђосиф) — см. створ.

В алфавитном тексте словаря, насчитывающего 1111 страниц, соответственно приводятся со ссылкой на слово **животиња** — слова **звер**, **скот** (которое соотносено с другим словом изрод 'выродок'), **бестија**, **хајван**, **живинче**, **животиња**, **марвинче**, **зверка**. Слово **брав** в алфавитном перечне пропущено, но зато при слове **стока** мы находим по сути дела новую статью, которая выглядит следующим образом:

стока — общее название для всех четвероногих домашних животных (но не для собак и кошек), проходит от *стели*, то что приобретаетая. **Благо** — то же, что **стока** по значению деньги, со времен, когда скот служил в качестве обменного товара: *Од прасковорја до мрклог мрака чува благо* (М. Божих). *Промичу домаћини тјерају благо на трг* (В. Јелић). **Марва** — то же, что **стока**, **благо**. **Живо** — название скота в широком смысле этого слова, иногда (в Которе) название для членов семьи: *Шта имате живо?* **Грло**, **зуб** — означают часть целого в смысле скота: столько и столько «**грла**» (т. е.

‘голов’) скота, или крупного *«зуба»*, т. е. овец, коз, иногда же говорится и **крупно благо**, т. е. крупный скот, **ситно благо**, т. е. мелкий скот. **Брав** означает *ситни зуб* и свиью на откорме. **Ајван** — заимствованное слово (*хажван*) и означает скот, животное — см. *будала*, *изрод*, *животиџа* (стр. 759).

К этим примерам следует добавить, что словарная статья *животиџа* (№ 24 505) начинается с перечисления синонимов — *животиџа* (ж. р.), *стока*, *брав*, *марва*, *скот*, *звер* и *звѣр*, *четвороножац*, *бестија*, *бештија*, (*х*)*ајван*, *живинче*, *животиџка*, *марвинче*, *зверка* и *звѣрка* и сопровождается переводом заглавного слова на языки македонский, словенский, русский, французский, итальянский, немецкий, английский — *животго*, *žival*, *животное*, *animal-bête*, *animale*, *Tier*, *animal*, а затем уже следует воспроизведенная выше статья со словом *животиџа* с толкованиями и с иллюстративными фразами (в нашем воспроизведении, однако, толкования переводятся на русский язык).

Приведенный пример довольно ярко отражает принцип подачи материала, избранный проф. М. С. Лалевичем. Его можно характеризовать как многоплановый, и в этом безусловная удача автора. Синонимический ряд характеризуется и внутренними отношениями синхронного плана, и пояснениями, связанными с диахроническими моментами (этимология, указание на заимствование), и отношениями литературно-диалектными (ср. указание на которское слово *живо* ‘члены семьи’). Правда, этих указаний на диалектную принадлежность или диалектную основу литературного слова (или только слова, зафиксированного в художественной литературе) могло быть в словаре и больше, однако эта проблема еще очень мало разработана и география отдельных слов в сербскохорватском языке нам часто плохо известна. Очень удачно представлены иллюстративные примеры — их не так много (расписано 65 произведений 65 писателей), но они все относятся к послевоенному периоду и все подобраны самим автором. Автор не избегал примеров из разговорной речи, речи улицы, просторечия. Определенную ценность имеет и фразеологический материал, так как он введен в синонимический ряд и сопоставлен с ним (см. статью *умрети*, где можно найти и *Богу на истину, склонити очи, освојити тама, опростити се света, прекрстити руке, затворити очи, свести очи, отегнути папке, бацити поткове* и др.). В равной мере представлены екавская и екавская нормы произношения и «белградские» и «загребские» лексические варианты типа *хлеб* — *крух*, *напослетку* — *напокон*, *чорба* — *јуџа* и т. п. При этих локальных вариантах обычно не дается указание на типовую (тип литературного

языка) и местную принадлежность. Очевидно, предполагается, что язык в дальнейшем пойдет по пути сближения вариантов, одновременного употребления в разных местных условиях обоих синонимов, что поведет к обогащению языка (ср., например, случай с употреблением слов *соабрађај* и *промет*). В принципе, как я уже отмечал, локализация отдельных слов не столь простая вещь, особенно если учитывать и язык отдельных городов (например, Сараева, Баня Луки, Мостара, Румы и т. п.). Тем не менее этот вопрос довольно существен, ибо с ним связана и проблема стилистической функции синонимов (ср. ряд *џбрѹс*, *нешкир*, *ручник*, *личџак*, *ручџак*, *утирџач* и др.)². Специальных стилистических помет в словаре нет, а пояснений мало (нет, к примеру, помет и пояснений к таким стилистически разнородным фразеологизмам, как *отегнути папке* или *бацити поткове*, с одной стороны, и *устети у Господу* или *уснути вечни сан*, с другой). Впрочем, всегда между синонимами низкого стиля и синонимами высокого стиля существует множество стилистически переходных, чаще всего нейтральных синонимов, чей стилистический статус не так легко определить. По причине расплывчатости и текучести границ между разными типами и классами синонимов автором не всегда последовательно выбраны заглавные слова, не всегда по одному и тому же принципу составлена словарная статья. Об этом самокритично говорит в предисловии и сам автор. Эти непоследовательности, так же как и отсутствие стилистических дефиниций, ни в коей мере не заслоняют и не умаляют общих больших достоинств замечательного труда известного белградского лингвиста. Ценность словаря М. С. Лалевича в его богатом, огромном, очень интересном и новом материале. Если не считать скромного по объему и по задачам (статьи, несколько иным, чем у синонимического словаря) «Систематического словаря» Р. Йовановича, вышедшего до войны³, то рецензируемый труд — первый сербскохорватский полный синонимический словарь. Словари подобного типа обычно составляются коллективами и притом на базе подробных словарных картотек. М. С. Лалевич своей долгой, настойчивой и терпеливой работой еще раз доказал, как доказывали нам в прошлом веке В. И. Даль, Й. Юнгманн, С. Б. Линде, И. И. Срезневский и другие, что

² Подробнее см. в моей статье «К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его „стандартности“». В кн. Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР, Ашхабад, 1968, стр. 124—134.

³ Р. Ј о в а н о в и ћ. Систематски речник. Београд, б/г.

труд одного человека, если он поддержан научным горением и верой в правоту своего дела, может быть поистине титаническим.

К словарию приложены краткая грамматика сербскохорватского языка и индексы македонских, словенских, русских, французских, итальянских, немецких и английских слов, к которым имеются эквиваленты — заглавные слова и соответствующие статьи. Словарь, таким

образом, предназначен не только для сербского и хорватского читателя. Нет сомнения, что он послужит основой или отправной базой для новых словарей и исследований по лексикологии сербскохорватского языка. Опыт его составления найдет свое отражение и в будущих синонимических словарях славянских языков.

Н. И. Толстой

«Балто-славянские исследования». М., «Наука», 1974, 264 стр.

Сложная и многоаспектная проблема балто-славянских языковых отношений имеет исключительно важное значение как для балтийского, так и для славянского языкознания. Балто-славянская проблематика всегда занимала видное место в трудах ученых Института славяноведения и балканистики АН СССР. Располагая значительным количеством высококвалифицированных кадров, работающих в этой области, институт выпускает уже второй фундаментальный сборник статей, посвященный вопросам балто-славянских языковых отношений (см. «Балто-славянский сборник», М., «Наука», 1972). К участию в обоих сборниках был привлечен широкий круг специалистов; работающих за пределами института.

Тематика «Балто-славянских исследований» широка и многообразна. В одних статьях рассматриваются различные аспекты и формы балто-славянских языковых отношений (Ж. Ж. Варбот, З. Зинквичус, Э. Кагайне, Б. Лаумане, А. П. Непокучный, Т. М. Судник, В. Н. Чекоман), в других анализируется собственно балтийский материал, но в сопоставлении со славянским (Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская) или имеющий важное значение также и для славянского языкознания (А. Б. Брейдак, М. И. Лекомцева). За рамки непосредственной тематики сборника выходят статьи В. Н. Топорова, Б. Л. Огибенина и В. А. Дыбо. Но в них также, наряду с более широким индоевропейским материалом, привлекаются данные балтийских и славянских языков, не говоря уже о том, что материал этих статей представляет несомненный интерес и для балто-славянского языкознания.

Несмотря на то что Я. Эндзелен еще в самом конце прошлого века посвятил специальное исследование лексическим заимствованиям из славянских языков в латышский («Живая старина», 1899 г.), до сих пор латышские славизмы остаются еще сравнительно малоисследованной областью. Данный вопрос рассматривается в статьях Э. Кагайне (стр. 206—214) и

Б. Лаумане (стр. 183—205), удачно дополняющих одна другую. Э. Кагайне исследует славизмы в говорах северной Видземе, Б. Лаумане — в говорах Латгалии. В первой статье латышские славизмы анализируются совместно с соответствующими славизмами в эстонском, финском и (прибалтийско-)немецком языках. Литовский материал автором не привлекается к исследованию. Б. Лаумане, напротив, касается вопроса об общих латышско-литовских славизмах и о словах, заимствованных в латышский язык через литовское посредство, почти не затрагивая материала других языков. Оба автора заимствованную из славянских языков латышскую лексику разбирают на тематические группы. Результаты оказываются весьма любопытными. В Латгалии значительный слой славизмов относится к строительной и текстильной лексике, к названиям, связанным с хозяйством¹. В северно-видземских говорах славянские заимствования, как правило, совсем не связаны с трудовой деятельностью человека. В то же время здесь засвидетельствовано много славизмов, относящихся к сфере торговли и транспортных средств, а также к названиям должностных лиц. Это существенное расхождение объясняется разным характером языковых контактов на разных ареалах и в разные эпохи. Общими для Латгалии и северной Видземе оказываются тематические группы, относящиеся к названиям пицци, к экспрессивной лексике и к названиям конской упряжи (правда, последняя группа авторами не выделяется как самостоятельная). Но крайне интересно, что тот материал, который приводится в статьях, не дает, кажется, ни одного примера лексических совпадений в рамках общих тематических групп.

¹ Б. Лаумане пишет о названиях, связанных с сельской жизнью. Неясно, однако, почему хомут, дуга, полотенец, тарелка или ложка должны рассматриваться как предметы, типичные только для сельской жизни.

Так, если в латгалских говорах заимствуются славянские (русск., белор.) *хомут* и *дуга*, то в северно-видземских — *шля* и *седёлка*. Та же самая картина наблюдается и в других общих тематических группах.

Думается, что едва ли правомерно предположение Э. Кагайне о том, что лтш. *kuļmāji* 'обмолоченные стебли клевера, стебли бобовых, льняные отходы' — заимствование из финских языков. Наличие такого ряда, как *kulesāji*, *āuzāji* *zīrnāji* 'вымолоченные стебли пшеницы, овса, гороха' и т. д., позволяет отгнести сюда и *kuļmāji*². По аналогии с *ceļmājs* — *ceļms* и др. мы можем реконструировать форму *kuļms, в которой суффиксальное *-m* вычленяется так же, как у лтш. *ceļ-m-s*, лит. *kel-m-as* 'пень'³, после чего связь реконструированной формы с глаголом *kuļt* 'молотить' окажется в высшей степени правдоподобной. Кстати, Я. Эндзелин в указанном автором месте словаря К. Мюленбаха (II, 307) высказывает предположение, что лтш. *kuļmāji* представляет собой контаминацию *kuļāji* и *kuļmi, а к гипотезе о финском происхождении латшского слова отнюдь не присоединяется.

Т. М. Судник продолжает в своей статье (стр. 215—219) исследование взаимодействия говоров в условиях балто-славянского пограничья, начатое на фонологическом уровне в фундаментальной работе, опубликованной в «Балто-славянском сборнике» (стр. 15—115), и продолженное теперь на уровне морфологическом. В небольшой по объему, но содержательной статье Т. М. Судник приводит экспедиционные записи, свидетельствующие о бесспорном литовском влиянии на белорусскую глагольную парадигму, в которой, как и в литовском языке, функционирует единая форма 3 л. ед. и мн. числа в настоящем и простом будущем времени. Второй яркий пример подобного же рода — утрата интранзитивности у ряда белорусских глаголов с возвратным аффиксом *-ся* в условиях белорусско-литовского двуязычия. В последнем случае автор отмечает не только черты сходства, но и некоторые различия, наблюдаемые в белорусском языке сравнительно с литовским.

Также с небольшой, но интересной статьей выступил в рецензируемом сборнике А. Б. Брейдак (стр. 220—226). Сформулировав правила, касающиеся условий смягчения согласных в латгалских говорах латышского языка, автор обраща-

ется к рассмотрению двух спорных вопросов исторической морфологии и приходит к следующему выводу: 1) в формах локатива множественного числа, где данные литовского языка представлены окончаниями *-su* и *-se*, латгалские говоры дают основание для реконструкции окончания **-su*; 2) в отличие от литовского языка, возвратная морфема латгалского диалекта должна быть реконструирована в форме *so, а не *si.

В статье Ж. Ж. Варбот (стр. 37—48) предлагаются новые этимологии ряда славянских слов, опирающиеся в значительной степени на балтийский (литовский) материал. Особенно интересны этимологии юж.-слав. *rapati 'откусывать, есть' и реконструированного на основе польских диалектных слов *rapęć 'рука'. Автор относит их к и.-е. **rep-* 'хватать' (лат. *rapere* 'хватать', греч. *ἐρέπτομαι* 'пожирать', лит. *rėplės* 'клещи' и др.), причем для *rapęć находит не только надежные семантические параллели (лит. *riškli* 'собирать' → *rankà* 'рука', русск. экспр. *грабли*), но и типичную для названий частей тела словообразовательную модель (*nogęćь, *kogęćь, *olkęćь). Что касается полесск. *зырить* 'накалять' и русск. (диал., простореч.) *зыреть* 'смотреть', то, соглашаясь с правомерностью семантического (и генетического) сближения этих слов, нужно заметить, что некоторые положения данного этимологического этюда вызывают сомнения. Прежде всего Ж. Ж. Варбот слишком категорично отрицает сопоставление *зырить* и *зреть* (В. Пизани), явно преувеличивая трудности в объяснении корневого вокализма. Приведя известные примеры с *горло* и *жерло*, *скорбь* и *ущерб*, она пишет, что «вариантность в случае *зыреть* далеко не так прозрачна» (стр. 38). Однако такие примеры, как *зърбти* и *взорь*, *зырцало* и *зоркий*, основа *зърк-* и *зырк(ать)*, свидетельствуют о полной правомерности и фонетической надежности сопоставления *зърбти* и *зырить*⁴. Обращаясь к анализу очень сложной и многочисленной группы родственных слов, Ж. Ж. Варбот ограничивает привлекаемый ею материал лишь некоторыми изолированными примерами — что делает ее выводы не всегда убедительными. Так, реконструируя для глагола *зырить* основу инфинитива на *-ē* (ср. лит. *žūrėti*, слав. *viděti, *sъmotrěti и др.), она не учитывает наличия в диалектах русского языка таких слов, как *зорити*, *зарити* (ср. русск. литерат. *зариться*) 'смотреть', у которых, как и у *зырити*, — инфинитив на *-ити*, а не на *-бти*. Кстати, фонетически *зорити* можно сопоставить

² J. E n d z e l i n. Lettische Grammatik. Riga, 1922, I. 207.

³ К корню **kel-* 'рубить' — см. P. S k a r d ž i u s. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, p. 202. Там же — другие примеры данной словообразовательной модели.

⁴ Наличие вариативности типа *жерло*: *горло*, *зърк-*: *зорк-* и т. п. — объясняется, видимо, двойной рефлексацией слогообразующих и.-е. сонантов (в частности, *r₂), обычной на балто-славянском ареале.

с *зърѣти* 'смотреть' так же, как омонимичное др.-русс. *зорити* 'приводить в зрелость' (Срезневский I, 997) — со ст.-слав. *зърѣти* 'зреть' (ср. выше — о трудностях корневого вокализма). Многие остаются здесь неясным и в сопоставлениях славянского материала с балтийским. Так, ни лит. *žvūrėti* (**gūr-*) 'сверкать', ни *žiūrėti* (**gūr-*?) 'смотреть' не совпадают фонетически с *зърѣти* (впрочем, как и со *зърѣти*). Сопоставления между приведенными литовскими словами (а также лит. *žarà* 'заревó', *žarijà* 'горячий уголь', *žerėti* 'сверкать' и др.), как правило, до сих пор проводились лишь на семантическом уровне. Думается, что к детальному этимологическому разбору всей этой чрезвычайно сложной группы балто-славянских слов автору имеет смысл еще вернуться в своей дальнейшей работе.

В. Н. Чекман анализирует в своей статье (стр. 116—135) случаи двойной рефлексии и.е. *k и *g на балто-славянском ареале. Он рассматривает более 70 примеров непосредственной сатемности, многие из которых до сих пор не были отмечены в литературе. Значительное количество примеров автором взято из диалектов литовского языка: *giedrà* — *žiedrà* 'солнечная погода' (№ 55), *kniūti* — *šniūti* 'бить, лупить' (56), *kėrpė* — *šėrpė* 'налет во рту' (59), *kvėkšti* — *švėkšti* 'кричать, пищать' (71), см. также № 29, 41, 46 и др. Есть в списке В. Н. Чекмана примеры и менее удачные. Так, сумма значений лит. *šaras* 'соломинка, соринка; щепка' и его производных едва ли позволяет видеть в этом слове этимологическую пару к *карбіи* 'рубить, колотъ' (ср. также русск. *копаты*) — № 49. Едва ли правомерно сближение лит. *kauti* 'сбить, рубить' и *šauti* 'стрелять' (русск. *коваты* и *соваты*) — № 68; см. также № 12, 21, 37. Вместе с тем В. Н. Чекман не считает дублетами такие известные примеры как лит. *akmuo* 'камень' — *ašmuo* 'лезвие' (стр. 121), слав. *květъ — *světъ (стр. 117—118), лит. *kaukti* 'выть' — *šaukti* 'кричать' и др. В некоторых случаях в статье оказались пропущенными ссылки на предшественников. Например, в № 39 лит. *kleivas* — *šleivas* 'хромой' (К. Буга, Ф. Шпехт, Э. Френкель, Я. Отрембский), № 48 слав. *skokъ — лит. *šokti* 'прыгать, танцевать' (В. Георгиев), № 69 слав. *gordъ — русск. диал. *зород* (В. Георгиев), № 71 лит. *knaukti* — *šnaukti* 'хрепеть' (Ф. Шпехт) и др.

Признавая, что приведенный им список дублетов «не является ни полным, ни окончательным» (стр. 128), В. Н. Чекман даже для первого этапа исследования мог бы использовать более широкий материал, уже отмеченный его предшественниками. В частности, из литовской диалектной лексики, представляющей для автора

особый интерес, можно было бы взять такие примеры Ф. Шпехта, как *kneškėti* — *šneškėti* 'хныкать', *kvaiké* — *kvaišė* 'глухая женщина' и др.⁵ Однако все эти частные замечания отнюдь не снижают самой высокой оценки представленного в статье В. Н. Чекмана нового материала, относящегося к явлениям непосредственной сатемности в балтийских и славянских языках.

Исключительный интерес представляет также и теоретическая часть работы В. Н. Чекмана — как в ее негативной (критика гипотез иноязычного кентумного влияния и «унификации раздвоенного корня»), так и в позитивной части. Автор выдвигает оригинальную гипотезу о существовании прабалто-славянского кентумного диалекта, определяя условия, в которых здесь возникли кентумные и сатемные диалектные варианты, двойной рефлексией индоевропейских слогаобразующих сонантов (*ir/ur* и т. д.) на балто-славянском ареале.

Мне кажется, В. Н. Чекман местами излишне унифицирует анализируемый материал, рассматривая его как единое явление (стр. 130 и др.). Между тем материал этот нуждается в определенном разграничении — хронологическом, ареальном (что отчасти сделано автором), качественном. Легко заметить, что среди дублетов, не выходящих за рамки литовского (балтийского) ареала (или выходящих за них лишь типологически), имеется большое число звукоподражательных слов. Немало здесь будет и рифмованных пар (*Reimwörter*)⁶, а также дублетов, отражающих ассимилятивно-диссимилятивные изменения (ср. *glėgžnas* и *žlėgžnas* 'мягкий', *kiaugždas* 'гнилое дерево' и *šiaugždai* 'мусор, хлам', *kvėkšti* 'кричать хриплым голосом' — *švėkšti* 'тяжело дышать, шуметь' и др.). Все это уже отмечалось в литературе⁷, и я не уверен, что такого рода примеры следует ставить в один ряд с соответствиями типа лит. *akmuo* — др.-инд. *áśman-* 'камень', слав. *gōsъ — лит. *žasis* и т. п.

Статья А. П. Непокупова посвящена лингвогеографическому и этимологическому анализу литовских и белорусских топонимов в районе г. Дятлово (стр. 144—154). Очень интересна нанесенная на карту (стр. 147) общая литовско-белорусская изоглосса *Dainavà/Ямець*, являющаяся,

⁵ F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944 (1947), S. 317, прим. I (со ссылкой на литературу).

⁶ В статье отмечаются, кажется, только два таких примера (стр. 128 и 130).

⁷ E. Fraenkel. Die baltischen Sprachen, ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1950, S. 15—17.

по мнению автора, отражением древних балто-славянских этнических и территориальных отношений. Кроме того, в статье дается анализ лит. *Zasėšiai*/белор. *Засеце* и лит. *Zietela*/белор. *Дзятлава*. В последнем случае А. П. Непокупный предлагает этимологию литовско-белорусского топонима, возводя его — в конечном итоге — к названию озера *Зьято*, упомянутого под 1253 г. в Ипатьевской летописи. Однако вопрос о происхождении самого гидронима *Зьято* автор оставляет открытым.

Л. Г. Невская приводит в своей статье (стр. 155—182) богатый диалектный материал, отражающий балтийскую тельмографическую терминологию. Этот материал классифицируется автором по типам номинации, в работе анализируется взаимодействие различных семантических полей. Многие семасиологические наблюдения автора, сопоставления балтийского материала со славянским представляют значительный интерес для диалектологии, семасиологии, лексикологии. В ряде случаев обилие материала вынуждало автора лишь бегло касаться отдельных сложных вопросов, что можно рассматривать как своего рода заявку автора на будущие обстоятельные исследования.

Такой же заявкой или своеобразным «анонсом» о готовящейся монографии является статья З. Зинкявичюса (стр. 136—143), в которой излагаются предварительные результаты исследования рукописной книги бракосочетаний вильнюсского костела св. Яна с 1602 по 1615 г. Эта книга представляет собой важный источник, отражающий литовско-польские языковые контакты начала XVII в. на материале антропонимии г. Вильнюса. З. Зинкявичюс отмечает среди патронимов наличие большого количества древних (дохристианских) литовских личных имен, в том числе — двусоставных. В исследуемой автором книге на материале антропонимов отчетливо проявляются следы полонизации, особенно заметные среди людей привилегированных социальных слоев.

Типологической характеристике фонологических систем диалектов латышского

языка посвящена статья М. И. Лекомцевой (стр. 227—241); Вяч. Вс. Иванов опубликовал в сборнике статью о реконструкции общепалтийских синтаксических структур (стр. 106—115); статья В. А. Дыбо об афганском ударении (стр. 67—105) связана с проблематикой сборника в плане значения афганского материала для балто-славянской акцентологии. В центре внимания статьи Б. Л. Огибенина — этимология будд. санскр. *palāva* — ‘солома, шелуха, мякина’ (стр. 49—66). Это слово обычно сопоставляется с русск. *полова* и с относящимися сюда же балтийскими и иными индоевропейскими соответствиями. Б. Л. Огибенин без достаточных, как мне кажется, оснований отказывается от традиционных сопоставлений и предлагает новое — слишком сложное — этимологическое решение. Статья В. Н. Топорова (стр. 3—36) стоит несколько особняком в рецензируемом сборнике: она посвящена вопросам сравнительной индоевропейской (балтийской, древнегреческой и древнеиндийской) мифологии. К предложенному В. Шульце сопоставлению теонимов др.-греч. *Πάυ* и др.-инд. *Pūśán* В. Н. Топоров присоединяет балт. *Puš(k)ait-*, обращая особое внимание на выявление функционально общих черт у каждого из этих божеств. Кроме того, в статье предлагается этимология рассматриваемых теонимов, основанная на сопоставлении со слав. *пух* (русск. *пух*, *пухнуть* и др.) В конце сборника опубликованы письма Й. Юшки И. И. Срезневскому (Г. К. Венедиктов) и Ст. Младенова А. А. Шахматову (М. В. Никулина).

В заключение нужно отметить, что Институт славяноведения и балканистики АН СССР за сравнительно короткий срок выпустил два весьма содержательных, разнообразных по своей тематике и интересных сборника, посвященных балто-славянским отношениям. Хотелось бы, чтобы такие сборники издавались регулярно — подобно сборнику «Этимология», ежегодно издаваемому Институтом русского языка АН СССР.

Ю. В. Откупщиков

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1975 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Александриков Д. В. Сотрудничество стран социализма — яркий пример торжества принципа суверенного равенства государств. В кн. Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

Вирт А. Критика автитарксистских теорий, отрицающих историческую роль рабочего класса. Уч. зап. Выш. парт. школы при ЦК КПСС, 1975, вып. 3.

Дудинский И. Мировая социалистическая система — новая международная историческая общность. Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 10.

Дудинский И. Созидательная сила социалистического интернационализма. Междунар. жизнь, 1975, № 8.

Дудинский И. В. Интернациональное и национальное в развитии социалистических государств. «Расы и народы», 1975, № 5.

Дудинский И. В. Некоторые проблемы создания развитого социализма в странах социалистического содружества. «Новая и новейшая история», 1975, № 5.

Захер Л. Технические и социальные изменения (Проблемы управления развитием в эпоху научно-технической революции). Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Звара Ю. Преимущества социалистического управления национальными отношениями. В кн. Социализм и нации. М., 1975.

Конева Н. А. Критика реформистских, ревизионистских и догматических теорий перехода к социализму. В кн. Критика антинаучных теорий по курсу политической экономики. Разд. 2. Саратов, 1975.

Корчак И. Решающий фактор стабильности и прогресса в Европе. (Мировая социалистическая система). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 7.

Костюшко И. И. Польская Народная Республика (Основные этапы развития). «Новая и новейшая история», 1975, № 5.

Кодар С. Соотношение национальных интересов стран мировой системы социализма. Автореф. канд. дис. Киев, 1975.

Матоушек С. «Демократический социализм» — идеологическое и политическое орудие реакционных сил. В кн. Политико-правовые доктрины современного империализма. М., 1974.

Михеев В. М. Реакционная сущность современного антикоммунизма. В кн. Творчество молодых. (Материалы Респ. смотра-конкурса научн. работ студентов Минского пединститута им. А. М. Горького). Минск, 1975.

Национальный праздник Югославии. Коммунист Вооруж. Сил, 1975, № 20.

Орлик-Гарлик И. И. Социалистическое содружество и теоретика антикоммунизма. В кн. Буржуазное государство и идеологическая борьба. Таллин, 1975.

Пекшев Ю. А. Некоторые актуальные проблемы развития мировой социалистической системы. Уч. зап. Выш. парт. школы при ЦК КПСС, 1975, вып. 3.

Помайзл К. Проблемы формирования социалистических наций в ЧССР. В кн. Социализм и нации. М., 1975.

Развивается и крепнет содружество социалистических стран. Парт. жизнь, 1975, № 15.

Савчук В. О влиянии научно-технической революции на формирование пропорций в мировом социалистическом хозяйстве. В кн. Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия. Киев, 1975.

Стойчев С. Т. Руководство и управление. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Титов В. Особенности действия экономических законов в мировой социалистической системе. Эконом. науки, 1975, № 9.

30 лет Социалистической Федеративной Республике Югославии. Вестн. статистики, 1975, № 10.

Фельдман Д. М. Закономерности развития мировой системы социализма и законы строительства социалистического общества в различных странах (Некоторые итоги и перспективы исследования). Научн. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1975, № 5.

Фитце В., Ник Г., Паулигк Н., Шлейф Г. Развитие личности и научно-технический прогресс при социализме. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 2.

Хавина С. А. Критика буржуазных и ревизионистских моделей «рыночного социализма». В кн. Буржуазное государство и идеологическая борьба. Таллин, 1975.

Шабад Б. А. Государство развитого социалистического общества и антикоммунизм. В кн. Буржуазное государство и идеологическая борьба. Таллин, 1975.

Ярошевский Т. М. Труд, личность, творчество. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 9.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Богущ Е. Ю. Координация внешней политики стран социалистического сотрудничества. Уч. зап. Высш. парт. школы при ЦК КПСС, 1975, вып. 3.

Герек Э. Великая хартия мира в Европе. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 10.

Доронченков А. И. Про основні критерії соціалістичного інтернаціоналізму. Питання наук. комунізму, Київ, 1975, вип. 29.

Журавлев Ю. Первые соглашения с развивающимися странами. Международная жизнь, 1975, № 10.

Мишаев Л. М. Единство коммунистического движения и идеологическое сотрудничество братских партий. Встр. истории КПСС, 1975, № 8.

Николаев Л. Н. Всесоюзная конференция об историческом значении установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы (Москва, 24—25 февраля 1975 г.). «Новая и новейшая история», 1975, № 4.

Райский Н. С. Историческое значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы (Конференция в Москве, февраль 1975 г.). «История СССР», 1975, № 5.

Средин Г. В. Политика КПСС в области укрепления братства по оружию стран социалистического сотрудничества. Встр. истории КПСС, 1975, № 10.

Якушевский И. Т. Буржуазные концепции о соотношении теории и практики в социалистической внешней политике. В кн. Буржуазное государство и идеологическая борьба. Таллин, 1975.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Азар В., Ушакова Н. Вопросы ценообразования на товары народного потребления и услуги в Народной Республике Болгарии. Встр. ценообразования, 1975, вып. 4.

Апостолов Е. Человек и его жизненная среда. Соц.-эконом. и идеол. пробл.

лемы науч.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 2.

Архипов А. Управление социалистическим народным хозяйством: теоретические проблемы. Симпозиум в Смоленицах. Встр. экономики, 1975, № 9.

Баклейко С. В. Научно-техническая революция и повышение эффективности сельскохозяйственного производства стран — членов СЭВ. В кн. Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия. Киев, 1975.

Барковдский А. Н. Польша семидесятых годов (Основные факторы экономического роста). Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1975, № 4.

Барыл Я. Аграрная политика в интересах народа. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 9.

Баутина Н., Промский Н. Совместная плановая деятельность стран СЭВ. Встр. экономики, 1975, № 7.

Березин В. Стипендиальный фонд СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Битков А., Гахран С., Мюль П. Экономические связи стран — членов СЭВ с другими странами. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Болталиня Е. Яркий пример братского сотрудничества. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Будкин В. С. Социалистическая экономическая интеграция и повышение эффективности научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия. Киев, 1975.

Бух М. Е. Интеграционные связи в сельском хозяйстве и смежных отраслях Польской Народной Республики. Сб. научн. трудов Всесоюзн. научн.-исслед. ин-та экономики сельск. хоз-ва, 1975, вып. 73.

Быков А. Н. Научно-техническая революция и международное сотрудничество. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1975, № 4.

Быков А., Бульба Т. Актуальные проблемы социалистической экономической интеграции. Коммунист Вооруж. Сил, 1975, № 11.

Бычваров М. Состояние и проблемы географии туризма в Болгарии. Вестн. Моск. ун-та. География, 1975, № 3.

Вайс Т. Сотрудничество стран СЭВ в использовании трудовых ресурсов. Встр. экономики, 1975, № 9.

Ванер И. Изменения в общественных производительных силах, вызванные научно-технической революцией. Соц. эконом. и идеол. проблемы научн.-техн.

революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Великов В. С. О значении морального стимулирования молодых рабочих (по материалам конкретного социологического исследования промышленных предприятий г. Варны). *Вопр. классовой борьбы и классовой психологии*, Горький, 1973, вып. 1.

Виденов И. Проблемы стимулирующей роли цен в НРБ. *Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции* (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Виноградов В. В. Из опыта использования резервов производства в странах — членах СЭВ. В кн. *Резервы промышленного производства — на службу народному хозяйству*. Ярославль, 1975.

Габов Ф. И. Развитие деревообрабатывающей промышленности социалистических стран в районе Карпат и типы предприятий этой отрасли. В кн. *Типологические подходы в отраслевых и региональных географических исследованиях*. М., 1975.

Гаевски Я. Определение оптимальных изменений в структуре производства при планировании увеличения земельной площади. *Междунар. с.-х. журн.*, 1975, № 5.

Галамбош И. Нефтепровод «Адриан». *Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ*, М., 1975, вып. 3.

Гениш О. Перспективы экономического сотрудничества Чехословакии со странами — членами СЭВ. «Чехословацкая внешняя торговля», Прага, 1975, № 7.

Герле Д. Защита окружающей среды и НТР. *Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции* (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 2.

Гирш Й. Совместная разработка и внедрение математических методов в систему управления производством. *Междунар. с.-х. журн.*, 1975, № 5.

Голуб Д. В. Экономическое соревнование двух мировых систем. В кн. *Творчество молодых* (Материалы Респ. смотр-конкурса научн. работ студентов Минского пединститута им. А. М. Горького). Минск, 1975.

Гребенникова Б. Стратегия прогресса (К итогам ХХIX сессии СЭВ). *Междунар. жизнь*, 1975, № 8.

Грозев И., Димитров К. Совершенствование экономического механизма в сельском хозяйстве Болгарии. *Междунар. с.-х. журн.*, 1975, № 5.

Гвоздь И. Актуальные вопросы градостроительства и районной планировки. В кн. *Социалистическая интеграция в области капитального строительства*. М., 1975.

Данайлов П. Сотрудничество стран — членов СЭВ и развитие энергетики народной республики Болгарии. *Эко-*

ном. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, вып. 3.

Данин В. П. Критика антимакинхистских теорий по вопросам оплаты труда и материального положения трудящихся при социализме. В кн. *Критика антинаучных теорий по курсу политической экономии*. Разд. 2. Саратов, 1975.

Дворянчиков Б. А. Стандартизация безопасности труда в рамках СЭВ. *Научн. работы ин-тов охраны труда ВЦСПС*, 1975, вып. 95.

Дерябина М. Объединения в промышленности европейских стран СЭВ. *Эконом. газ.*, 1975, № 38.

Добрин Ю. Г., Рогочев В. И. Критика антинаучных теорий воспроизводства при социализме. В кн. *Критика антинаучных теорий по курсу политической экономии*. Разд. 2. Саратов, 1975.

Домагала М. Система обязательного транспортного страхования в Польской Народной Республике. «*Финансы СССР*», 1975, № 9.

Домдей К. Х. О стратегии сотрудничества социалистических стран с антиимпериалистическими странами Азии, Африки и Латинской Америки. В кн. *Экономическая роль государства в развивающихся странах*. М., 1975.

Дочев И. Модернизация техники — основное направление повышения эффективности общественного производства. *Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции* (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Дудчак В. И. О взаимозависимости научно-технической революции и социалистической экономической интеграции. В кн. *Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия*. Киев, 1975.

Евстигнеев Р. Н., Файштейн П. А. Изменения в системе управления экономикой Польской Народной Республики. *Экономика и организация пром. производства*, Новосибирск, 1975, № 4.

Евстигнеева Ю. Г. Развитие межхозяйственных коопераций и межотраслевых экономических связей в сельском хозяйстве Чехословацкой Социалистической Республики. *Сб. научн. трудов Всесоюз. научн.-исслед. ин-та экономики сельск. хоз-ва*, 1975, вып. 73.

Жамин В. Сельское хозяйство стран — членов СЭВ. *Экономика сельск. хоз-ва*, 1975, № 10.

Зубков А. И. Интеграция на всех уровнях. *Международные совместные предприятия стран СЭВ*. *Экономика и организация пром. производства*, Новосибирск, 1975, № 3.

Иноземцев Н. Решение топливно-энергетической и сырьевой проблем — на плановой основе. *Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ*, М., 1975, вып. 3.

Казанец И. Расширяется и углуб-

ляется сотрудничество в области черной металлургии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Капитански И. Специалисты с высшим образованием в сельском хозяйстве Болгарии. Кадры сельск. хоз-ва, 1975, № 4.

Карасев Г. Ф. Развитие интеграции в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности Социалистической Федеративной Республики Югославии. Сб. научн. трудов Всесоюзн. научн.-исслед. ин-та экономики сельск. хоз-ва, 1975, вып. 73.

Карпенко И. М. Аграрно-промышленная интеграция в европейских социалистических странах. В кн. Аграрные и аграрно-промышленные комплексы: научные основы, опыт и перспективы развития. Киев, 1975.

Карпенко И. М. Основные тенденции развития межхозяйственных связей и межотраслевых экономических отношений сельского хозяйства в европейских социалистических странах. Сб. научн. трудов Всесоюзн. научн.-исслед. ин-та экономики сельск. хоз-ва, 1975, вып. 73.

Коломан А. Развитие организационных форм управления в потребительской кооперации Словакии. В кн. Совершенствование экономической работы в организациях и предприятиях потребительской кооперации. Ч. 1. М., 1974.

Комарич Дж. «Интерхимволокно» начинает свой путь. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Конев Ю. В. Научно-техническая интеграция — важнейшая сфера сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы научного коммунизма. Вып. 7. М., 1975.

Константинов Ю. Переводный рубль в системе международного экономического сотрудничества. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Константинов Ю. Финансы международных хозяйственных организаций. Эконом. газ., 1975, № 40.

Кормнов Ю. Социалистическая экономическая интеграция и кооперация. Вспр. экономики, 1975, № 9.

Костов Б. Девненский промышленный комплекс. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Кравцова И. Г., Соколов А. И. Вопросы экономического развития стран — членов СЭВ. Рабочий класс и соврем. мир, 1975, № 5.

Кулешина Б. С. Научно-технический прогресс и углубление международной специализации производства стран — членов СЭВ. В кн. Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия. Киев, 1975.

Кульпиньски Я. Итоги сотрудничества стран — членов СЭВ в области

угольной промышленности. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Ладыгин Б. Н. Некоторые вопросы планомерного управления социалистической экономической интеграцией. Уч. зап. Вышш. парт. школы при ЦК КПСС, 1975, вып. 3.

Лебединская А. А. Проблемы ценообразования в международных хозяйственных объединениях. Изв. АН СССР. Сер. экономики, 1975, № 5.

Левиков Г. А., Назаренко В. М. Координация народнохозяйственных планов — основа планирования развития морских перевозок между странами — членами СЭВ. Тр. Проектно-исследовательского и научн.-исслед. ин-та мор. транспорта, 1975, № 38.

Линия электропередачи высокого напряжения Винница — Западноукраинская-Альбертирша. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Людникова Г. Т. Развитие интеграционных процессов сельского хозяйства Народной Республики Болгарии. Сб. научн. трудов Всесоюзн. научн.-исслед. ин-та экономики сельск. хоз-ва, 1975, вып. 73.

Матвеев П. «Интерметалл» за работой. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3. 1975.

Мелконян М. Ступени интеграции. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Мисюна В. Развитие кооперативных форм в Польше. Экономика сельск. хоз-ва, 1975, № 9.

Митрофанова Н. Особенности системы цен мирового социалистического рынка. Эконом. науки, 1975, № 7.

Морозов В. Страны СЭВ и Дунай. Междунар. жизнь, 1975, № 8.

Мунтяну А. Энергетический великан у «Железных ворот». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 2.

Николов Н., Бычварова Ц. Применение стохастического программирования при оптимальном планировании сельскохозяйственного производства. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 5.

Обороотов А. XXIX сессия СЭВ: итоги и перспективы сотрудничества. «Слово лектора», 1975, № 10.

Оруджев С. Растут поставки газа в страны — члены СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Павичевич М. Перенесение иностранной технологии в экономику Югославии. Соц.-экон. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Павловски Ц. Научно-технический прогресс и изменение профессионально-квалификационного уровня рабочего

класса. Проблемы научн. коммунизма, 1975, вып. 9.

Панасенков А. Возрастающая роль атомной энергии в решении топливно-энергетических проблем. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Паестка Ю. Динамизм нововведений. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Паестка Ю. Социальные факторы развития. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1975, № 4.

Петренко В. Совместными усилиями стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Пинтер Т. Энергосистема «Мир» и многостороннее сотрудничество. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Поклад Б. И. Социалистическая экономическая интеграция — объективный процесс развития социалистического сотрудничества. В кн. По заветам В. И. Ленина. (Некоторые вопросы сов. внешне. политики и дипломатии.) Вып. 4. М., 1975.

Полян П. М. Некоторые аспекты географического изучения кооперированных связей в машиностроении. В кн. Проблемы экономической географии социалистических и капиталистических стран. М., 1975.

Птичкин Н. XXIX сессия Совета Экономической Взаимопомощи. «Внешняя торговля», 1975, № 10.

Пугачев Б. М., Тяхтин И. А. Социалистическая интеграция, ее сущность, рамки и механизм. В кн. Теоретические проблемы развития мировой социалистической системы. М., 1975.

Пучек З. Участие Чехословакии в международном социалистическом разделении труда в области черной металлургии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Пэлжэз М. В соответствии с комплексной программой. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Раковский С. Н. К вопросу о типологии миграции населения в социалистических странах Европы. В кн. Типологические подходы в отраслевых и региональных географических исследованиях. М., 1975.

Рашкович Р. Техническая интеллигенция и современное развитие (Значение прогнозирования потребностей в инженерно-технических кадрах). Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Румянцев А. П. Роль внешних факторов в развитии научно-технической революции в странах социализма. В кн.

Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия. Киев, 1975.

Савелова И. Н. Развитие технологического обмена между социалистическими и капиталистическими странами. Вопр. изобретательства, 1975, № 7.

Сакевич Т. Т. Изучение проблем социалистической экономической интеграции на примере советско-польского экономического сотрудничества. В кн. Методические рекомендации по использованию местного материала в преподавании политической экономии. Минск, 1975.

Сезганова Н. Ф. Социалистическая экономическая интеграция и ее буржуазные истолкователи. В кн. Буржуазное государство и идеологическая борьба. Таллин, 1975.

Секер Д. Успешное сотрудничество в области цветной металлургии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Сенин М. В. Социалистическая экономическая интеграция — важное условие упрочения и развития мировой социалистической системы. Уч. зап. Высш. парт. школы при ЦК КПСС, 1975, вып. 3.

Сецомски К. Применение результатов прогностических исследований в планировании социально-экономического развития. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.

Смитенко Б. М. Критика теории антикоммунизма по вопросам социалистической экономической интеграции. Изв. АН СССР. Сер. экономики, 1975, № 5.

Суляева Л. Международный социалистический кредит. Эконом. науки, 1975, № 9.

Тарлецкая Л. В. Вопросы организации и методологии статистики внешней торговли Польской Народной Республики. В кн. Проблемы экономической статистики и учета в зарубежных странах. М., 1974.

Трахтенгерц Л. А. Договоры о передаче научно-технических достижений в рамках СЭВ. Вопр. изобретательства, 1975, № 10.

Трейвиш А. И. Вопросы локализации АЭС в социалистических странах зарубежной Европы. В кн. Проблемы экономической географии социалистических и капиталистических стран. М., 1975.

Филипенко А. С. Углубление экономических связей стран — членов СЭВ в условиях научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия. Киев, 1975.

Хрынкевич Я. Участие Польши в развитии топливно-сырьевой базы. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Шецелюк Г. А. Некоторые проблемы совершенствования отраслевого управления промышленным производством

стран — членов СЭВ. Организация и планирование отраслей нар. хоз-ва, Киев, 1975, вып. 39.

Шепелюк Г. А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в совершенствовании технической базы легкой промышленности в условиях научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция: закономерности и социально-экономические последствия, Киев, 1975.

Шинкарев Л. Усть-Илимский фундамент. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

4. Партийная жизнь

Боттга С. Работа КПЧ с руководящими кадрами общественных организаций. В кн. Из опыта партийного руководства государственными и общественными организациями трудящихся в странах социалистического содружества. М., 1975.

Гришин Я. Я. Деятельность ПОРП по подъему сельского хозяйства. В кн. Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. История. Казань, 1975.

Гутира И. Борьба партии за формирование ленинских принципов чехословацкой федерации и ее значение для развития наших наций. В кн. Социализм и нации. М., 1975.

Донев Д. Вклад Болгарской коммунистической партии в укрепление единства социалистического содружества. В кн. Социализм и нации. М., 1975.

Шурок-Шведа Я. О формах и методах повышения авангардной роли коммунистов в местных органах государственной власти ЧССР. В кн. Из опыта партийного руководства государственными и общественными организациями трудящихся в странах социалистического содружества. М., 1975.

5. Государственное строительство. Право

Безганс З. Я. Социально-экономические и законодательные предпосылки принятия социалистической конституции Народной Республики Болгарии 1971 года. В кн. Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974.

Белоглазев М. Значение ленинской программы развития изобретательства при социализме. Вопр. изобретательства, 1975, № 9.

Власкин Г. А., Симановский С. И. Лицензионная практика ПНР. Вопр. изобретательства, 1975, № 7.

Грингольц И. А. Унификация и сближение законодательства стран — членов СЭВ в процессе социалистической экономической интеграции. Сов. государство и право, 1975, № 10.

Ефимов В. Я. Понятие и виды особых производств в уголовном процес-

се ПНР. Юрид. гарантии применения права и режим соц. законности в СССР, Ярославль, 1975, вып. 1.

Згуровский Ю. В. К вопросу о пределах международно-правовой унификации норм права. В кн. Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

Коницкий Ю. В. Мифы о «тождественной» роли капиталистических и социалистических государств в развитии общества. В кн. Буржуазное государство и идеологическая борьба. Таллин, 1975.

Каленски П. Международные хозяйственные организации стран — членов СЭВ. Вопросы правового регулирования. Сов. государство и право, 1975, № 9.

Каницки Х. По пути развития социалистической демократии. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 10.

Карасина Н. И. Вопросы охраны труда в Кодексе законов о труде ПНР. Науч. работы ин-тов охраны труда ВЦСПС, 1975, вып. 94.

Конвенция о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из отношений экономического сотрудничества и научно-технического. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Лагадинова Е. Положение женщины — критерий общественного прогресса. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 7.

Мелик-Дадаева И. А. Криминологические учреждения в Народной Республике Болгарии. В кн. Криминологические учреждения социалистических стран. М., 1975.

Мелик-Дадаева И. А. Криминологические учреждения в Польской Народной Республике. В кн. Криминологические учреждения социалистических стран. М., 1975.

Мелик-Дадаева И. А. Криминологические учреждения Чехословацкой Социалистической Республики. В кн. Криминологические учреждения социалистических стран. М., 1975.

Мелик-Дадаева И. А. Криминологические учреждения в Социалистической Федеративной Республике Югославии. В кн. Криминологические учреждения социалистических стран. М., 1975.

Михалева Н. А. Сущность и особенности конституций зарубежных социалистических государств периода построения развитого социализма. В кн. Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

О ратификации Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о взаимной охране авторских прав на произведение литературы, науки и искусства. Указ Президиума Верховного Совета СССР. Москва, 3 сен-

тября 1975 г. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1975, 10 сентября, № 37.

Овчаренко А. А. Соединение законодательства и управления деятельности Народного собрания НРБ. В кн. Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

Павлов С. Новый уголовно-процессуальный кодекс Народной Республики Болгарии. Сов. юстиция, 1975, № 17.

Рыбицкий З. Основные тенденции развития аппарата государственного управления в условиях научно-технической революции. В кн. Социалистическое государство, право и научно-техническая революция. М., 1975.

Свечкарёв А. И. Комиссии (комитеты) верховных органов власти зарубежных социалистических федеративных государств. В кн. Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

Соглашение о правовой охране изобретений, промышленных, общепользовательных образцов и товарных знаков при осуществлении экономического и научно-технического сотрудничества. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, вып. 3.

Тимофеев Т. Т. В авангарде общественно-исторического прогресса (О некоторых проблемах и направлениях многостороннего сотрудничества ученых социалистических стран по теме «Рабочий класс в мировом революционном процес-

се»). В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

Топорнин Б. Н. Социалистическая демократия и развитие научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция, управление и право. М., 1975.

Трахтенгерц Л. А. Правовые формы сотрудничества стран СЭВ при проведении научных исследований (координация и кооперация). Тр. Всесоюз. научн.-исслед. ин-та сов. законодательства, 1975, вып. 3.

Финочко Ф. Д. Судебный контроль в государственном управлении европейских социалистических стран. В кн. Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

Фрицкий О. Ф. Соединение в местных органах власти социалистических государств нормотворчества и управления. В кн. Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

Чангули Г. Развитие криминально-процессуального законодательства в Народной Республике Болгарии. Рад. право, Київ, 1975, № 10.

Шишков А. Правовое обслуживание в сельском хозяйстве Народной Республики Болгарии. Соц. законность, 1975, № 9.

Ярузельский В. Классовая роль армии в социалистическом обществе. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 7.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Авидов Л. И. Культура шаровидных амфор в Польше. Сов. археология, 1975, № 3.

Архивы академий наук социалистических стран. Библиогр. (Отв. ред. Б. В. Левшин). Л., «Наука», 1975.

Белюсова З. С. Франция и проблемы безопасности в Европе (1933—1935 гг.). «Новая и новейшая история», 1975, № 4.

Болтарович З. С. Гуцульщина в польской этнографической литературе XIX ст. В кн. Материалы з этнографії та мистецтвознавства. Київ, 1975.

Бутковский В. А., Ямборак Я. С., Бутковська І. В., З історії промисловості Івано-Франківщини (1919—1938 рр.). Історія нар. госп-ва та екон. думки УРСР, Київ, 1975, вип. 9.

Бухарин Н. И. Новейшие работы польских исследователей о революции 1905—1907 годов в России. «История СССР», 1975, № 5.

Грацианская Н. Н. К изучению этнокультурных процессов у этнических меньшинств Словакии. В кн. Ин-

ститут этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва. Полевые исследования Института этнографии 1974 г. М., 1975.

Зайцев В. А., Кузнецова Р. Р. Научный симпозиум в Карловом университете в Праге, посвященный 30-летию освобождения Чехословакии Советской Армией (23—24 апреля 1975 г.). Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1975, № 5.

Казак В. Н. Комиссары в партизанских формированиях советских граждан на Балканах. Вопр. истории, 1975, № 9.

Кизима Г. Г. Комуністичні та інші прогресивні видання Західної України про соціалістичну перебудову села в Україні Рад (1920—1930 рр.). Історія нар. госп-ва та екон. думки УРСР, Київ, 1975, вип. 9.

Кульчицкий В. С. Галицкое наместничество та його антинародна діяльність (1849—1918 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1975, вип. 14.

Легуров Э. И. Из истории борьбы польских коммунистов за национальную культуру в годы второй мировой войны (1939—1944 гг.). Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 14.

Мельниченко В. Ю. Участь іноземних комуністичних груп РКП(б) у створенні Комуністичного Інтернаціоналу. Укр. іст. журн., 1975, № 9.

Нарочницький А. Л., Писарев Ю. А. Итоги и перспективы изучения истории Югославии в СССР. Вопр. истории, 1975, № 7.

Памяти И. М. Белявской (Некролог). Вестн. Моск. ун-та. История, 1975, № 5.

Пиастро Г. Советско-болгарское боевое содружество в годы второй мировой войны. «Коммунист Молдавии», Кишинев, 1975, № 9.

Похлебкина Е. В. Аграрная политика Болгарской коммунистической партии в период строительства развитого социалистического общества. В кн. Вопросы научного коммунизма. Вып. 7. М., 1975.

Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Документы о взаимоотношениях папской курии с великим киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым в 1075 г. Вестн. Моск. ун-та. История, 1975, № 5.

Сандалов Л. М. Освобождение Чехословакии. «Новая и новейшая история», 1975, № 4.

Сардачук П. Д., Чугайов В. П., Швидак О. М. Борьба КПП і КПЗУ за створення єдиного робітничого і антифашистського народного фронту. Укр. іст. журн., 1975, № 7.

Ступников И. Шаги созидания. К 30-летию освобождения Чехословакии. «Коммунист Белоруссии», Минск, 1975, № 2.

Талстой В. С. Сустрєча гісторыкаў сацыялістычных країн у Маскве. Весті АН БССР. Сер. грамад. навук, 1975, № 5.

Тельгарин А. Н. Основы союза и дружбы СССР и ЧССР (К 30-летию договора 1943 г.). В кн. Сб. научн. трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974.

Чистов К. В. Конференция «Этнография славянских народов» в Варшаве. Сов. этнография, 1975, № 5.

Чичовска В. Научная сессия, посвященная проблемам социалистической революции в Болгарии. История Великой Октябрьской соц. революции, 1975, № 8.

Шаблій Є. А. Економічна платформа Комуністичної партії Західної України. Історія нар. госп-ва та екон. думки УРСР, Київ, 1975, вип. 9.

Шимкунас А. Освобождение Чехословакии. «Коммунист», Вильнюс, 1975, № 5.

2. Культура и наука

Андреев В. Д. Литература антифашистского сопротивления в Болгарии. Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 14. История. Язык. Литература, вып. 3.

Бейда В. НТР и фронт идеологии. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 10.

Борисов Б. К. О реализации международной системы патентной информации стран — членов СЭВ и ее взаимосвязи с международными отраслевыми системами научной и технической информации. Проблемы создания и развития Международ. системы научн. и техн. информации, 1975, вып. 3.

Бэлла С. И. Тема второй мировой войны в советской и зарубежных славянских литературах. В кн. Идейно-эстетические проблемы. (Материалы конф. Сов. литература и мировой лит. процесс.) М., 1975.

Взаимодействие социалистических культур. «Театр», 1975, № 10.

Вовченко Г. Некоторые вопросы функционирования и развития Международной системы научной и технической информации. Проблемы создания и развития Международ. системы научн. и техн. информации, 1975, вып. 3.

II Міжнародна конференція слов'янських етнографів. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1975, № 5.

Гановски С. О закономерности сближения социалистических культур. В кн. Социализм и нации. М., 1975.

Глебка П. Ф. Состояние и перспективы развития славяноведения в Белоруссии. Доклад на Всесоюзном координационном совещании по проблеме славяноведения (Москва, 1961 г.). В кн. Глебка П. Ф. Питання гісторії, філології, і мастацтва. Мінск, 1975.

Гордина Е. «Коптана» Петра Коновича. В кн. Из истории музыки социалистических стран Европы. М., 1975.

Градовски Р. Воспитание трудящихся масс в духе интернационализма. В кн. Социализм и нации. М., 1975.

Грудзинно И. И. Проблемы массовой культуры в польской социологии. В кн. Философские исследования. Вып. 1. М., 1975.

Дзюбинская О. Белград, «вечная неделя». «Театр», 1975, № 7.

Дзюбо І. С., Пекарік А. М. Про характер народно-демократичної революції в Болгарії. Питання научн. комунізму, Київ, 1975, вип. 28.

Дочев И. Эффективность науки. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 2.

Дэрэнтівіч М., Радомскі Б. Состояние и перспективы развития системы научной, технической и экономической информации в ПНР. Научн.-техн. информация ВИНТИ. Сер. I, 1975, № 8.

Еганов Г. Л., Лунев И. И. Международная конференция по вопросам борьбы против буржуазной идеологии и ревизионизма (Прага, июнь 1975 г.). Вопр. истории КПСС, 1975, № 9.

Егорова В. О некоторых тенденциях в развитии кантатно-ораториаль-

- ного творчества болгарских, польских, чешских и словацких композиторов. В кн. Из истории музыки социалистических стран Европы. М., 1975.
- Ершов Л. Ф. Польская русистика (советика) на новом этапе. В кн. Идеино-эстетические проблемы. (Материалы конф. Сов. литература и мировой лит. процесс.) М., 1975.
- Живкова Л. Социализм и культурная революция. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 10.
- Журналу «Философска мисъл» — 30 лет. Вopr. философии, 1975, № 9.
- Зенгинов Д. Опера «Тревога» А. Райчева. Сов. музыка, 1975, № 9.
- Значко-Яворский И. Л. Енджей Снядецкий и Петербургская академия наук. В кн. История науки и науковедение. Рига, 1975.
- Йорданов И. Производственная ориентация науки и технического прогресса. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.
- Каждан О. Феномен византийской культуры. «Всесвіт», Київ, 1975, № 10.
- Калинин А. Первая конференция министров просвещения (образования) социалистических стран. Сов. педагогика, 1975, № 5.
- Камениский А. Златю Бояджиев. «Творчество», 1975, № 7.
- Карпенко О. Некоторые вопросы управления деятельностью координационных центров стран — членов СЭВ. В кн. Международная научн.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме: «Организация управления социалистическим промышленным производством». М. 1975. Тезисы докладов.
- Коган Б. М. Развитие чешско-русских культурных связей с конца XVIII в. до кануна революции 1848 г. Автореф. канд. дис. Л., 1974.
- Корний Л. До питання про українсько-болгарські музичні зв'язки. («Болгарський розсвіт у рукописах України кінця XVI—XVII ст.»). В кн. Українське музикознавство. 10. Київ, 1975.
- Косачева Р. Новая болгарская музыка — 75. Сов. музыка, 1975, № 9.
- Крейчи Я. Кадры науки. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 2.
- Крюков А. В. I. I. Срезневский і сербо-лужичани. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1975, № 5.
- Лихачева Л. Поэт и драматург. Георгий Джагаров — в «Иностранной литературе». Иностран. лит., 1975, № 8.
- Людвиг У., Майер Г., Вазе Й. Образование как экономический потенциал при социализме. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 1.
- Маруневич М. В. Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов в XIX и начале XX века. Сов. этнография, 1975, № 5.
- Матвеева Г. О книжной продукции Словакии. Издат. дело, 1975, № 9.
- Международное совещание детских издательств социалистических стран (Прага, 17—21 марта 1975 г.). Дет. лит., 1975, № 9.
- Метсар Л. Эстонская литература в Чехословакии. «Looming», Таллин, 1975, № 7.
- Оболевич В. Б. Поэзия нового польского войска (1943—1945 гг.). Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 14. История. Язык. Литература, вып. 3.
- Паскалев Д. О единстве и сотрудничестве с советской культурой. В кн. Социализм и нации. М., 1975.
- Певец Апрельского восстания. «Karogs», Рига, 1975, № 7.
- Перница Я. Наука — образование — нравственность. В кн. Философские проблемы общественного развития. (Научн.-техн. революция и мораль.) М., 1975.
- Петров С. Любомир Пипков и революционная борьба. Сов. музыка, 1975, № 9.
- Пискунов А. И. Ян Амос Коменский и книга. В сб. Книга. Исследования и материалы. 30. М., 1975.
- Полякова Л. Образы русской литературной классики в чешской опере. В кн. Из истории музыки социалистических стран Европы. М., 1975.
- Пронин П. И. Чехословацкая печать сегодня. Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1975, № 2.
- Протокол VII заседания Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран — «История Великой Октябрьской социалистической революции». Улан-Батор, 5—6 октября 1974 г. История Великой Октябрьской соц. революции, 1975, № 8.
- Самолдин А. А., Залужский Н. А. О VII международном фестивале фильмов социалистических стран по охране труда (София, 22 сентября — 2 октября 1974 г.). Научн. работы ин-тов охраны труда ВЦСПС, 1975, вып. 94.
- Симакова Н. Современная чешская симфония. В кн. Из истории музыки социалистических стран Европы. М., 1975.
- Социалистическая Академия ЧССР. «Слово лектора», 1975, № 10.
- Стоянович И. Обыкновенный человек в необыкновенных обстоятельствах. «Искусство кино», 1975, № 10.
- Тишков В. А. Международный симпозиум по проблемам демократии (Москва, 25—26 марта 1975 г.). «Новая и новейшая история», 1975, № 4.
- Усиков Р. А. Совещание руководителей центральных партийных архи-

вов социалистических стран (Москва, 15—17 апреля 1975 г.). Вопр. истории КПСС, 1975, № 7.

Ушкалов И. Советско-польское сотрудничество в изучении урбанизации. В кн. Рост городов и система расселения. М., 1975.

Фитце В., Ник Г., Паулигк Н., Шлейф Г. Развитие личности и научно-технический прогресс при социализме. Соц.-эконом. и идеол. проблемы научн.-техн. революции (по зарубеж. материалам), 1975, вып. 2, ч. 2.

Фридрихова Э. Показывает Прага. Заметки о чешских иллюстраторах русской и советской литературы. Дет. лит., 1975, № 7.

Ханютин Ю. Документ и образ. «Искусство кино», 1975, № 8.

Хартарски М. Нравственное воспитание в школах Болгарии. Нар. образование, 1975, № 10.

Якименко Л. Советская литература в духовной жизни стран социалистического содружества. В кн. Единство. Сборник статей о многонацион. сов. литературе. Вып. 2. М., 1975.

3. Язык

Авксентьева А. Г. Об одной балто-славянской изоглоссе (iR/uR). «Baltistica», Вильнюс, 1975, № 1.

Волоцкая З. М. К сопоставительному описанию славянских языков. Вопр. языкознания, 1975, № 5.

Дибров А. А. Типы синтаксических отношений между членами предложения, составляющими предикативное ядро (На материале славянских языков). Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1975, № 5.

Ходова К. И. Варьирование и синонимия в грамматике старославянского существительного. Вопр. языкознания, 1975, № 5.

Чекман В. Н. О йотации в праславянском и балтийских языках. «Baltistica», Вильнюс, 1975, № 1.

Широква А. Г. Достижения чехословацкой лингвистики за 30 лет (1945—1975). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 5.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1974, № 6

Цв. Тодорова. Польша, Болгария и межбалканские отношения (1930—1939); Й. Николов. Великая крестьянская война в германской раннебуржуазной революции.

1975, № 1

П. Стойчев. Александр Стамбульский — идеолог мелкобуржуазной демократии; Х. Тодорова. Актуальные проблемы болгарской праистории.

№ 2

Ив. Хараламбиев. Социалистический рабочий интернационал, фашизм и война (1929—1939); Ал. Тончев. Итальянские норманы и балканское население под византийским владычеством (1081—1100).

№ 3

Семидесятилетие БЗНС (Приветствие ЦК БКП БЗНС; Приветствие ЦК КПСС Постоянному Присутствию БЗНС П. Танчев. Взаимодействие БЗНС

и БКП в революционном прошлом и в период социалистического строительства); Хр. Несторов. Победа над фашизмом — переломный момент в мировой истории; М. Ковачева. Начальный период внешнеполитической деятельности Княжества Болгарии; Н. Жечев. Велчева заверя (1835).

№ 4

Хр. Христов. Победа над фашизмом и мировой исторический прогресс; В. Хаджиниколов. Проблемы влияния первой русской революции на Болгарию; Й. Д. Списаревская. Права дубровчан в болгарских землях в период османского владычества (XV—XVI вв.).

«Литературна мисъл», 1975, № 2

Х. Дудевский. Михаил Шолохов и болгарская литература; В. Бехинева. Барокко и литература болгарских католиков; И. Петканов. Петрарка — певец возродившейся человеческой природы.

№ 3

П. Динков. Текстология и литературная история; М. Радонова. Особенности творческого процесса у Вапцарова; Е. Димитрова. «Записки из Мертвого дома» в творческом развитии Достоевского; Ц. Атанасова. Светослав Минков и диаволизм; Л. Захариев. Екатерина Ненчева.

№ 4

Г. Цанев. Встреча с прошлым. Журнал «Новый путь»; Л. Парпулова. Йордан Йовков и болгарский фольклор; Л. Стаматов. Перван Стефанов; М. Тодорова. Поэзия времени и осознанного риска (М. Берберов); В. Ангелов. Прогресс в искусстве; С. Гечев. К вопросу об авторстве Апологии Чернорица Храброго; Е. Георгиев. Краткое житие Климента Охридского в новом освещении.

«Български език», 1975, № 2

С. Пеев. Об иноязычных словах в двух газетах; Л. Крумова. Некоторые особенности языка Николая Хайтова; Р. Златанова. Флективная форма именной части сказуемого в древнеболгарском; М. Виденов. Из исследований по болгарской диалектной лексикологии. II. Краткий сопоставительный лексико-семантический очерк говоров Трынско и Годечко.

«Език и литература», 1975, № 2

И. Лекков. Полная, неполная и избыточная грамматическая информация в системе праславянского глагола; В. Велчев. Общественно-политические взгляды Паисия Хилендарского; К. Влахов. Фракийские фонетические явления в болгарских говорах; Р. Павлова. Неизвестная рукопись с подписью болгарского патриарха Феодосия Тырновского; В. Константинова. Семантические функции предложения *в (съ)* в современном болгарском литературном языке; Т. Димитрова. Проблема художественного пространства в раннем творчестве Маяковского.

«Kwartalnik Historyczny», 1975, № 3

Е. Топольский. Экономическое развитие и формирование нации; Г. Козловская. О проблематике позитивистского перелома в Галиции; А. Скшипек. О генезисе польско-русского коммюнике от 26 ноября 1938 г.

«Przegląd Historyczny», 1975, № 3

Б. Зентара. Валлоны в Силезии в XII и XIII вв.; Д. Моленда. К вопросу об исследованиях по медеплавильному заводу в Могиле под Краковом в XV и XVI вв.; Я. Левандовский. Австро-Венгрия и польский вопрос во время первой мировой войны. Начало оккупационного управления в Царстве Польском; Я. Бергаузен. Польско-словацкие отношения в 1938—1945 гг.

«Z pola walki», 1975, № 3

П. Самусь. Члены Лодзинской организации СДКПиЛ в период до революции 1905—1907 гг. на основе анкетных исследований; Т. Годлевский. Французская коммунистическая партия и идея народного фронта (1934—1938); З. Козик. Польская рабочая партия и Польская социалистическая партия Краковского воеводства на пути к объединению.

«Pamiętnik Literacki», 1975, № 3

М. Эустахевич. Поэт в саду. Сад как мотив обрамления поэтических сборников ренессанса и барокко; А. Ковальчик. Видение средь бела дня. О «Романтике» Мицкевича; Э. Худзиньский. Крестьянское литературное движение в период межвоенного двадцатилетия; С. Домбровский. Две схемы построения литературного произведения в трудах Ю. Клейнера. Герменевтические замечания, сравнения, анализы.

«Slavia orientalis», 1975, № 1

Л. Базылев. Роль Петербургской академии наук в исследовании России; Ф. Селицкий. Российская академия наук и ее связи с польской наукой; Л. Суханек. Русская эсхатологическая поэма барокко; М. Доброгощ. Из проблем повествования в новеллистических произведениях Ивана Тургенева 1862—1882 гг.; Я. Ригер. Проблема происхождения русского литературного языка — проблема периода Московского государства; А. Болек. Типы сложноподчиненных предложений в ранних новеллах Н. Карамзина; И. Марыняк. Об адъективации причастий в говоре староверов, живущих в Польше.

№ 2

Я. Салайчик. Функции тропов в орнаментальной прозе (на примере русской советской литературы); Ю. Капущик. Раннее творчество Ильи Эренбурга (в оценке его собственных мемуарных и публицистических высказываний);

А. Гильднер. «Жизнь господина Мольера» Михаила Булгакова. Проблемы жанровой специфики произведения; З. М а ц е в с к и й. Вопросы литературной критики в концепции Марины Цветаевой; Е. Б а р а н е к. Русские и польские бесподлежащие предложения с личной формой глагола в функции главного члена предложения; С. Ш а д ы к о. Ударение в именных сложных словах современного белорусского языка.

«Ceskoslovenský časopis historický», 1975, № 5

М Ш п и ч а к, Я. Л и п т а к. Военная политика КПЧ в период быстрого развития армии социалистического типа (1948—1954); Я. Г а л а н д а у э р. Бурный 1905 год в жизни Богумира Шмерля; З. В е с е л а - П р ж е н о с и л о в а. Отношение словацкого народа к османской экспансии; Й. Я н а ч е к, Я. К у ч е р а. Запасы благородного металла в Чехии до 1920 г.; Й. П о л а ч е к. Демократическая партия Гвинеи (ДПГ) в борьбе против французского колониализма (1947—1958).

«Česká literatura», 1975, № 3

А. С. М я с н и к о в. Проблемы теории и методологии в литературоведении; И. Г р а б а к. Год великого перелома; Р. П ы т л и к. «Деревня» Я. Кратохвила и ее место в чешской прозе; В. К у д е л ь к а. От действительности к драме; В. М а ц у р а. Общественное содержание лирики И. Безруча.

№ 4

В. Д о с т а л. Да здравствует жизнь или Три десятых заповеди; М. Б л а г и н к а. Заключение на высоком уровне; Я. М о у р к о в а. Несколько замечаний о влиянии С. К. Неймана на поэтические дебюты Иосифа Горы; К. К а р д ы н и - П е л и к а н о в а. Леопольд Стафф и Станислав Костка-Нейман; Д. Д ю р и ш и н. Межлитературные аспекты изучения чешской и словацкой билитературности; Ф. С. Н а р к и р ь е р. О полиморфии литературного и художественного развития XX в.

«Slavia», 1975, № 1

А. В а ш е к. О развитии славянского языка в условиях изоляции; Б. П а т е р н у. К генезису слога Прешерна; Й. Х в и ц. О различных путях развития словацкой романтической поэмы; П. В и н ч е р. Апокалиптические мотивы в поэзии польских катастрофистов (1932—1944) и в поэтическом произведении Рудольфа Фабри «Я — это кто-то другой» (1940—1945).

«Slovenská literatúra», 1975, № 3

С. Ш м а т л а к. Тридцать лет словацкой литературы (1945—1975); К. Р о з е н б а у м. С литературой и в литературе; А. М а т у ш к а. Стремление к полному образу человека в поэзии Л. Новомеского.

«Slavica slovaca», 1975, № 1

И. К о т у л и ч. Развитие наименований лиц, занимающихся выделкой кожи и мехов, в словацком языке; В. Б л а н а р. Изучение назывной функции личных имен; К. Г а б о в ш т я к о в а. Межязыковые контакты в области личных имен (на материале древнесловацкого языка). Л. Д в о н ч. Образование названий жителей в словацком литературном языке; М. М а й т а н. К проблематике языковых контактов (Словацкие топонимы со словами *čup* и *ščop*); В. Г р е г о р. О названии Девин и других словах от индоевропейской основы *dej(e)ǵ; А. Г а б о в ш т я к. Словацко-польские языковые контакты в микро-топонимии Оравы; М. Б л и х а. Межязыковые контакты в микро-топонимии долин рек Ондава и Топля; М. М а й т а н о в а. Чешские и словацкие народные названия грибов с ветвистым плодовым телом.

«Slovenská reč», 1975, № 4

Я. О р а в е ц. Возвратное местоимение *si* в функции объекта; М. М а р с и н о в а. О прилагательных к существительному *komédia*; Й. Н и ж н и к о в а. О разграничении типов определения в старых описаниях языка; В. У г л а р. Гидронимия Липтова; К. П а л к о в и ч. Латинско-словацкий словарь С. Грушки (1706).

«Slovo a slovesnost», 1975, № 2

К. Г о р а л е к. Семантика и грамматика; Коллектив лексикографов Института чешского языка. К вопросу о процессе толкования в одноязычной лексикографии; И. Н е м е ц. Об изучении лексической системы и ее развития; Я. Г у б а ч е к. О дистрибуции ономазиологических процессов в словарном фонде одного профессионального жаргона; В. С к а л и ч к а. Границы социолитгвистики.

«Jezik», 1975, № 3

С. Б а б и ч. Кайкавское *č* в литературном языке; Ж. Б е л а н о в и ч. Фонологическая и морфологическая обусловленность образования этнических имен с помощью суффикса *-anas*; Д. А л е р и ч. Снова о необходимости частичной адаптации местных диалектных имен и фамилий.

III СИМПОЗИУМ ПО БАЛКАНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ «АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА 2»

8—9 апреля 1975 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходил III симпозиум по балканскому языкознанию «Античная балканистика 2». На четырех заседаниях симпозиума заслушано около 20 докладов, посвященных различным аспектам исследования древней лингвистической ситуации Балканского полуострова и соседних районов. В сферу рассмотрения и обсуждения был вовлечен комплекс проблем как собственно лингвистического, так и культурно-этнографического плана, что обусловлено не только комплексным характером самой дисциплины балканистики, но и возросшим вниманием сравнительно-исторического языкознания к изучению древнейшей языковой семантики и восстановлению этно-культурного контекста, отраженного в языковых фактах и тесно связанного с ними.

Большая часть выступающих затрагивала вопросы, связанные с реконструкцией реликтовых языков указанного региона. В докладе И. М. Дьяконова и В. П. Нерознака «Основные черты фригийской морфологии» были приведены грамматические сведения, полученные авторами в результате обследования фригийского корпуса надписей (около 200), а именно: склонение основ на *-o*, *-ā*, согласный и сонант, данные о местоимении и глаголе. По мнению докладчиков, приведенные ими примеры рисуют фригийский как очень архаичный индоевропейский язык, имеющий в области грамматики и, специально, морфологии немало изоглосс не только с греческим, но также с балто-славянскими и индо-иранскими языками. А. А. Королев в докладе «Новые данные о венеетском языке» привлек материалы надписей, найденных после 1967 г., для решения некоторых спорных вопросов, касающихся позиции венеетского среди прочих и.-е. языков, а также предпринял попытку этимологизации отдельных слов из этих надписей (*vinetikaris*, *ekupetaris* и пр.). Доклад О. Н. Трубачева «*Temarundam*, „matrem maris“». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья» посвящено исследование языковой принадлежности названия Азовского моря, встречающегося в качестве глоссы у Плиния.

Автор предлагает новое толкование глоссового *Temarunda* как *tem-arun-da «кормилица Черного моря» (I комп. ср. др.-инд. *tāmas-* «темный» и пр.; II — хетт. *aruna-* «море», др.-инд. *āra-* «пучина»; III — др.-инд. *dhāyah* «кормящий» и пр.) и на основании строгого историко-филологического и этимологического анализа приходит к выводу, что *Temarunda* может получить объяснение как «выражение» на языке коренного населения Боспорского царства, по его мнению, на синдо-меотском языке. Полагая целесообразным отложить обобщения до более полного обозрения материала в будущем, О. Н. Трубачев считает существенным включение проблемы Темарунды в круг проблем особого индоевропейского субстрата индо-арийской, а не иранской принадлежности в Северном Причерноморье и Приазовье. Вопросы родства албанского, иллирийского и мессапского рассматривались в выступлении В. П. Нерознака «Албанский — иллирийский — мессапский. Проблемы родства», который считает, что эти языки имеют теснейшие родственные отношения, восходящие к общеиллирийскому языковому состоянию и входят в палеобалканскую зону и.-е. языковой области. В докладе были приведены интересные примеры из мессапской и иллирийской лексики, находящие параллели в албанском, однако с тезисом об иллирийском происхождении албанского языка не согласился С. Б. Бернштейн. Ряд соображений, касающихся генетической природы догреческого языкового субстрата, высказал Ю. В. Откупщиков в докладе «Фракийский, фригийский и мессапский», вызвавшем критические замечания Вяч. Вс. Иванова и Л. А. Гиндина. Л. С. Баюк в сообщении «Некоторые проблемы ликийского синтаксиса» затронула вопрос о реконструкции праилирийской структуры предложения. Обзор литературы по проблеме автохтонных элементов в румынском языке сделала И. А. Калужская. Ряд докладов касался вопросов, связанных с изучением мифологических и религиозных воззрений древних и их отражения в языке. В. Н. Топоров в докладе «К балканским связям хеттск. *purulliḫa*, лат. *Palilia*, *Parilia* и др.» пред-

принял попытку этимологизации хеттского названия главного праздника года *purullija*, связав его с названием праздника римских пастухов *Pallia*, *Parilia* и некоторыми балканскими фактами (болг. *пълелия*, рум. *ptrlji*), существенными в плане сохранения словообразовательных моделей, неизвестных из языка-источника, а также употребления этих слов в ритуально-мифологических контекстах, и пришел к выводу, что наиболее очевидным и надежным источником, объясняющим и *purullija*, и *пълелия*, и *Pallia*, *Parilia*, является фракийский. В докладе Вяч. Вс. Иванова «К изучению хеттского влияния на древнегреческую культуру» показана роль хеттов как промежуточного звена между Грецией и Ближним Востоком, примером чему может служить возможное влияние на микенскую религию малоазийского культа богини на лошади (ср. мик. *po-ti-ni-ja*, *i-qi-ja*, *a-si-wi-ja* и т. д.), а также эпитет Титанов у Гесиода *πρότεροι θεοί* 'прошлые боги', который является точной калькой хетт. *karuileš*, выступающего в хеттских текстах религиозного содержания. В докладе Л. А. Гиндина «Отражение мифа о поединке в гомеровских гимнах» приводится ряд фактов, говорящих, по мнению докладчика, о необычайно далеко идущем тождестве греч. Аполлона и хетт. Телипина и смежности их функций, что подтверждается, в частности, тождеством культурно-мифологических контекстов, в которые входили упомянутые божества (совпадение топонимического ландшафта и пр.). Рассмотрение одного из мотивов у Гомера стало предметом выступления И. В. Шталь «Мотив пицци у Гомера», убедительно показавшей, что каждое из четырех поколений эпических гомеровских героев имеет в данном мотиве свой структурный компонент, с которым соотносит свой героический потенциал, и проследившей на этом мотиве не только смежу систем единого эпического художественного сознания, но ломку самого его строя. А. И. Зайцев представил эту «Ифимедия, мать алоадов: догреческое божество в гомеровском эпосе», где привел некоторые доводы в пользу отождествления имени греческой героини *Ἰφιμέδεια* с микенским именем богини *i-re-te-de-ja*. Е. Г. Рабинович в сообщении «Замечания о термине ἀρχὴ μέση» исследовала семантику этого понятия на основании включения его в синонимический ряд и привлечения данных мифологии.

Проблемам исследования древнегреческого языка в работе симпозиума было отведено отдельное заседание. Определение диалектной принадлежности языка Алкмана было темой выступления Н. С. Гринбаума «Язык Алкмана: диалектная база», который пришел к выводу,

что этот язык, как и язык других представителей хоровой лирики, питает одна и та же архаическая ахейско-протоионийская диалектная среда микенской эпохи. И. А. Перельмутер выступил с докладом «Особенности строения группы существительного в языке древнегреческой прозы». Н. К. Садыкова проследила историю семантики древнегреческих слов *χρῶς*, *χρῶα*, *χρῶμα*, показав процесс формирования понятия «цвет» в древнегреческом языке. В докладе М. Н. Славягинской «Роль пространственной характеристики действия в формировании греческой категории вида» на основе контекстуального анализа употребления группы глаголов у Гомера делается вывод, что пространственная характеристика действия явилась семантической доминантой для древнейших презентных основ, противопоставленных основе аориста.

А. Ф. Лосев в докладе «Учение о „лектон“ в языкознании античных стоиков» подробнейшим образом разобрал содержание понятия «лектон» у стоиков и показал, что его сущность заключается в том, что оно есть некоторого рода смысловая конструкция. Автор продемонстрировал близость теории лектон, превращавшей человеческое знание только в систему отношений, некоторым основным положениям современной философии языка. Так же досконально с привлечением обширного материала был рассмотрен в сообщении А. А. Тахо-Годи термин «миф» у Платона.

Вопросы этнографии и искусства были посвящены доклады Т. Д. Златковской «Следы древних индоевропейских верований в этнографии современных народов балкано-карпатского региона» и Н. М. Никулиной «Искусство Эгейского мира и его связи с искусством Древнего Востока».

Можно видеть, что тематика симпозиума охватила широкий круг разнообразных вопросов, подлежащих компетенции античной балканистики. Объединение в программе разноплановых проблем: лингвистических, историко-культурных, мифологических, этнографических, проектируемых не только на Балканы, но и на прилегающие территории, — бывшее, по мысли организаторов симпозиума, его основной задачей, вполне оправдало себя, а развернувшаяся на заседаниях оживленная и плодотворная дискуссия подтвердила необходимость именно комплексного подхода к решению данного круга проблем. Был высказан ряд пожеланий относительно будущей тематики симпозиума, куда предложено включить исследование древней истории и археологии данного ареала и некоторые другие вопросы.

И. А. Калужская

КОМПЛЕКСНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ВАРНЕ ПО ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

С 15 по 20 сентября 1975 г. в г. Варне (Болгария) под эгидой ЮНЕСКО проходила международная конференция «Славянские культуры и Балканы». После московской конференции 1974 г., посвященной проблемам развития славянских культур в эпоху формирования наций, конференция в Варне явилась новым важным мероприятием в реализации проекта ЮНЕСКО по изучению славянских культур. В ее работе приняли участие около 150 ученых из Австрии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Италии, Польши, Румынии, СССР, США, Франции, ФРГ, Чехословакии, Югославии. Советская делегация (20 человек) была представлена главным образом учеными из научно-исследовательских центров АН СССР. Кроме того, в конференции участвовали научные работники Института истории искусств Министерства культуры СССР, преподаватели Московского университета, представители АН УССР и АН БССР. Историки и литературоведы, лингвисты, искусствоведы и фольклористы комплексно решали важные вопросы развития культуры славянских народов в их взаимоотношениях с культурами балканских народов в период с IX в. до 70-х годов XIX в.

Конференцию открыл директор Института балканистики БАН чл.-корр. БАН проф. Н. Тодоров. С приветствием к участникам конференции обратились председатель Комитета культуры и искусства НРБ тов. Л. Живкова и представитель генерального директора ЮНЕСКО д-р ист. наук В. А. Тюрин. На пленарном заседании был заслушан доклад Н. Тодорова об общих вопросах развития культур на Балканах, взаимосвязях славянских и неславянских культур, особенностях их развития на отдельных исторических этапах.

На конференции было сделано 122 доклада и сообщения, в дискуссии зафиксировано свыше 70 выступлений. Большая часть докладов и сообщений была заслушана в двух секциях: «Славянские культуры и Балканы (IX—XVII вв.)» и «Формирование культуры южных славян в XVIII—XIX вв. в процессе развития европейской культуры».

На первой секции были рассмотрены такие проблемы, как славянская письменность на Балканах и европейской традиционализм, Киевская Русь, Балканы и Византия в XI—XIII вв. Большое внимание к этим проблемам проявили болгарские и югославские ученые. Э. Георгиев (НРБ), выступивший с основным докладом по теме, стремился рассмотреть вопрос о происхождении славянской письменности в аспекте европейской куль-

туры. Интерес вызвал доклад З. Кланцны (ЧССР), в котором на археологическом материале освещались некоторые вопросы деятельности Кирилла и Мефодия. С новыми открытиями славянских (и в том числе русских XII в.) эпитафических памятников в Италии познакомил участников конференции Д. Делль Атата (Италия). Об истории открытия (в свете новых данных) одного из древнейших памятников славянской письменности — Киевских глаголических листов — говорилось в сообщении Б. Н. Фонкича (СССР). Доклад И. Ф. Балзы был посвящен выявлению роли богомилов в развитии прогрессивных общественных движений в европейских странах.

Взаимоотношениям в области культуры и общественной мысли Киевской Руси, Балкан и Византии были посвящены доклады А. И. Рогова, Г. Г. Литаврина, Э. В. Удальцовой (СССР), в которых проводилась мысль о высоком уровне древнерусской культуры, ее тесных связях с культурой балканских народов.

Большое внимание было уделено вопросу об античных византийских историках средневековых балканских и славянских культур. На этом вопросе останавливались Т. Василевский (ПНР), П. Каранис (Греция), В. Тышкова-Заимова (НРБ), С. С. Аверинцев (СССР) и ряд других участников.

Пути развития русского и византийского искусства XIV—XV вв. в их связях с искусством балканских народов нашли освещение в докладах советских (О. И. Подобедова, Э. С. Смирнова, О. С. Попова, Г. В. Попова), болгарских, югославских и греческих участников конференции. Следует отметить, что в докладах греческих ученых (в частности, С. Киссас) получила интересное и объективное отражение роль славянских искусств на Балканах, распространение их памятников у неславянских народов.

В ряде выступлений по вопросам литературных связей между Византией, славянскими и неславянскими народами содержался новый материал. Это касается культурных сокровищ Афона (А. Тахиаос—Греция, А. Рошковская—НРБ), памятников славянской культуры, главным образом письменности, в Италии (А. Гийу, Франция), деятельности Г. Цамблака (Л. В. Горина, СССР) и др.

В секции «Формирование национальной культуры южных славян в XVIII—XIX вв. в процессе развития европейской культуры» большое внимание было уделено характеристике культурных центров южных славян на Балканах и за их пределами, проблеме славянского единства в процессе формирования национального сознания.

Р. Плашка и Х. Хазельштайнер (Австрия) остановились на роли центров славянских и балканских народов в Вене, Лейпциге, Праге и Граце. Н. Драгова (НРБ) рассматривала период с конца XVII до 40-х годов XIX в. и выделила два типа болгарских культурных центров: традиционные (Сремские Карловцы, Киев и др.) и новые (Вена, Бухарест, Константинополь и др.). Каждый из них, по мнению Н. Драговой, представлял важное звено в болгарском культурном процессе. В докладе проводилась мысль о народности, демократизация и революционности болгарской культуры в первой половине XIX в. Доклады К. Великого (СРР) и Н. Жечева (НРБ) были посвящены культурным центрам болгар на территории Румынии в XIX в. Б. Ничев (НРБ) в докладе «Возникновение новых южнославянских литератур и идей славянского единства» высказал мысль, что «славянская идея», существовавшая в течение предшествующих четырех веков, была проникнута ностальгией по славянской государственности. В центре ее была вера в русский народ и Россию.

Роль России в культурном и национальном развитии балканских народов получила освещение в докладах Г. Л. Арша (СССР) «Россия и греческое просвещение в начале XIX в.», В. И. Злыднева (СССР) «Русско-болгарские взаимоотношения и становление болгарской национальной литературы».

На вопросах идеологии «всеславяинства» и развитии национального самосознания у славянских народов Австрийской империи в первой половине XIX в. остановилась И. И. Лещиловская (СССР). И. Конев (НРБ) проанализировал типологию русско-балканских культурных взаимоотношений в процессе формирования балканских национальных культур. Ф. Метшк (ГДР) осветил позицию нижнедунайской периодической печати в период борьбы болгарского народа за национальное освобождение и становление болгарской государственности. С. Папулидис (Греция) посвятил свой доклад связям патриарха Серафима II с Россией, его роли в реализации греческого плана Екатерины II.

Выступления ученых из социалистических стран, как правило, были посвящены конкретным вопросам, хотя было заметно стремление к более широким обобщениям (И. Конев, Н. Драгова). Ученые ГДР — Г. Цигенгайт, Х. Грассгоф, У. Леман — выступили с коллективным докладом, в котором была освещена роль немецкого просвещения, классицизма и романтизма в распространении южнославянских культур в Западной Европе.

В лингвистической секции рассматривались проблемы взаимоотношения южнославянских и балканских литературных

языков и их роль в развитии культуры в эпоху национального Возрождения.

В интересном докладе К. Гутшмидта (ГДР) «Южнославянские литературные языки и развитие культуры», вобравшем, кстати, и опыт советских языковедов, убедительно были показаны различные этапы в формировании болгарского литературного языка XIX в. Внимание участников конференции привлекли также доклады В. Келарю (СРР) «Контакты между румынским и болгарским литературными языками в эпоху Возрождения», Р. Бернара (Франция) «О некоторых словах греческого происхождения в болгарских говорах», С. Б. Бернштейна (СССР) «О некоторых аспектах сравнительного изучения балканских литературных языков». Э. Хемп (США) ознакомил аудиторию с итогами своего большого исследования, посвященного проблемам взаимоотношений балканских языков в эпоху позднего феодализма.

На секции большое внимание было уделено проблемам славяно-греческих языковых контактов. Об этом свидетельствовали доклады И. Ирмшера (ГДР) «Славянские языки и новогреческий язык», Й. Заимова (НРБ) «Болгарские этногенетические проблемы в свете болгарских географических названий в Греции», Е. Вранусиса (Греция) «Отражение славянской топонимии у византийских авторов» и др.

В прошлом слависты и балканисты много занимались проблемами славяно-греческих языковых контактов на Балканах, однако после второй мировой войны исследований в этой важной области почти не проводилось. Научная конференция в Варне показала, что к ним вновь возник интерес — больше всего участники выступили по проблемам славяно-греческих языковых связей.

На секции фольклора были заслушаны три доклада болгарских ученых — П. Динекова, С. Джуджева, Б. Томовой, три советских — Б. Н. Путилова, Т. П. Рудой, И. М. Шептунова, один американского — А. Лорда, один румынского — И. Кицимии и один югославского — Н. Поленаквича. В докладах рассматривались такие важные проблемы, как место и роль фольклора в балканском культурном процессе и в развитии национальных литератур и шире — национальной культуры; процесс движения от фольклора к литературе; фольклор и народный быт; общие и специфические особенности музыкального фольклора и танцевальные культуры славянских и неславянских народов Юго-Восточной Европы; типология эпических жанров.

В докладе П. Динекова был дан глубокий анализ значения культурно-бытовых сдвигов в народной среде для процесса перестройки фольклорной системы; он показал, как бытовые сдвиги непосредственно регулируют этот процесс.

В докладе А. Лорда «Античное наследие в эпосе балканских славян» можно обнаружить тенденции к преодолению традиционного компаративизма и к поискам новых подходов в объяснении сюжетного сходства в эпосе разных народов.

Во время конференции состоялись два заседания за круглым столом в форме свободной дискуссии. На одном из них обсуждались текстологические и археографические проблемы изданий древних памятников болгарской письменности, а на втором — проблема «Богомилы и катары».

В центре внимания участников первого заседания были такие вопросы, как примечательность и недостатки разных типов изданий памятников письменности, текстологические принципы изданий оригинальной и переводной литературы, общие принципы реконструкции текста, пунктуация и надстрочные знаки как издательская проблема. В ходе дискуссии выявились разногласия между лингвистами и историками. Лингвисты (С. Б. Бернштейн и др.) говорили о необходимости точного воспроизведения оригинала, всех его особенностей, надстрочных знаков, пунктуации, необходимости в списках давать все разночтения по другим известным спискам данного памятника, комментариев и словоуказатель (индекс). И. Дуйчев защищал принципы так называемого облегченного издания с раскрытием титулов, с современной пунктуацией, без обязательного словоуказателя. О. И. Подобедова высказалась за необходимость фототипических изданий. Большое место в выступлениях участников заседания занял вопрос о пунктуации. В связи с тем, что древняя пунктуация имела иную функцию, отличную от современной, большинство выступило за ее сохранение.

На втором заседании за круглым столом развивалась идея о значительном влиянии богомильства на общественную мысль и особенно еретическое движение в Западной Европе. При этом не всегда принималась во внимание возможность независимых, параллельно существовавших процессов и явлений и не всегда учитывалась разница в богомильстве на разных стадиях его развития (на это

обратили внимание З. В. Удальцова, И. Ф. Балза). Вместе с тем следует отметить, что идея рассмотрения еретических движений у славянских народов в средние века и исследование их значения в общественной жизни разных народов заслуживают всемерной поддержки и специального изучения.

В итоге можно сказать, что при довольной разветвленной структуре конференции ее комплексность положительно сказалась на изучении вопросов культуры славянских и неславянских народов на Балканах. Здесь был затронут ряд малоисследованных проблем. Не всегда предлагаемые решения удовлетворяли всех участников, но они будили мысль, вызвали интерес и поэтому были полезны и нужны в научном отношении.

Пропедевская конференция определенно содействовала дальнейшей интернационализации Славянского проекта ЮНЕСКО как в расширении изучаемого региона, так и в отношении привлечения внимания исследователей из неславянских стран. Хотелось бы при этом отметить, что на конференции в Варне заметно возросло участие молодых ученых. Активизировались исследования по проблемам славянских культур в неславянских странах. Поэтому не случайно в Варне большую активность проявили ученые из Греции, США, Франции, Австрии.

Вся работа конференции проходила в деловой и доброжелательной атмосфере, а ее организаторы — ученые БАН, представители Комиссии НРБ по делам ЮНЕСКО, Комитета культуры и искусства — дали возможность всем участникам конференции ощутить болгарское гостеприимство и проникнуться величием древних и новых памятников культуры, по праву составляющих гордость болгарского народа.

Следующая конференция в рамках Славянского проекта ЮНЕСКО состоится в октябре 1976 г. в Берлине (ГДР). В центре внимания будет проблема: «Славянские культуры в контексте европейских культур (к истории их взаимоотношений в XVIII—XX вв.)».

В. Злыднев, А. Рогов

КОНФЕРЕНЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

20—22 октября 1975 г. в Словакии, в Кочовцах близ г. Нове Место над Вагом, состоялась научная конференция чехословацких и советских историков на тему «Основные проблемы чешского и словацкого национально-освободительного движения с конца XVIII до 70-х годов XIX в.». Конференция была организована Институтом истории Словацкой академии наук и Институтом чехословацкой и всеобщей истории Чехословацкой академии наук.

На торжественном открытии конференции с приветственными речами выступили директор Института истории САН д-р М. Кропиллак, член президиума ЧСАН, директор Института чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, чл.-корр. Я. Пурш, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. Д. Ф. Марков и член президиума САН, чл.-корр. В. Цирбес.

Программа конференции предусматривала обсуждение важнейших теоретических и конкретно-исторических проблем истории национально-освободительного движения чешского и словацкого народов в XIX в. В ходе трехдневных заседаний, в которых участвовало более 30 человек, было заслушано 12 докладов и несколько сообщений.

В докладе И. С. Миллера «Изучение национального Возрождения славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в Институте славяноведения и балканистики АН СССР» были изложены основные принципы комплексного исследования этой многоплановой проблематики. И. С. Миллер подчеркнул, что при изучении проблем национального Возрождения славянских народов необходимо сочетание двух взаимодополняющих направлений: систематизированного и комплексного рассмотрения одной или нескольких проблем на многонациональной основе и многоаспектного, комплексного исследования процессов в рамках национальной истории. В. И. Фрейдзон в докладе «Общие закономерности и специфические черты национально-освободительных движений славянских народов Австрийской империи» провел сопоставительный анализ этих процессов у различных славянских народов, отметив неразрывную связь национальных движений с классовой и социальной основой, с определенными этапами превращения этих народов в нации и связанной с этим асинхронностью развития национальных движений.

В докладе проф. Я. Тибенского, посвященном основным проблемам изучения истории словацкого национального Возрождения, много внимания было уделено вопросам его периодизации, критике буржуазных концепций и формированию национальной идеологии словаков. До-

клад д-ра Я. Гучко и сообщение д-ра М. Шмерды касались вопросов историографии. Особое внимание было уделено работам чешских и словацких историков за последние 15 лет.

В. А. Дьяков в докладе «Политические интерпретации идей славянской взаимности» дал сопоставительный анализ основных концепций славянской взаимности и славянского единства у различных славянских народов, показал отсутствие идентичности в понимании терминов «славизм», «всеславянство» и других, раскрыл содержание «русофильства» как одного из компонентов восприятия идеи славянской взаимности деятелями чешского и словацкого национального движения.

И. И. Лещиловская, И. Кочи и В. Матула рассмотрели основные проблемы революции 1848—1849 гг. у славянских народов. И. И. Лещиловская говорила о некоторых аспектах соотношения национальной борьбы и массовых движений; И. Кочи изложил новые факты о начале революции 1848 г. в Чехии и о майских событиях 1849 г.; В. Матула остановился на особых трудностях изучения этой проблематики в Словакии и критике буржуазной концепции Д. Рапанта.

В докладе К. П. Гогиной были изложены основные аспекты изучения проблем развития чешской нации в годы утверждения капитализма в планируемом Институтом славяноведения и балканистики АН СССР коллективном труде историков, историков культуры и литературоведов.

Проф. И. Бутвин в докладе «О некоторых проблемах словацкого национально-освободительного движения в 60-е годы XIX в.» остановился на особенностях формирования словацкой нации, национальной программе словаков в 60-е годы и выдающейся роли М. Гурбана в словацком национальном движении этого периода. О роли чешского пролетариата в национально-освободительном движении периода 1848—конца 60-х годов говорил В. Пеша. Экономическому положению Словакии и отношениям между рабочим и национально-освободительным движениями был посвящен доклад П. Гапака.

В дискуссии по докладам выступили 15 человек. Основное внимание участников конференции привлекли проблемы формирования славянских наций, национальной идеологии, периодизации национально-освободительного движения чехов и словаков, содержание отдельных его этапов. Я. Пурш изложил свое понимание комплексного изучения проблематики национального Возрождения как типологического анализа систем в том или ином ограниченном регионе. М. Грох, говоря о процессах формирова-

ния наций, подчеркнул важность изучения типологии национальных движений, учитывая их ограниченную прогрессивность, связанную с процессами развития социальной структуры, с характером национальной буржуазии. О содержании и роли славянской идеологии в процессе формирования наций рассказал В. Счастный. По проблемам, связанным с интерпретацией идей славянской взаимности, выступили И. Бутвин, В. Матула, Я. Тибенский. И. Бутвин подчеркнул зависимость прогрессивного или реакционного понимания идей славянской взаимности у разных народов на разных этапах развития национального движения от их социальных основ; В. Матула, раскрыв причины противоречивости национальной концепции Л. Штура, остановился на оценке русских границ славянофилов национальными движениями славянских народов; Я. Тибенский подчеркнул необходимость дифференцированного подхода к пониманию идеи славянского единства в концепции Я. Коллара. О различных проблемах национального движения чехов и словаков в связи с революцией 1848—1849 гг. говорили в своих выступлениях И. Бутвин, К. Новотны, В. Пеша, П. Гапак.

М. Шестак остановился на некоторых проблемах национально-освободительного и рабочего движения в 60-е годы XIX в. и, в частности, на характеристике и модификации австрославизма как основной политической концепции национального движения этого периода; в сообщении д-ра В. Бородовчака были приведены новые материалы по истории словацкого национального движения 60—70-х годов XIX в.; З. Урбан охарактеризовал чешско-словацкие отношения 60—80-х годов XIX в., а В. Счастный — роль славянской идеологии и проблему союзников в чешском национальном движении 60—70-х годов XIX в. В выступлении О. Урбана были затронуты вопросы особенностей формирования буржуазного общества у славянских народов и понимания буржуазной революции в австрийской монархии как процесса, охватывающего период с 1848 до начала 70-х годов XIX в.

На заключительном заседании были подведены итоги конференции. Участники конференции поддержали и одобрили общее направление ведущихся исследований по данной проблематике.

К. Гогина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ПРОБЛЕМЫ СВЯЗЕЙ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С ДРУГИМИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЛИТЕРАТУРАМИ МИРА»

(София, 26—31 августа 1975 г.)

Симпозиум проводился в рамках МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы), под патронатом члена Политбюро ЦК БКП, председателя Всенародного комитета болгаро-советской дружбы тов. Цоля Драгойчевой. Он был организован Обществом русистов в Болгарии. В работе секций приняло участие около 280 человек из 17 стран мира. Было прочитано более 100 научных докладов и сообщений. Симпозиум вызвал большой интерес и у болгарских преподавателей русского языка и литературы, прибывших для участия в нем из многих городов страны.

С приветствиями к участникам симпозиума обратились тов. Цоля Драгойчева, акад. Ангел Балевский (президент БАН), акад. Пантелей Зарев (вице-президент БАН и председатель СБП), проф. Васил Колевский (председатель Общества русистов в Болгарии). От делегации Советского Союза выступил акад. Д. С. Лихачев.

В выступлениях подчеркивалась важность дальнейших научных исследований

проблемы взаимосвязей литератур мира с русской и советской литературой, говорилось об их прогрессивном значении для литературных процессов многих народов и стран, о новаторском характере советской литературы. Акад. Д. С. Лихачев особо остановился на традиционных, уходящих своими корнями в глубь веков связях между русской и болгарской культурой, на тех факторах духовной жизни обеих наций, которые роднят их, закладывают прочный фундамент их культурной общности.

На пленарном заседании были зачитаны доклады проф. Василя Колевского «Советская литература и мировой литературный процесс», болгарского поэта Младена Исаева о переводах и восприятии произведений Блока в Болгарии, проф. Ирвина Уайла (США) «О связи юмористических традиций в русской и американской литературе», чл.-корр. АН СССР Г. И. Ломидзе «Роль русской литературы в формировании и развитии других национальных литератур», доц. Базыля Бялокозовича (Польша) «Воплощение идеи польского национально-освободительного движения „За вашу и

нашу свободу" в русской художественной литературе XIX—XX веков).

Дальнейшая работа симпозиума проходила по секциям. Все члены советской делегации, состоявшей из представителей ученых Москвы, Ленинграда и Одессы, выступили с докладами, а также приняли участие в дискуссиях.

Тема докладов и сообщений 1-й секции — «Литература и народное творчество. Древнерусская литература». В докладе «Болгаро-русские литературные параллели в период средневековья» акад. П. Динев (Болгария) остановился на исторических предпосылках создания однотипных литератур у болгар и русских в период средневековья, определил генетические и типологические параллели в развитии обеих литератур. Сопоставлению «Слова о полку Игореве» с болгарским героическим эпосом был посвящен доклад Ф. Примы (СССР). Доклад на тему «Исторические закономерности взаимосвязей литературы и народного творчества» сделал П. Выходцев (СССР).

Выступления ученых на 2-й секции касались проблематики русской литературы XIX в. Чл.-корр. БАН Э. Георгиев в своем докладе «Изучение русской литературы в контексте славянских литератур» наметил принципы, общие направления изучения данной проблемы. В докладах и сообщениях других участников секции затрагивались более конкретные вопросы развития и взаимосвязей литературы XIX в. Так, например, Г. Германов (Болгария) говорил об аспектах изображения болгарского национально-освободительного движения в русской литературе XIX в., С. Гольдгарт (Польша) — о тургеневских традициях в прозе Генри Джеймса, А. Икономиду (Греция) — о переводах произведений Достоевского на новогреческий язык, Н. Тун (ГДР) — о художественном воздействии романа «Война и мир» на мировую литературу времен второй мировой войны. К. Ровда (СССР) сделал доклад на тему «Фрич и Пыпин (Из истории русско-чешских литературных отношений 70—80-х годов XIX века)».

Наиболее многочисленной по числу

участников была 3-я секция — «Русская литература XX века. Советская литература». Выступления советских ученых на этой секции отличались большим разнообразием тем, проблем, материала. А. Овчаренко говорил о вкладе советских писателей в развитие мировой литературы, А. Павловский — о характерных тенденциях в развитии современной русской поэзии, Л. Арутюнов — об интернациональном значении опыта многонациональной советской литературы. Доклад Д. Лихачева назывался «Эволюция одного литературного образа (М-р Винкель из „Пиквикского клуба“ Диккенса, Аметистов из „Зойкиной квартиры“ М. Булгакова, Остап Бендер Ильфа и Петрова)». Тема доклада В. Злыднева — «Советско-болгарские литературные отношения в конце 30-х — начале 40-х годов», Н. Яковлевой — «Историко-революционный роман в современной советской литературе и литературах социалистических стран Европы», В. Хорева — «Владислав Броневский и советская литература». Л. Бурчак посвятила свое выступление проблеме взаимодействия литератур народов СССР в курсе советской литературы для университетов за рубежом.

На заседаниях 4-й секции симпозиума обсуждались вопросы драматургии. В большинстве выступлений на этой секции освещались в разных аспектах проблемы постановки произведений Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Горького на сценах зарубежных театров, их восприятия и интерпретации, вопросы литературных и театральных связей. В докладе П. Русева (Болгария) сопоставлялась драматургия Чехова и Горького и драмы Яворова; А. Семчук (Польша) прочитал доклад на тему «Русский роман XIX века в театральных постановках в народной Польше». Современной драматургии были посвящены два доклада: Н. Пономаревой (СССР): «Особенности развития советской и болгарской драматургии на современном этапе» и В. Малковой (Болгария) «Современная советская драма за рубежом».

Н. Пономарева.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

В Праге в октябре 1975 г. состоялось очередное заседание Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов, организованное кафедрой славянской филологии философского факультета Карлова университета.

В нем приняли участие ведущие ученые-слависты из девяти социалистических и капиталистических стран: от Советского

Союза — чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков, председатель комиссии, д-р ист. наук В. А. Дьяков, д-р ист. наук И. С. Миллер, научный сотрудник Н. А. Прокофьева; от ЧССР — чл.-корр. ЧСАН К. Горалек, проф. Я. Петр, проф. Ф. Вл. Матула; от ПНР — проф. С. Урбанчик, проф. Ю. Бардах, проф. П. Зволинский; от НРБ — проф. В. Заимова; от ГДР — проф. П. Новотны и д-р Х. Порт; от

СФРЮ — чл.-корр. Македонской АН Х. Поленакович; от Австрии — проф. Й. Хамм; от Великобритании — д-р Д. Стоун; от Финляндии — проф. В. Кипарский.

Многочисленная группа чехословацких ученых представляла следующие научные учреждения страны: философский факультет Карлова университета, Чехословацко-советский институт ЧСАН в Праге, пражский Институт чехословацкой литературы ЧСАН в Брно, философский факультет Университета Я. Е. Пуркине в Брно, университет Палацкого в Оломоуце и Матицу Словацкую в Мартине. Всего в заседании приняло участие более 50 человек.

Симпозиум открыл проректор Карлова университета проф. В. Рзоунок, тепло приветствовавший присутствующих и пожелавший им плодотворной и успешной работы.

В ходе симпозиума было заслушано 25 докладов. Эта встреча ученых-славистов, работающих в области изучения вопросов истории славистики, была организована для взаимного обмена результатами новейших исследований с целью выработки единых критериев и методов изучения данной проблематики, так как главной задачей Международной комиссии является создание синтетической истории мировой славистики. На предыдущих московском (1972) и варшавском (1973) заседаниях комиссии были приняты решения начать подготовку проблемных сборников по истории славистики с участием видных ученых различных стран. В соответствии с этими решениями одним из основных вопросов, обсуждавшихся на пражском заседании, было обсуждение планов-проспектов запланованной пятитомной серии международных сборников по истории славистики, представленных болгарскими, польскими, советскими и чехословацкими учеными.

Доклад советских специалистов был посвящен содержанию и структуре сборника на тему «Методологические проблемы изучения истории славистики». Чехословацкие ученые рассказали о работах, ведущихся по истории славистики конца XVIII и первой половины XIX в. Болгарские ученые сделали сообщение по теме подготавливаемого болгарской стороной сборника «История славистики конца XIX и начала XX в.». Польские коллеги выступили с докладом по теме сборника «История славистики межвоенного периода (1918—1939)».

В результате обсуждения представленных планов-проспектов названных сборников был уточнен ряд принципиально важных, с точки зрения дальнейшего продолжения работы, вопросов и тем, что, безусловно, будет содействовать развитию изучения истории славистики и укреплению научных контактов среди ученых различных стран.

В ходе научного симпозиума были также заслушаны доклады и сообщения, характеризующие состояние изучения вопросов истории славистики в ряде славянских и неславянских стран. Особый интерес вызвали доклады, касающиеся вопросов периодизации международной и национальных историй славистики, а также доклады, посвященные общим проблемам славяноведения. Большой интерес вызвали доклады: Д. Ф. Маркова — о перспективах развития славистической науки и конкретных задачах, стоящих перед Международной комиссией по истории славистики; В. Матулы — о концепции содержания сборника по истории славистики (1780—1848), в котором подчеркивалось, что при создании синтетического труда по истории мировой славистики необходимо различать три стадии в исследовательской работе: 1) методологическую и теоретическую подготовку, 2) аналитические исследования истории славистики стран в данный период и 3) синтетические обобщения. Интересную научную дискуссию вызвал доклад В. А. Дьякова «Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения как науки», а также выступление Й. Хамма — об изучении славистики в неславянских странах; Ю. Бардаха — об этапах развития польской истории славистики и доклад А. С. Мыльникова «Вопросы периодизации истории мировой славистики».

Пражский научный симпозиум стал свидетельством плодотворности и необходимости научного обмена мнениями, а также совместного обсуждения проблем учеными, работающими в данной области науки.

Специальное заседание было посвящено организационным вопросам и обсуждению плана дальнейшей работы Международной комиссии по истории славистики. Были приняты следующие решения:

1 Состав комиссии решено формировать, исходя из следующих норм представительства: от СССР — 7—8 человек, из других славянских стран — 3—4 человека, из неславянских стран — 2—3 человека. Проект устава Международной комиссии по истории славистики, подготовленный в соответствии с предложениями, поступившими от стран-участниц, решено разослать всем национальным комитетам славистов с просьбой подтвердить свое согласие или внести необходимые изменения.

2. Для улучшения организационного и научного руководства работой в период между пленарными заседаниями решено создать Президиум Международной комиссии по истории славистики в составе: председателя — Д. М. Маркова (СССР), вице-председателей: В. А. Дьякова (СССР), В. Матулы (ЧССР), Й. Хамма (Австрия), а также представителей от НРБ, ПНР, СФРЮ.

3. Основной задачей Международной комиссии на ближайшие годы должна стать подготовка и издание международных сборников по истории славистики.

4. Представленные членами комиссии из НРБ, ПНР, СССР и ЧССР планы сборников решено одобрить с учетом высказанных при их обсуждении замечаний и до конца 1975 г. представить окончательные варианты планов-проспектов в Президиуме комиссии.

5. Образовать при Международной комиссии редакционный совет, в обязанности которого будут входить организация и контроль за ходом работ по изданию серии международных сборников по истории славистики. В состав редакционного совета войдут: председатель комис-

сии, три вице-председателя, а также ответственные редакторы всех сборников.

6. Просить национальные комитеты славистов: в возможно короткий срок сформировать редколлегии сборников и сообщить их состав Президиуму, включить отдельные сборники в научные и издательские планы соответствующих учреждений, всемерно оказывать помощь редколлегиям в подборе авторов по соответствующей тематике, поручить редколлегиям сборников разработать график их подготовки и до конца 1975 г. сообщить их Президиуму.

7. Очередное заседание Международной комиссии по истории славистики провести в 1976 г.

Н. Прокофьева

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ХРЕНОВ

19 августа 1975 г. скончался Иван Александрович Хренов, видный историк-славист, много сделавший для развития советского славяноведения, член КПСС с 1927 г.

И. А. Хренов родился в 1906 г. в селе Михалково Бурмакинского района Ярославской области. После окончания в 1927 г. Костромской губернской совпартшколы он преподавал обществоведение, а затем был директором школы. В 1933—1934 гг. учился в Коммунистическом университете общественных наук, в 1938 г. успешно окончил Московский институт истории, философии и литературы и был зачислен в аспирантуру. С начала Великой Отечественной войны до конца 1945 г. И. А. Хренов находился в рядах Советской Армии. Он участвовал в боях с гитлеровскими захватчиками и за боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды.

В 1948 г. И. А. Хренов окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лодзинское восстание 1905 г.». С 1949 г. по 1953 г. И. А. Хренов работал в аппарате ЦК КПСС, а затем до последних дней своей жизни — в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, вначале заместителем директора, с 1962 по 1969 г. — директором, потом — старшим научным сотрудником. В 1965 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. И. А. Хренов внес большой вклад в изучение русско-польских революционных связей в годы первой русской революции (монография «Лодзинское восстание» и ряд других работ), влияния Великой Октябрьской

революции на подъем польского освободительного движения и ее значения для восстановления независимости Польши, истории КПП («Образование Коммунистической рабочей партии Польши», «Коммунистическая рабочая партия на путях превращения в партию нового, ленинского типа») и ППР («Борьба ППР за национальное и социальное освобождение польского народа» и другие работы).

Он один из авторов и редакторов коллективного труда «История Польши», участник других крупных научных изданий. Большую работу выполнял И. А. Хренов в качестве ответственного редактора советской части советско-польской редколлегии серийного издания «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Плодотворным было его участие в работе многих конференций и симпозиумов в нашей стране и за рубежом.

В течение многих лет И. А. Хренов являлся членом Комиссии историков СССР и ПНР, с момента основания Общества советско-польской дружбы был членом его Центрального правления. Деятельность И. А. Хренова по укреплению советско-польской дружбы была высоко оценена правительством ПНР, наградившим его орденом Возрождения Польши.

И. А. Хренов был принципиальным коммунистом, требовательным к себе, скромным и хорошим товарищем, готовым всегда помочь своими знаниями и опытом всем, кто с ним работал или общался. Таким он останется в нашей памяти.

И. Костюшко

CONTENTS

<p><i>A. I. Sokolov.</i> Prospects of deepening of socialist economical integration. <i>T. V. Ignatjeva.</i> Struggle of the democratic forces against N. Petkov's opposition grouping in the Bulgarian Agricultural Popular Unity for realization of social-economical reforms in Bulgaria during the first years of peoples' power. <i>A. Skshypek</i> (Poland). Polish-soviet negotiations of 1934 on the problem of the Baltic Declaration. <i>S. Velikov</i> (Bulgaria). About the activity of Bulgarian school in Tsargrad. <i>G. E. Sanchuk.</i> German-Czech relations of the first half of the X century. <i>V. E. Gusev.</i> A manuscript collection from Vyk Karadgic's library — a literary monument of Dubrovnik culture (end of the XVII — beginning of the XVIII centuries). <i>S. B. Bernstein, G.P. Klepikova.</i> Processes of lingual interference on the Carpathians and «Allcarpathian dialectological atlas». <i>S. A. Averina.</i> To the characteristics of lexical modification in the ancient slavonic translations . . . . .</p>	3
---	---

PUBLICATIONS

<p><i>L. S. Kishkin.</i> F. Palacky's acquaintance and correspondence with V. A. Zhukovskii . . . . .</p>	83
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

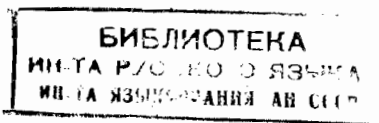
<p><i>L. N. Klepatskii.</i> Scientific serial «Economics and politics of the foreign socialist countries». <i>P. N. Olshanskii.</i> Euzebiusz Basinski, Tadeusz Walichnowski. <i>Stosunki Polsko-radzieckie. 1944—1947.</i> <i>E. L. Nemirovskii.</i> The new work about beginning of printing in the Ukraine. <i>O. Semenova.</i> The history of the Royal Castle's architectural ensemble in Warsaw. <i>Yu. K. Begunov.</i> The Second Ciril and Methody collection. <i>N. I. Tolstoy.</i> Large synonymous dictionary of serbian-croatian language. <i>Yu. V. Otkupshchikov.</i> «Baltic-slavonic studies» . . . . .</p>	87
---	----

Bibliography

<p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slaw peoples published in the soviet periodicals in 1975 (continuation). The contents of foreign periodicals . . . . .</p>	105
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>I. A. Kaluzhskaya.</i> The III symposium on Balkan linguistics «Antique balkan studies 2». <i>V. Zlydnev, A. Rogov.</i> Complex conference on problemes of slavonic cultures in Varna. <i>K. Gogina.</i> Conference of the historians of the USSR and Czechoslovakia. <i>N. Ponomareva.</i> International symposium «Problems of the connections of Russian and soviet literature with world national literatures». <i>N. A. Prokofyeva.</i> International scientific symposium on the history of slavic studies . . . . .</p>	117
<p><i>J. Kostiushko.</i> Ivan Aleksandrovich Hrenov . . . . .</p>	127

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11/XII-1975 г. Т-00630 Подписано к печати 9/II-76 г. Тираж 1255 экз.
 Зак. 3169 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 13,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Г 19

ВОЛХОНКА 18/2

Б-КА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К